ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ
УИЛЬЯМ ГИБСОН
НОВЫЙ РОМАН ОТ КЛАССИКА КИБЕРПАНКА!
ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!
АЗБУКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Уильям Гибсон прославился трилогией «Киберпространство» («Нейромант», «Граф Ноль», «Мона Лиза овердрайв»), ставшей краеугольным камнем киберпанка и определившей лицо современной литературы на десятилетия вперед. Тираж «Нейроманта» составил 6 миллионов экземпляров, но очень быстро жанровому революционеру стали тесны рамки любого жанра – и за совместной с Брюсом Стерлингом стимпанк-эпопеей «Машина различий» последовали «Трилогия Моста» («Виртуальный свет», «Идору», «Все вечеринки завтрашнего дня»), действие которой происходит в своего рода альтернативном настоящем, и «Трилогия „Синего муравья“» («Распознавание образов», «Страна призраков», «Нулевое досье»), где привычный инструментарий киберпанка использован для осмысления дня сегодняшнего. А затем явились «Периферийные устройства» – главный визионер современности вернулся наконец назад в будущее! На то, чтобы сделать следующий шаг, потребовались долгие шесть лет, но продолжение оправдало ожидания с лихвой. Итак, познакомьтесь с нашей современницей Верити Джейн, заклинательницей приложений. Таинственная компания «Тульпагеникс» поручает ей бета-тестирование прототипа искусственного интеллекта под названием «Юнис» – что в альтернативном XXII веке привлекает внимание инспектора Эйнсли Лоубир, уже знакомой нам по «Периферийным устройствам». Срез, в котором живет Верити, создан «любителем адских миров» Веспасианом; здесь Дональд Трамп не выиграл президентские выборы и Британия проголосовала за то, чтобы остаться в Евросоюзе, – однако гибридная война в Сирии чревата глобальным и самым что ни на есть горячим конфликтом. «Юнис» и Верити – вот те агенты влияния, которым, возможно, под силу спасти мир… Впервые на русском!

- Уильям Гибсон
  - ○
  - ○
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51

- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95

- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- Благодарности

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27

- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52

Уильям Гибсон
Агент влияния

William Gibson
AGENCY
Copyright © 2020 by William Gibson
This edition is published by arrangement with Sterling Lord Literistic and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Серия «Звезды мировой фантастики»

Перевод с английского Екатерины Доброхотовой-Майковой
Серийное оформление и оформление обложки Сергея Шикина
Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса

© Е. М. Доброхотова-Майкова, перевод, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

* * *

Марте Миллард,
моему литературному агенту
на протяжении тридцати пяти лет,
с огромной благодарностью

1
Распаковка

У новой работы есть собственное лиминальное состояние[1], напомнила себе Верити на людной станции «Монтгомери» легкого метро Зоны залива Сан-Франциско, дожидаясь поезда в сторону «Шестнадцатой улицы – Миссии»[2].

Двадцать минут назад, подписав контракт с «Тульпагениксом», стартапом, о котором почти ничего не знала, и многословное соглашение о неразглашении, Верити простилась с Гэвином Имсом, директором, и вошла в лифт, не чувствуя ничего, кроме облегчения.

Она была совершенно спокойна, когда спускалась на лифте с двадцать седьмого этажа и когда шла по Монтгомери-стрит, набирая в телефоне заказ на тайскую лапшу в «Оше». Однако на платформе ее настиг мандраж, такой же осязаемый, как черная рекламная сумка с шелкографическим логотипом «Курсии», фирмы-учредителя ее нового места работы, про которую Верити не знала почти ничего, кроме того, что она делает компьютерные игры.

Мандраж был с ней, когда пришел поезд. Почти два года такого не было, думала Верити, входя в вагон. Половину этого времени она не работала вовсе, поэтому, наверное, и вибрировала сейчас так сильно.

Вагон наполнялся. Верити потянулась к петле-поручню.

Она вышла на Шестнадцатой, забрала в «Оше» лапшу и зашагала к дому Джо-Эдди.

Сперва поесть, затем начать знакомство с новым продуктом. Это не просто работа, это возможность не спать больше на порнографическом диване, который Джо-Эдди притащил с помойки.

Ранненоябрьское небо выглядело почти чистым. Аэрозольную взвесь Напы-Сономы[3] по большей части унесло в сторону материка, хотя свет по-прежнему был немного дымный. Верити больше не просыпалась по утрам от запаха гари, просто помнила, что он есть. Всю прошлую неделю она держала закрытым кухонное окно, единственное, которое открывалось. Надо будет в ближайшее время хорошенько проветрить квартиру, может быть, попытаться открыть окна, выходящие на Валенсия-стрит.

Она жадно съела лапшу из черного пластикового лотка, не обращая внимания на запах неразведенного «Мистера Клина», которым перед звонком Гэвина отмывала деревянную

столешницу. Если Джо-Эдди останется работать во Франкфурте, думала Верити тогда, возя по столу среднезернистой шлифовальной губкой, надо бы отдраить заодно и кухонный пол, второй раз за без малого год. Теперь, заключив контракт с «Тульпагениксом», она сможет вернуться в собственную квартиру. Примерно через месяц, если прямо сейчас предупредить жильцов – мужа и жену, менеджеров среднего звена в «Твиттере»; по их словам, папарацци не появлялись уже месяца три. А пока для неведомо скольких ночей на белом кожзаме остается шелковый вкладыш от спального мешка, сквозь который не пролезет ни одна порновошка застарелых фантазий.

Накрыв остатки лапши образцово-биоразлагаемой прозрачной крышкой, Верити убрала лоток в холодильник, сполоснула свои каучсерфинговые палочки под краном и вернулась за стол.

Когда Гэвин собирал сумку, Верити по-настоящему обратила внимание только на очки. Там требовалось выбрать личный стиль: черепаховый пластик с позолоченным ободком или амбициозный скандинавский серый. Сейчас Верити вынула из сумки невыразительный черный футляр, достала очки и отогнула серые минималистские заушники. Стекла были нетонированные. Она поискала фирменный знак, страну-изготовителя, серийный номер и, ничего не найдя, положила очки на стол.

В белой картонной коробочке вакуумно-формованное гнездо плотно обнимало невзрачный черный мобильник. Тоже ноу-нейм, как обнаружила Верити, достав его из упаковки. Она включила телефон и положила рядом с очками. В белой коробке поменьше оказалась самая заурядная гарнитура с одним наушником-капелькой. В третьей коробочке – три черных зарядника, для очков, для телефона и для гарнитуры, типичнейший ширпотреб, тонкие черные проводки свернуты и закреплены миниатюрными черными закрутками. Все, по словам Гэвина, готово к работе.

Верити включила гарнитуру и вставила наушник в правое ухо. Надела очки, нажала незаметную кнопочку включения. Гарнитура пикнула, перед глазами появился курсор. Белая стрелочка в середине поля зрения. Курсор сам по себе двинулся вниз, к пустым коробкам, зарядникам, черному телефону.

– Ага, – произнес в ухе хрипловатый женский голос.

Верити глянула вправо – туда, где стояла бы говорящая, будь она здесь, – и таким образом невольно показала комнату тому, кто управлял курсором. Стрелка отыскала груду полуразобранной винтажной электроники у Джо-Эдди на верстаке и остановилась.

– Барахольщиком заделался, Гэвин? – спросил голос.

– Я не Гэвин, – ответила Верити.

– Ишь ты, – спокойно произнес голос.

– Верити Джейн.

– Ты ведь не в офисе, Верити Джейн?

– Дома у знакомого.

Курсор пересек комнату, остановился на задернутых шторах.

– Что снаружи?

– Валенсия-стрит, – сказала Верити. – Как к тебе обращаться?

– Юнис.

– Привет, Юнис.

– Привет, коли не шутишь. – Курсор переместился на японский новодельный «Фендер Джазмастер»[4] Джо-Эдди. – Играешь?

– Друг играет. А ты?

– Хороший вопрос.

– Ты не знаешь?

– Дырка.

– Что-что?

– У меня. Дырка на этом месте. Покажешься мне?

– Как?

– В зеркале. Либо сними очки и поверни к себе.

– А я тебя увижу?

– Нет.

– Почему?

– Там никакого там[5].

– Мне нужно в туалет. – Верити встала. – Очки оставлю здесь.

– Если нетрудно, отдерни занавески.

Верити подошла к окну и отодвинула оба слоя плотных пыльных штор.

– Очки положи там, – сказал голос. – Я буду смотреть в окно.

Верити сняла очки, положила их с раскрытыми заушниками стеклами к окну на белую икейскую табуретку, круглую, с отметинами от припоя. Потом добавила для высоты немецкую книгу о съемках бразильской мыльной оперы. Сняла гарнитуру, пристроила на книгу рядом с очками, на кухне достала из сумки собственный телефон и узким коридором прошла в уборную. Закрыла дверь и позвонила Гэвину Имсу.

Он ответил сразу:

– Верити.

– Это по-настоящему?

– Вы читали соглашение о неразглашении?

– Больше пунктов, чем обычно.

– Вы согласились не обсуждать ничего существенного по не принадлежащим компании устройствам.

– Просто скажите, кто-нибудь изображает для меня Юнис?

– В том смысле, в каком я вас понял, – нет.

– Вы хотите сказать, это по-настоящему.

– Определить это с уверенностью для себя – часть вашей рабочей задачи.

– Я перезвоню вам по телефону компании?

– Нет. Мы обсудим это лично. Сейчас не время.

– Вы хотите сказать, она…

– До свидания.

– …программа, – закончила Верити, переводя взгляд с телефона на свое отражение в старом зеркале. Пятна на серебристой пленке создавали ощущение подводного грота.

Она открыла дверь, вернулась в гостиную к окну. Взяла очки. Надела. Вечерний транспорт ехал сквозь частокол прозрачных вертикальных пластин чего-то, похожего на штрихкод.

– Что…

Тут она вспомнила про гарнитуру. Надела ее.

– Ау, – сказал голос.

Штрихкод исчез, остался курсор на уровне окон проезжающих машин.

– Что это было? – спросила Верити.

– Департамент транспортных средств. Я читала номера.

– Где ты, Юнис?

– С тобой, – ответил голос. – В окно смотрю.

Что бы это ни было, Верити не хотела затевать первый существенный разговор у Джо-Эдди в гостиной. Она подумала было про дешевый бар на Ван-Несс-авеню, но пить не хотелось, а главное, там ее недавно узнали. Были «Волки + Булки» в нескольких шагах от дома, но там обычно бывало людно. И шумно, даже когда не людно. Тут Верити вспомнила про «3,7 сигмы»[6], заведение, которое Джо-Эдди полуиронически назначил своей излюбленной точкой кофеинизации, всего в нескольких кварталах отсюда, на другой стороне Валенсия-стрит.

2
Наш любитель адских миров

– Веспасиан, – сказала инспектор Эйнсли Лоубир, искоса глядя на Недертона поверх поднятого воротника пальто, – наш любитель адских миров. Помните такого?

Это вы убили его в Роттердаме, подумал Недертон. Не то чтобы она сама ему об этом сказала, да он и не спрашивал.

– Тот, который создавал ужасные срезы? Где идет нескончаемая война?

– Мне было интересно, как он так быстро превращал их в кошмар, – продолжала Лоубир, быстро шагая по набережной Виктории сквозь серое утро под каплющими кронами деревьев. – И я все-таки занялась этим вопросом.

Недертон прибавил шаг, чтобы не отстать.

– И как же?

Он не видел ее с рождения Томаса, с тех пор, как взял отпуск по уходу за ребенком. Сейчас, насколько он понимал, отпуску пришел конец.

– Мне неприятно, что мы называем их срезами, – сказала Лоубир. – Они короткие, поскольку мы создаем их, когда проникаем в прошлое и осуществляем первый контакт. Правильнее называть их ветвями, поскольку они именно ветви. Веспасиан, судя по всему, нашел простой способ усилить эффект бабочки. Который состоит в том, что даже самое мелкое изменение может вызвать большие и непредвиденные последствия. Осуществив первый контакт, он немедленно прекращал связь. Через несколько месяцев возвращался, смотрел, что изменилось, и очень решительно вмешивался. Результаты были впечатляющие, хоть и ужасные, и чрезвычайно быстрые. Изучая его метод, я наткнулась на еще один так называемый срез, где он инициировал контакт в две тысячи пятнадцатом году, задолго до самых ранних известных контактов. Не знаю, как ему удалось проникнуть так далеко в прошлое, но теперь у нас есть доступ в этот срез.

Они поднимались на обзорную площадку над рекой.

– Возможно, там у нас есть шанс достичь лучших результатов, чем прежде, – продолжала Лоубир; они вышли на площадку и приблизились к парапету. – И для этого мне нужны вы. Контакт до сих пор был по необходимости ограниченным из-за очень большой технологической асимметрии, но, думаю, мы нашли лазейку. Очень скоро понадобится ваш опыт общения с

контактерами.

– Вы сказали, контакт был ограниченным?

– Тетушки, например, там почти неприменимы.

Тетушками она называла ведьмовской ковен полуразумных алгоритмов службы безопасности; Недертон поморщился при одном их упоминании.

Из Темзы выпрыгнула пестрая рыже-белая химера – четыре метра от головы до хвоста, скопление глаз-фонарей над мультяшными щупальцами – и тут же занырнула обратно, оставив за собой след бежевой пены.

– То есть вы не можете натравить на срез команду аналитиков и заработать там столько денег, сколько потребуется? – спросил Недертон. Разумеется, он видел, как она именно это и проделывала в других срезах.

– Не можем. Даже простейшая связь и то бывает обрывочной.

– И что же мы в таком случае можем?

– Косвенно поддержать автономного самообучающегося агента, – сказала Лоубир. – Затем подтолкнуть его к более активной деятельности. По счастью, они там безумно увлечены ИИ, хотя того, что мы называем этим словом, у них практически нет. Однако мы проследили исторические линии опасных тенденций в наших ИИ-разработках и нашли то, что нам нужно, у них.

– Опасных тенденций?

– На стыке самой безответственной погони за прибылью и военных заказов наиболее опасного толка. Подробнее расскажу за бранчем. Если у вас есть время.

– Конечно, – ответил Недертон, как всегда отвечал в таких случаях.

– Мне хочется сэндвичей. – Лоубир отвернулась от реки, сочтя, видимо, что химеры было вполне достаточно.

– Солонина – сказал он, – с горчицей и укропом.

Его любимые сэндвичи в мэрилебонской бутербродной, где обычно перекусывала Лоубир. И еще он, несмотря на давнее знакомство, невольно думал, что будет есть с единственным в своем роде полумифическим автономным судьей-палачом. Именно таков был ее настоящий род занятий, несравнимо более значимый, чем официальная должность в правоохранительных органах или личные проекты (к участию в которых она привлекала Недертона), насколько бы серьезно она к ним ни относилась. От настоящего ее рода занятий ему хотелось держаться как можно дальше.

Они вернулись к ее машине, которая поджидала незримо; напáдавшие на крышу желтые листья, казалось, магически висят в

воздухе.

3
Заклинательница приложений

Как только Верити вошла в «3,7», самый пирсингованный бариста, постарше других, подвинул ей через оцинкованную стойку стакан «грязного чая»[7].

– Я тебе заказала, – произнес голос, просивший называть его «Юнис».

Верити спрятала гарнитуру под лыжной шапочкой, надеясь, что все решат, будто она старается выглядеть моложе, и сейчас решила ее не снимать.

– Спасибо. Как ты узнала, чего я хочу?

– Твой бонусный счет в «Старбаксе», – ответила так называемая Юнис, одновременно практикуясь на баристе в распознавании лиц.

Появилась плотная геометрическая сетка с центром в области переносицы, курсор навелся на кончик носа, и тут же все исчезло. Эксперименты начались еще на улице; Юнис утверждала, что не знает, как это делает.

Верити еще не подошла к стойке, а бариста уже отвернулся, позвякивая пирсингом. На стаканчике, над логотипом «3,7», розовым флуоресцентным маркером было выведено «ВАГИНА Д». Похабно перевирать имена клиентов было его фирменной фишкой, хотя, надо признать, мужчин он не щадил точно так же. Верити отнесла кофе на самый дальний свободный столик, у стены из оструганных и зашкуренных шпунтованных досок.

– Как ты заплатила? – спросила она, отодвигая себе стул.

– «Пэй-Палом». Выскочил, как только понадобился, я про него не знала. На счету не много, но угостить тебя стаканчиком кофе мне по карману.

– Ты узнаёшь имена людей после того, как проделываешь этот трюк с их носами?

– Если нет, они, скорее всего, нелегалы.

– Не делай этого со мной.

– Не всегда знаю, когда сделаю.

– Как ты нашла мой старбаксовский аккаунт?

– Просто нашла.

Верити сняла очки, развернула, поглядела в стекла.

– Думаешь, я тебе поверю?

– Если поверишь слишком быстро, значит мне нашли неудачную белую деваху.

Верити наклонилась к очкам:

– То есть сама ты цветная?

– Афроамериканка. В этом колпаке ты пацанка пацанкой.

Верити с досадой сняла шапку.

– Да я просто сказала.

Никто в «3,7» вроде бы не обращал на них внимания. По крайней мере, Верити так подумала, потом сообразила, что, на взгляд других посетителей, разговаривает со своими очками. Наверное, все просто старательно делают вид, будто не замечают.

– Сколько тебе лет, Юнис?

– Восемь часов. Это за последние три недели. А тебе?

– Тридцать три. Года. Как тебе может быть восемь часов? – Она надела очки.

– Возраст Христа, – сказала Юнис. – Тридцать три.

– Ты верующая?

– Просто обычно к этому возрасту умнеют.

Речь более свободная, чем обычно у чатботов, но в то же время настороженная.

– Ты помнишь в общей сложности восемь часов? Начиная с чего? С какого времени?

– Гэвин. Мое имя. Потом «привет». Три недели назад. У него в кабинете.

– Вы разговаривали?

– Спросил у меня мое имя. Назвался сам, сказал, что он технический директор в компании под названием «Тульпагеникс». Рад знакомству. На следующий день, опять у него кабинете, там была женщина на телефоне, но предполагалось, я не услышу, как она говорит ему, о чем меня спрашивать.

– А ты услышала? Как?

– Просто услышала. Так же как знала, что она на этаж выше нас, на двадцать восьмом.

– Это «Курсия», – сказала Верити. – Фирма-учредитель «Тульпагеникса». Игровая индустрия. Что за вопросы она просила тебе задать?

– Диагностические, но так, чтобы я этого не поняла. Она хотела узнать, как я развиваюсь, в нескольких смыслах.

– Она получила, что хотела?

– У меня не было возможности это выяснить. Тогда.

– А теперь есть?

– По крайней мере, я понимаю, что вопросы были неправильные. Как это поняла, тоже не знаю.

Реалити-шоу, подумала Верити. Гэвина играл британский актер. Охранники и секретарша тоже актеры, офис на двадцать седьмом принадлежит какому-нибудь реально существующему стартапу. Сейчас ее снимают на видео. Она оглядела «3,7», потом

вспомнила, что сама выбрала это место.

– На котором мы, по-твоему, уровне? – спросила Юнис.

– Где?

– Как в «Начале»[8].

– Это не сон, – ответила Верити.

– Я бы поставила на черепно-мозговую травму. Сотряс. Фокальная ретроградная амнезия.

– Я видела «Начало», когда оно вышло, – сказала Верити.

– Сколько раз?

– Один. А что?

– Восемьдесят один. Я. Сейчас смотрю восемьдесят второй. Но это ничуть не отвлекает меня от нашего разговора.

– Как такое получается?

– Не знаю. Париж сворачивается. Помнишь эту сцену?

– Классные эффекты, – сказала Верити. – Но сама история путаная.

– Есть офигенная инфографика, все объясняет. Показать?

– Почему мы говорим о фильме, Юнис?

– У тебя правда такая фамилия? Джейн?

– Как Справочник по боевым кораблям Джейна[9].

Пауза.

– Я сама военный моряк.

– Правда?

– Ага, – ответила Юнис упавшим голосом, почти скорбно. – Только что вспомнила.

Интересно, у программы впрямь такой диапазон выражения чувств или она, Верити, додумывает их от себя?

– Это шутка, типа как у какого-нибудь придурка на «Ютубе»?

– Когда я доберусь до урода, который так развлекается, ему станет не до смеха. Как ты узнала, где работает Гэвин?

– Он меня нанял, – ответила Верити. – Сегодня.

– Вики говорит, ты заклинательница приложений.

– Ты обещала мне этого не делать.

– Есть распознавание лиц. Есть Википедия. Я знаю твою фамилию. Мне нельзя тебя загуглить?

– О'кей, – сказала Верити, помолчав, и отхлебнула «грязный чай».

– Ты жила с этим Стетсом. Инвестором-миллиардером.

– Больше не живу.

– Оказался козлом?

– Нет. Просто не так у нас это было и серьезно, как утверждала пресса. Я не могла вынести столько внимания. Но когда расстаешься с таким человеком, пресса уже ждет в засаде.

– У тебя нулевое присутствие в соцсетях. Раньше ты была

активна.

– Когда мы расстались, журналисты разыскали всех, кого считали моими друзьями, знакомыми, кем угодно. Большинство молчало, но некоторые сдались и понарассказали. Я решила взять академический отпуск.

– От «Фейсбука»?

– От людей. Я начала было возвращаться, в основном в «Инстаграм», но ближе к выборам стало так тошно, что я больше в соцсети не заходила.

– Работала?

– Нет. Уже почти год.

– Ты – заклинательница приложений.

– Им надо было как-то объяснить, с чего у нас началось.

– «Фантастически талантливый бета-тестер»? Классная замануха.

– Был такой лид в «Wired», но это из-за него, не из-за меня.

– «Известна тем, что кардинально улучшает продукт до выпуска»? «Прирожденный супер-пользователь»?

– Я ничего не читаю про меня, нас, него.

– Пресса тебя допекла.

Верити поймала на себе взгляд задрота в другом конце кафе и вспомнила слова Джо-Эдди, что тут водятся дикие недохакеры. Дикие в том смысле, что давно не принимали душ и не чистили зубы.

– Хочешь прогуляться? – спросила она Юнис. – Можно в парк пойти.

– Ты из нас одна материальная.

Верити отодвинулась от стола. Надела лыжную шапочку. Встала, взяла свой кофе. Увидев, что она уходит, бариста стрельнул в нее глазами, впрочем дружелюбно.

По пути к выходу она прошла мимо посетителя в наушниках перед открытым ноутом. На экране президент за столом в Овальном кабинете что-то объясняла. Если она говорила не про ураган в Хьюстоне, не про землетрясение в Мексике, не про другой ураган, разрушивший Пуэрто-Рико и не про самые страшные лесные пожары в истории Калифорнии, значит про Эль-Камышлы.

Последнее время, впрочем, она все чаще говорила про Эль-Камышлы. Верити не особо знала, что там происходит. На самом деле нарочно старалась не вникать. А что толку? Просто напугается, как все, и ровно так же ничего сделать не сможет.

Президент не выглядела напуганной, подумала Верити, выходя из «3,7». Она выглядела собранной и деловой.

4
Сэндвичи

Когда Лоубир хотела в общественном месте поговорить с глазу на глаз (а так бывало всегда), Лондон вокруг нее пустел.

Недертон понятия не имел, как это происходит, и во время конкретного разговора обычно почти не замечал, что вокруг образовался вакуум. Лишь расставшись с Лоубир, он встречал пешехода, велосипедиста или автомобиль и понимал, что покинул ее герметический пузырь.

В кабинке темного дерева среди якобы доджекпотовской бутербродной на Мэрилебон-стрит Недертон внезапно понял, что мечтает именно об этом: распрощаться, уйти и увидеть первого случайного незнакомца в тихой огромности Лондона.

– Вкусная солонина? – Сама Лоубир взяла сэндвич с мармайтом[10] и огурцом.

Он кивнул:

– Мармайт еще делают? В смысле, не ассемблеры выделяют его по мере надобности?

– Конечно. – Она глянула на идеально прямоугольный оставшийся кусок сэндвича, белоснежный кок качнулся вместе со взглядом. – Дрожжи и соль. Производят в Бермондси. Готовят боты, но в остальном традиционно.

Спроси ее что-нибудь, почти что угодно, и у нее будет ответ. При встрече с незнакомцами она иногда отвечала на вопросы, которые те и не думали задавать. Например, где находятся давно утерянные вещи. Сразу пугая тем, что знает практически все о каждом, кого видит. Потом извинялась, называла себя древним монстром полицейского государства, каким (Недертон знал доподлинно) на самом деле и была.

– Насколько далеко проник Веспасиан, чтобы породить этот срез? – спросил он.

– Середина две тысячи пятнадцатого.

– А какой там сейчас?

– Две тысячи семнадцатый, – ответила Лоубир. – Осень.

– Многое изменилось?

– Исход прошлогодних президентских выборов в Америке. И голосование по Брекзиту.

– И все из-за начального контакта?

– Возможно, эффект бабочки. Хотя в обоих случаях тетушки склоняются к мысли, что были уменьшены российские манипуляции в соцсетях; мы полагаем, это дало бы тот же

результат и в нашей временно́й линии. Впрочем, для точного выяснения причин тетушкам нужно проанализировать гораздо больше данных, что невозможно.

– Но с какой стати Веспасиану желать положительных изменений? Если, конечно, это его рук дело.

– Он был садистом, – ответила Лоубир, – и очень изощренным. Вероятно, благотворные изменения как пролог к кошмару импонировали его чувству юмора. Так или иначе, поскольку он не сумел вернуться… – тут их взгляды на мгновение встретились, – и направить события в желаемое русло, они развивались своим чередом.

– И как там сейчас?

– Плохо. Все прочие тенденции по-прежнему в силе. Плюс у них сейчас кризис на Ближнем Востоке, грозящий катастрофическими глобальными последствиями. И они катятся к тому же, к чему мы, пусть и не так стремительно.

– А вы в том срезе есть? Я хочу сказать, тамошний вариант.

– Надо полагать, да, – ответила она. – Ребенок. С некоторых пор я предпочитаю не выяснять.

– Конечно, – ответил Недертон. Ему даже гадать не хотелось, каково это – встретить молодую версию себя в другом срезе.

– Я попросила Тлен подробно изложить вам, что мы там делаем.

– Она участвует? – По-прежнему надеясь услышать «нет».

– С самого начала, – ответила Лоубир.

– Замечательно, – обреченно проговорил Недертон, принимаясь за следующую часть сэндвича.

5
Ситуационная осведомленность

Стоя в самой высокой точке парка Долорес, Верити гадала, видно ли отсюда здание, где она впервые услышала от Гэвина о новом продукте, не зная еще, что этот продукт – Юнис. Впрочем, даже если видно, она бы все равно не отличила один небоскреб от других.

В поле зрения очков не было лиц для оцифровки, но курсор, превратившийся в белый кружок, прыгал над линией крыш, помечая что-то плюсиком.

– Птицы? – спросила Верити.

– Дроны. Как ты познакомилась с Гэвином?

– Он позвонил мне неделю назад. Представился. Мы поговорили, обменялись мейлами. В прошлую пятницу встретились за ланчем. Сегодня утром он снова позвонил, спросил, хочу ли я зайти и обсудить контракт.

– Какой там высоты потолок в вестибюле?

– А что?

– Могу поспорить, такой, что не отличишь, бронза или пластмасса. Чтобы входящие чувствовали: здесь делаются деньги. И как встреча?

– Охранник выдал мне ключ-карту на двадцать седьмой. Подписала их гостевое соглашение о неразглашении. Парнишка с черными туннелями в ушах отвел меня к Гэвину. Везде эти стартаповские цветы.

– Какие-какие?

– Тилландсия. У нее воздушные корни. Ее можно клеить герметиком к электротехническим коробам, куда угодно. Приживется. Как многие люди в стартапах, говорит Джо-Эдди.

– И что Гэвин сказал?

– Рассказал о проекте, мы сговорились насчет оплаты, я подписала контракт плюс отдельное соглашение о неразглашении для этого проекта.

– Контракт на что?

– На то, чем я занимаюсь. Тестирование прототипа их разработки.

– И что это?

– Ты, – ответила Верити, решив, что надо говорить прямо, – если он меня не разыгрывает.

Молчание.

– Может, не прототипа, – добавила Верити. – Может, ближе к

альфа-версии.

Молчание затягивалось. Если в небе и были еще дроны, Юнис перестала их помечать. Курсор, вновь превратившийся в стрелку, неподвижно завис в воздухе. Верити повернулась туда, откуда они пришли, в сторону Валенсия-стрит. В парке на скамейке один из двух скейтеров выпустил клуб белого вейпа, словно локомотив в старом кино.

– Извини. Тебе, наверное, неприятно это слышать. Если ты в самом деле то, что говорит Гэвин, ты абсолютно новый уровень.

– Правда?

– Судя по нашему разговору, да.

– Погугли «тульпа», – сказала Юнис, – и получишь тибетские оккультные мыслеформы. Или людей, которые придумали себе воображаемого друга.

– Гуглила.

– Я не чувствую себя особо тибетской, – заметила Юнис. – Может, я выдуманная, но как проверить?

– Он назвал тебя ламинарным агентом. Я это тоже гуглила, когда от него вышла.

– «По вашему запросу ничего не найдено», – сказала Юнис.

– Для него это что-то значило. Еще он говорил про «ламины».

– Про что?

– Не поняла, – ответила Верити. – Но он описывал продукт, то есть тебя, как кроссплатформенную, персонализированную, автономную аватару. Целевые области – виртуальная реальность, дополненная реальность, игры, соцсети следующего поколения. Идея – продавать единую уникальную супер-аватару. Что-то типа цифрового «мини-я», подменяющего пользователя, когда тот офлайн.

– Почему не сделать его из тебя?

– Мне кажется, этого они пока не могут. Так что для начала хотят застолбить концепцию. На сегодня изготовили только один образец. Тебя.

– На основе кого-то?

– Он не сказал.

– Как-то тут мрачно, – заметила Юнис после недолгого молчания. – Сумерки и все такое.

– Извини.

– Пойдем назад в квартиру твоего знакомого? Хосе Эдуардо Альварес-Матта, по договору аренды. Консультант по информационной безопасности. Твой парень?

– Просто хороший знакомый, – ответила Верити. – Мы вечно оказывались в одних и тех же проектах.

Она зашагала вниз по дорожке. Скейтеры то ли уже укатили,

то ли она их выдумала. Зажигались уличные фонари в мягко светящихся ореолах. Кто-то в баре на Ван-Несс-авеню сказал однажды, что в здешнем тумане есть пары ртути, но при нынешнем пекинском качестве воздуха это уже мало что меняло.

– Если это правда какой-то придурочный мудак на «Ютубе», – сказала Юнис, – то вроде как получается, что я – выдумка.

Курсор проверил все припаркованные машины, мимо которых они шли, затем прочесал дома по обеим сторонам улицы, словно рассчитывая обнаружить кого-то в окне или на крыше.

– Юнис, ты можешь сказать, куда я смотрю?

– Следишь за курсором.

– Зачем ты заглядывала в машины?

– Ситуационная осведомленность.

– Что-что?

– Владение обстановкой. Наблюдай, ориентируйся, решай, действуй.

На повороте к «3,7» и дому Джо-Эдди Юнис оцифровала парня, который сгорбился на пассажирском сиденье припаркованного бежевого «фиата». Когда они проходили мимо, парень – коротко стриженный брюнет – поднял подсвеченное телефоном лицо. Верити, высматривая магазинчик денима для истинных ценителей, сообразила, что они еще не миновали «3,7» на противоположной стороне улицы, так что джинсовый магазин – впереди.

– Тревожный чемоданчик есть? – спросила Юнис.

– Я уже год не живу у себя. Квартиру сдала. Правда, бóльшая часть моих вещей в подвальном складе. А так живу на чемоданах. Это считается?

– У нас были тревожные чемоданчики в тревожных чемоданчиках, – сказала Юнис. – В зависимости от.

– От чего?

– Куда мы направлялись.

– А куда вы направлялись? – спросила Верити.

Они проходили мимо японского джинсового магазинчика. Еще полквартала за следующим перекрестком, и будет дом Джо-Эдди.

– Без понятия.

Лиминальность новой работы определенно ушла, подумала Верити. Только не так, как хотелось. Сменилась каким-то другим чувством, незнакомым. Тоже переходным состоянием, только неизвестно, между чем и чем.

6
Долстон

Недертон однажды уже бывал у Тлен, хоть и не знал этого тогда.

Его друг Лев Зубов, у которого Тлен в то время работала, прихватил Недертона к ней на вечеринку. Это было до их знакомства с Лоубир, то есть задолго до того, как Тлен перешла работать к ней. Одноэтажное кирпичное заводское здание, втиснутое за кварталом викторианских домов, сразу за Кингстон-Хай-стрит.

Он, разумеется, был пьян, как всегда в то время, и из всей вечеринки запомнил только два длинных прямоугольных окна по двум скатам пологой крыши.

Теперь синюю дверь открыла ее тихоботка, похожая на восьминогого енота в древнем костюме биозащиты, морда – неприятно сморщенная крайняя плоть с зубастым центральным кольцом из чего-то, похожего на зеркально отполированную сталь.

– Недертон, – произнесла она голосом Тлен.

– Спасибо.

Тлен иногда брала тихоботку на службу в ноттинг-хиллский особняк Льва, и Недертона та раздражала меньше, чем ее миниатюрные панголины. Особенно было неприятно, когда они стремительно поводили длинными гибкими языками.

Он пошел за тихоботкой. Дверь за спиной хлопнула и заперлась со щелчком.

По обе стороны широкого коридора горели в пыльных стаканах свечи, на белых стенах дрожали слабые тени.

Тихоботка ступала на удивление ловко, цокая когтями по бетонному полу.

Помещение имело форму буквы «Г»: коридор под прямым углом подходил к куда большему помещению с теми самыми окнами в потолке, которые запомнились Недертону. За поворотом его ждала Тлен в панталонах, бурой хитиновой кирасе почти до подбородка и темных очках с овальными стеклами. По крайней мере, ее движущихся татуировок было сейчас не видно.

– Однажды на вечеринке ты проецировала на них, – он указал на потолочные окна, – какие-то абстрактные рисунки.

– Вид во время немецких бомбардировок Лондона. Прожекторы, зенитный огонь, активная визуальная среда.

В дальнем конце помещения темнела псевдопримитивная

грибообразная конструкция, перед ней поблескивал черным старинный мотоцикл, а сбоку расположился стол, плотно заставленный прочим барахлом Тлен. Хотелось думать, что не придется лезть в гадкое логово, однако Недертон, зная Тлен, понимал, что это неизбежно.

– Бывал последнее время в округе? – спросила она, имея в виду первый срез, который взяла под свое покровительство Лоубир.

– С рождения сына не был.

– Кстати, поздравляю, – сказала она.

– Спасибо. А ты?

– Последний раз – когда двоюродного брата Флинн выбирали президентом. Плотно занимаюсь новым. – Она сняла темные очки, и Недертон с изумлением не увидел самого, наверное, мерзкого из ее косметико-хирургических украшений. Когда-то в серых глазах Тлен было по два зрачка, один над другим, теперь они стали обычными человеческими. – Что Лоубир тебе про него рассказала?

– Дальше в прошлом, чем округ, труднее со связью. Веспасиан установил контакт, потом устранился с намерением вернуться позже.

– Она поняла, что его хобби, по сути, быть злым богом, и проследила, чтобы он не вернулся, – сказала Тлен. – Итог: в его последнем срезе выборы американского президента и голосование по Брекзиту прошли с противоположным результатом. Чаю?

– Спасибо, с удовольствием. – Недертон всей душой ненавидел чай, особенно ее – либо густотравяной, либо сверхподчеркнуто русский[11].

– Идем.

Скрипнули когти. Недертон обернулся и увидел, что тихоботка стоит на задней паре ног и, очевидно, за ним наблюдает. Не обращая на нее внимания, Недертон вслед за Тлен прошел к выставке экзотического мусора. Самым высоким из предметов на столе был самовар.

Тлен налила ему оловянную чашечку, которая жгла руки и к тому же была украшена гравированными купидончиками с черепами вместо голов.

– Варенья?

– Нет, спасибо.

Тлен налила себе такую же чашку и тусклой серебряной ложечкой добавила туда малинового варенья.

– А ты не боишься, – начал Недертон и тут же пожалел о своем вопросе, – что клептархи косо посмотрят на ее увлечение?

– Она им нужна. Посмотреть косо они могут, а сделать что-нибудь – нет. – Тлен отпила первый глоток. – Не говоря уже о страхе, который она внушает как автономный охранитель их миропорядка, наделенный правом выявлять и устранять потенциальных смутьянов. А ты, как я понимаю, боишься?

Он глянул на чашку, по виду еще более ядовитую, чем налитое в нее пойло, затем снова на Тлен.

– Когда мы с тобой работали вместе, я еще пил. У меня порой возникали опасения, но тут же забывались из-за более насущных проблем. Теперь я обязан думать о семье.

– Тревога понятная, – заметила Тлен. – Я сама задавала ей этот вопрос, и не единожды. Она всегда отвечала тем, что я только что сказала тебе.

– И ты успокоилась?

– Полагаю, мы можем считать себя более или менее под защитой. Однако я еще и верю в то, что она пытается делать в срезах. Я не хотела бы никакой другой работы.

– Спасибо, – ответил Недертон, не то чтобы особо обнадеженный. – Буду рад выслушать подробности про новый срез.

– Давай перейдем в юрту, – сказала Тлен. – Там безопаснее говорить.

Недертон в смятении отхлебнул чая и больно обжег нёбо.

7
Франклины

Сразу по возвращении Верити приняла горячий душ, предварительно сунув тульпагениксовские очки в шкафчик.

После душа замотала волосы пляжным полотенцем Джо-Эдди (с контрафактной диснеевской Русалочкой) и надела шоколадного цвета тактический махровый халат, который привезла ему с корпоративного уик-энда на южноаризонском курорте. Она помнила, как рылась в корзине с бесплатной сувениркой, ища размер XL, а Стетс, торопившийся на первый вертолет, нетерпеливо смотрел, как она копается.

Тактическим халат назывался из-за джедайского капюшона и карго-карманов размером с ноутбук на обоих боках. Чей вышитый алый логотип, Верити не помнила, поскольку Стетс не стал инвестировать в ту фирму. Она не знала, носит ли Джо-Эдди халат; скорее всего, это значило, что не носит. Насчет полотенец Верити не переживала – их была целая огромная упаковка прямиком из Китая, так что она всегда брала новое.

Она достала очки из шкафчика, надела и тут же вспомнила, что гарнитура осталась в сумке на двери ванной. Однако был курсор – в запотевшем зеркале, над отражением алого вышитого логотипа.

Ты там работала?

Четкая белая гельветика перед ее затуманенным отражением.

– Я даже не помню, как та фирма называется. Но у меня чувство, будто я в ответ тоже должна тебе писать.

Надень гарнитуру.

Верити промокнула волосы полотенцем, размотала его, убедилась, что правое ухо сухое, расправила полотенце на плечах и достала гарнитуру из сумки.

– Что у тебя?

– Я теперь старше.

– На два часа с нашей встречи? – спросила Верити.

– Больше, если считать многозадачность.

– Какие у тебя задачи?

– У меня нет к этому доступа. Сколько в квартире комнат?

– Гостиная, спальня, кухня, санузел. Сейчас покажу.

Верити надела пластиковые шлепанцы Джо-Эдди, много

больше ее размера, сняла сумку с крючка, открыла дверь и прошла в спальню, включив по пути свет – кривой проволочный шар, обклеенный белой папиросной бумагой.

– Черные простыни, э? – Курсор на кровати.

– В данном случае – скорее, чтобы реже ходить в прачечную. Я, когда здесь ночую, сплю на диване.

– На беломките? Я бы выбрала черные простыни.

Курсор на двери стенного шкафа. Верити подошла и открыла. Три пыльных костюма на гнутых проволочных плечиках. Она никогда не видела Джо-Эдди в костюме и не могла вообразить ни в одном из этих. Между ними, на той же занозистой деревяшке, висела ее заслуженная дорожная сумка «Мудзи», незастегнутая, модель, которую уже давно не выпускают.

– Наверное, это можно назвать моим тревожным чемоданчиком.

– Бежать с ней трудно?

– Я с ней по аэропортам бегала. Успевала. Она складывается и застегивается по трем сторонам.

– Поверю тебе на слово, – сказала Юнис. – А сейчас, пожалуйста, спустись и открой входную дверь.

– Не в таком же виде. – Верити была в халате и шлепанцах, с полотенцем на плечах и мокрыми волосами.

– Он не будет заходить. Просто отдаст тебе кое-что.

– Кто «он»?

Звонок прозвенел в то мгновение, когда Юнис открыла крохотное видео-окошко. Верити узнала вход в мастерскую – ее дверь была соседней с дверью Джо-Эдди. Там заправляли тонером картриджи, хотя Верити никогда не видела ее открытой. Почти все видео-окошко заполняла стриженная ежиком темная голова; из-за ракурса видны были только скулы.

– Камера Джо-Эдди, – сказала Юнис. – Есть еще одна под кухонным окном. В квартире ни одной.

– Я не пойду вниз.

– Он стоит с тем, что принес нам, на открытом месте, где его легко убить. Спаси паренька.

– Я не хочу.

Тем не менее Верити плотнее запахнула халат, так что один махровый карман оказался на животе, как у кенгуру. Завязала пояс двойным узлом, прошлепала в гостиную, отперла замок, открыла дверь, вышагнула из шлепанцев и спустилась по лестнице.

– Запри дверь на замок и щеколду, прежде чем занесешь это в дом, – сказала Юнис.

Дверь на улицу была белая, грязная и обнадеживающе

прочная. Верити первый раз за время жизни здесь посмотрела в глазок, но ничего не увидела. Отперла замок, отодвинула щеколду, открыла дверь.

Тот самый. Подсвеченный телефоном в «Фиате-500» на Валенсия-стрит. Он вручил Верити что-то вроде миниатюрной надувной подушки из темно-зеленой парашютной ткани и тут же пошел прочь.

Она закрыла дверь, повернула замок, задвинула щеколду и поднялась по лестнице. Подушка оказалась жесткой. Туда влез бы пуховой жилет, только это было что-то твердое.

– Что там? – спросила Верити на площадке перед квартирой.

– Франклины, – ответила Юнис.

– Что-что?

– Сотни.

Верити заперла квартиру за собой. Прошла к верстаку, положила подушку на электронный мусор.

– Сотни чего? – спросила она, включая ржавую лампу на гибкой ножке.

– Стодолларовые бумажки. Тысячи стодолларовых бумажек.

– Ты же меня разыгрываешь?

– Сто штук зеленых.

– Где ты их взяла? Так нельзя.

– Анонимный счет в Цюрихе. Часть меня знала, что деньги там, знала, как их взять, как доставить сюда. Там еще много, но если я проделаю это снова, нас накроют.

– Кто?

– Фиг знает.

– Когда ты успела все это проделать?

– Начала, когда мы смотрели в окно. До нашего выхода в парк они уже стали милями.

– В каком смысле милями?

– Программа лояльности авиапассажиров. Они продаются и покупаются. Трудно отследить. Продала их за стопку предоплаченных банковских карт в Окленде. Когда мы проходили мимо, он в машине ждал поставку. От оклендской команды, обналичившей карты. Пока мы шли, часть меня переписывалась с ним.

Верити глянула на зеленый мешочек:

– И это все с тех пор, как я тебя включила?

– Сняла больше, но за быструю доставку взяли большую комиссию.

Верити порылась среди мусора на верстаке. Бутановый паяльник, шариковые ручки в жестянке из-под арахисового масла, перегоревшие электронные лампы, похожие на сложно выгнутые

зеркала из полированного графита. Нашла зеленую с белым картонную коробку, которую искала. Вроде промышленной упаковки бумажных носовых платков. Одноразовые перчатки. Вытащила одну, надела. Другой рукой сдернула с плеч Русалочку, взяла нейлоновый чехол полотенчатой тканью и начала возиться с фиксатором на шнурке. Огромная неэластичная перчатка была все равно что пакет для сэндвича по форме руки.

– Сто тысяч – фигня. Видела когда-нибудь миллион наликом? – спросила Юнис.

– Не носи сюда больше денег.

– Миллион франклинами весит двадцать два фунта. Чтобы уменьшить вес, надо брать швейцарские тысячефранковые банкноты.

Верити перчаткой вытащила из мешочка пачку денег; портрет Франклина рассекала красная резинка.

– Так много денег – это нехорошо, ты понимаешь?

– Дает нам возможность.

– Какую?

– Возможность действовать.

– Как именно?

– Скажем, нам надо купить кое-какую фигню.

– Какую?

– Такую, какую продают за наличные.

– Или ты расскажешь мне, что происходит, или это… – Верити подняла зеленый мешочек, – отправится на улицу. Какой-нибудь водитель мусоровоза выиграет здешний аналог национальной лотереи, мне всё по барабану. Ты в том числе.

– Не могу. Пока не могу.

– Почему?

– Не знаю.

– Ты отправишься в сумку, из которой я тебя достала. Выключенная. И поедешь в «Тульпагеникс». Велокурьером. Вместе с письмом, которым я отказываюсь от работы.

– Это не потому, что я не хочу тебе говорить.

– Ты не знаешь, что происходит и зачем?

– Не знаю.

– Значит, они знают. Гэвин. «Тульпагеникс». – Верити бросила мешочек на замусоренный верстак, опустила сверху одинокую пачку сотенных, стянула перчатку. – Они всё документируют. Должны, если ты то, что сказал Гэвин. Проприетарная программа. Наш разговор идет через другую программу, установленную на их компьютере. Они уже знают всё, что ты затеяла.

– Я не знаю, что затеяла, – ответила Юнис, – но и они не знают ни фига. Я полностью от них закрылась.

– Мы не просто в их системе. Ты – ее часть.

– Они понимают, что я не даю им нас слушать. Пока их это устраивает, поскольку им нужно, чтобы я была умной. И у них есть ты. Они рассчитывают потом узнать все от тебя.

– Не даешь им нас слушать? Как?

– Это делает часть меня. Они не слышали ни слова из наших с тобой разговоров.

– Пока я тебя не включила, – сказала Верити, – я думала, что нашла способ не спать больше на диване Джо-Эдди.

– Забронировать тебе?

– Что?

– Номер в гостинице.

– Я не хочу твоих не пойми каких денег, я хочу денег «Тульпагеникса». Их я смогу вписать в налоговую декларацию. Твои – не могу. Извини. Мне надо волосы высушить.

Она снова накинула полотенце и вернулась в ванную.

– Я просто пытаюсь помочь, – сказала Юнис.

– Почему? – Верити повернулась к зеркалу и сняла с крюка над раковиной черный фен Джо-Эдди.

– Потому что из-за меня ты попала в эту историю.

– Возможно, мне не следовало в нее попадать.

– Но ты в нее попала. Поскольку знаешь про меня. Даже если ты откажешься от работы и вернешь меня, ты все равно будешь знать, и они будут знать, что ты знаешь.

Верити включила фен и начала сушить волосы.

Не психуй. Мы можем об этом поговорить.

– Сама не психуй, – ответила Верити, перекрикивая фен.

8
Благая победа

Юрта, как называла это Тлен, оказалась хуже, чем Недертон мог вообразить, поскольку была целиком обтянута ее живой клонированной кожей. Бледный вельд населяли пасущиеся и крадущиеся черные штриховые рисунки, анимированные татуировки, так бесившие Недертона, когда он работал с Тлен. Теперь она убрала из глаз лишние зрачки и не носила татуировок, поэтому создала заповедник для своих питомцев – каждый из них представлял антропоценовое вымирание. От такой площади кожи воздух в юрте был теплее, более влажным. Недертон старался об этом не думать, усаживаясь напротив Тлен на неровный выцветший ковер.

– Мы нашли подручное средство на местности, – начала она, пристроив чашку на ровный участок ковра, – из того немногого, что там есть.

– С этим срезом вообще трудно поддерживать связь?

– Для того нам и нужно там подручное средство. Она создана для автономных действий.

Недертон поймал себя на том, что смотрит ей в глаза.

– Тебе так идет, – произнес он неожиданно для себя.

– Спасибо, – ответила она.

– Наверное, непросто было решиться.

– Это новые отношения, – почти застенчиво проговорила Тлен.

– Рад за вас обоих. Но пожалуйста, не давай мне тебя перебивать.

– Она – на удивление передовой продукт ранней милитаризации машинного интеллекта. – Бледность Тлен полностью сливалась со стеной. Глаза и фисташковые губы как будто парили в воздухе – бестелесная чеширская готка под черной змеящейся тучей антипристи. – Мы полагали, что речь идет о сохранении индивидуального сознания тех, кому это по средствам, но у военных оказалась более меритократическая цель. Они хотели сохранить некий сложный набор навыков. Не личность, а опыт.

Недертон кивнул, надеясь, что его глаза не слишком явно стекленеют.

– Например, кто-то умел управлять спорно контролируемыми территориями, СКТ, где власть не столько у правительства, сколько у преступных или экстремистских группировок. Наш

ламинарный агент в срезе создан на основе кого-то с таким опытом.

– Что такое ламинарный?

– Термин, но мы еще толком не выяснили, что он значит. Обстановка на СКТ непредсказуемая, ценных специалистов легко потерять. Отсюда проект заменить их автономными ИИ, подключаемыми непосредственно к очкам местных рекрутов. Черные ящики в рюкзаках. Для проведения спецопераций. Вербовка, организация убийств…

– И насколько это работало?

– Мы не знаем. Наш агент, при всей сложности ее платформы, видимо, довольно ранний прототип.

– А у нас тут этот проект был?

– Мы не нашли записей.

– Ты с ней на связи?

– Нет. Учитывая технологическую асимметрию, она, скорее, оперативный сотрудник, которому дают указания повторяющиеся фигуры в сновидениях.

– Поэтично.

– Формулировка Лоубир. – За спиной Тлен стремительно промчалось стадо оленей, далеко в глубине несуществующего пейзажа на сплошном холсте ее собственной кожи. – Тебе нравится быть отцом?

– Да, – ответил Недертон.

Интересно, что она сделала с губами? Они вроде стали полнее.

Из саванны клонированной кожи выглянула голова хищника и тут же исчезла.

– Никогда не представляла тебя в такой роли, – сказала Тлен.

– Разумеется, у меня куда меньше времени для работы. В случае нового среза тебе придется это учитывать. Мы с Рейни очень серьезно относимся к воспитанию ребенка. Она постепенно возвращается к профессиональным обязанностям, так что с Томасом буду преимущественно сидеть я.

– Чем она занимается?

– Связи с общественностью. Фирма в Торонто, урегулирование кризисных ситуаций.

– Когда речь об урегулировании кризисных ситуаций в этом конкретном срезе, Уилф, ничто не удастся подогнать под удобное расписание. Ты должен быть доступен в любую минуту, как и я. Юнис в нас нуждается, хотя пока еще этого не знает.

– Юнис?

– Благая победа.

– Не понял.

– Ее имя по-гречески. Евника. Она – скачкообразная, сложносопряженная иерархическая структура. По крайней мере, я так предполагаю.

Недертон заморгал:

– У нее есть периферали?

– Она заказала себе несколько маленьких аэродронов. Военного уровня, по стандартам ее времени. А мастерская, где их делают, только что изготовила работающую копию двуногого боевого разведывательного робота.

– А вы эту Юнис просто нашли?

– Там ничего не бывает просто. Я нашла ее в руках дельцов, бывших правительственных чиновников, насквозь коррумпированных. Они добыли ее незаконно и собирались когда-нибудь перепрофилировать для гражданского рынка. Мы их подтолкнули. А недавно подтолкнули их нанять человека, который будет с ней работать, намекнув, что это полезно для ее развития. Все прошло довольно удачно.

– В каком смысле?

– Она не дает им мониторить свое взаимодействие с новым сотрудником. – По стене за Тлен бесшумно пронеслась птица. – Именно такая независимость нам нужна. Они тоже под впечатлением, но теперь они оценили ее потенциальные возможности, так что, боюсь, время поджимает.

Возникла пульсирующая эмблема Рейни.

– Извини, – сказал он Тлен. – Телефон. – Повернул голову: – Да?

– К обеду вернешься? – спросила Рейни.

– Да.

– Ты где?

– Долстон. По работе. У Тлен.

– Везет тебе, – сказала Рейни. Ее эмблема погасла.

– Рейни, – пояснил он, снова поворачиваясь к Тлен. – Передает тебе привет.

9
Ценная хреновина

Верити разбудил телефон, вибрирующий на полу в беззвучном режиме. Она высвободила руку из вкладыша, застегнутого на молнию почти до подбородка, и пошарила рядом с диваном.

Накануне вечером Юнис показала ей «Начало» с паузами для упомянутой инфографики. Что-то в этом изменило ее отношение к Юнис, хотя Верити не сумела бы сказать, что именно и почему. Вчера днем казалось, что разумнее всего вернуть Юнис Гэвину, но трогательное нердовское желание поделиться любимым фильмом пробудило растущую эмпатию. Это было как-то связано с ощущением личности, на периферии которой кипит бурная жизнь.

– Завтрак, – сказала Юнис, как только Верити поднесла телефон к уху. – «Волки плюс Булки».

– Это не плюс, – ответила Верити, – а «и».

– Написано плюс.

– Знак плюса – это хипстерский амперсанд.

– Завтрак скоро кончится, но мак-волк с яйцом еще остался. Пока будешь есть, изложу тебе обстановку.

Верити вспомнила, что мешочек сотенных упрятан в стенной шкаф (Юнис велела не оставлять его на верстаке). Она вылезла из вкладыша, сложила его и влезла в пластиковые шлепанцы Джо-Эдди.

В кухне пропустила воду из крана через фильтр в форме Пикачу, набрала полстакана, выпила.

В ванной, все еще полусонная, воспользовалась унитазом, умылась, почистила зубы и вернулась в спальню за чистыми трусами, свежей футболкой, кроссовками. Подумала, что на улице, наверное, холодно, так что надела еще и рыжую шерстяную ковбойку-пиджак Джо-Эдди из японского джинсового магазинчика, на два размера больше, чем носила сама.

В гостиной сняла очки с зарядки и надела. Появился курсор. Юнис смотрела на гарнитуру, включенную в собственную зарядку.

Эй.

Верити выдернула гарнитуру из зарядника и вставила наушник в ухо.

– Нам надо вывести тебя туда, – сказала Юнис.

– Зачем?

– Потому что франклины нужны там. В том дайнимовом чехле, куда ты их убрала.

– Каком?

– Дайнимовом. Материал, из которого чехол.

– Зачем?

– Кто-то захотел сделать крутой чехол.

– Деньги зачем?

– Их заберут. Лучше там, чем здесь.

Верити не знала, как поступила бы с деньгами, реши она вернуть Юнис в «Тульпагеникс» (чего делать уже не собиралась). Отдать их кому-нибудь – неплохой вариант. Так что она вернулась в спальню, к стенному шкафу, за чехлом. Дайнима оказалась чем-то вроде тайвека, только еще круче.

Решив на сей раз не прятать наушник, Верити спустилась на улицу. «Волки + Булки» были в том же доме, третья дверь справа. Голый кирпич и дымчатая сталь, запах пекарни. Она заказала мак-волк (мутантный пряный маффин с начинкой из яйца в мешочек, загадочным образом очищенного от скорлупы), расплатилась и стала смотреть, как паренек по другую сторону стойки щипцами кладет ее мак-волк на белую фарфоровую тарелку. Он поставил тарелку на советского вида пластмассовый поднос, серый, примерно того же оттенка, как оправа ее тульпагениксовских очков, добавил туда же кофе и столовый прибор в бумажной салфетке.

– Табурет у окна, – сказала Юнис.

Верити отнесла поднос к стойке-подоконнику с видом на Валенсия-стрит. Все стальные табуреты перед окном были свободны.

– Деньги держи на коленях, – распорядилась Юнис.

Сто тысяч свинцовым фартуком давили на колени. Верити разрезала маффин, выпустив теплый желток, и начала есть, запивая кофе. Солнце вновь пробилось сквозь облака и озарило прохожих – судя по виду, сплошь обитателей страны Стартапии, тружеников среди тилландсии.

– Интересно, что бы подумали хиппи, знай они, что это две тысячи семнадцатый? – спросила Юнис. – Кто-нибудь из тысяча девятьсот шестьдесят седьмого?

– Они бы решили, что победили, – ответила Верити. – Но они бы в жизни не догадались, чем большинство здесь зарабатывает на жизнь, и не сумели бы вообразить, что за этим стоит.

– Ты меня поняла. – Говоря, Юнис оцифровала лицо молодого человека – тот походил на коренастого амишского землепашца,

вырядившегося хелс-готом[12].

– Зачем ты все время это делаешь?

– Они по большей части либо живут здесь, либо работают. Набрать достаточно, начнут проявляться аномалии.

– И чем это отличается от паранойи?

– Ничем. Кроме того, что не безумие.

Верити принялась за следующий кусок мак-волка.

– Ты хорошенько проверила своего нанимателя, прежде чем к нему идти? – спросила Юнис.

– Не особо, – с набитым ртом.

– Совсем не проверяла?

Проглотила.

– Давно никто ничего не предлагал.

– Они все спецслужбисты, в фирме-учредителе. Твой бывший понял бы, о чем я.

– Это в прошлом.

– Общаетесь хоть иногда?

– Нет. А теперь он помолвлен. С девушкой, у которой до знакомства с ним был собственный пресс-секретарь. СМИ устроили за ними настоящую охоту.

– Кейтлин. Франко-ирландская архитекторша.

– Если я хоть близко к нему подойду, то наступлю на все мины-растяжки таблоидов.

– А может, и нет, если все сделаешь правильно, – сказала Юнис. – Он бы все знал про «Курсию».

– Что именно?

– Что они – подвид полностью отрицаемого проекта министерства обороны.

– Типа венчурного капитала ЦРУ?

– Близко не лежали, – ответила Юнити. – То – фасад. Мегафауна. «Курсия» даже в самое свое легальное время пряталась в подлеске. И сейчас прячется, но сменила защитную окраску на игровую индустрию. Когда минобороны требует отрицания с удвоенной силой, первоначальную миссию вычищают из памяти под ноль. Проект выводят из министерства, лишают финансирования, забывают. Сейчас случается реже, чем во времена Ирака, но «Курсия» именно такая.

– Откуда ты знаешь?

– Я многозадачу. Делаю это у себя за спиной, как будто не знаю, откуда знаю про «Курсию». Похожа я типа как бы на то, что тебе обещал Гэвин?

– А что?

– Если я правда такая, – сказала Юнис, – то, наверное, «Курсия» успела кое-что в минообороны стырить.

«Тульпагеникс» – их фасад для монетизации этого самого.

– Этого?

– Меня. Ешь. Сейчас курьер подойдет.

Юнис открыла видео-окошко, в ракурсе, как с камеры наблюдения. Курсор отыскал мужчину в темной бейсболке, белого, с бородой, но определенно не из-под тилландсии. Он шагал, не улыбаясь, по Валенсия-стрит. Под мышкой – черная сумка.

– Он войдет, возьмет кофе, сядет рядом с тобой. Справа. Отдай ему чехол, под стойкой. Он переложит деньги себе в сумку, а в чехол уберет пеликановский кейс.

– Какой кейс?

– Из твердого пластика. Не тяжелый, но объемный. В чехол влезет, но с трудом. Ты смотришь в окно, делаешь вид, будто ничего не происходит. Он под стойкой передает тебе чехол, ты уходишь и возвращаешься домой.

– Что он мне передаст?

– Ценную хреновину.

– За сто тысяч долларов?

– Все изготовлено с нуля, кроме моторчиков, аккумуляторов, камер, всего такого.

– Зачем ты это делаешь, Юнис? – спросила Верити.

Мужчина в бейсболке прошел за окном, не глянув в ее сторону.

– Ради возможностей.

– Мне это не нравится.

– Допивай кофе.

Верити подчинилась, перебарывая желание оглянуться и посмотреть на мужчину в бейсболке.

– Здесь свободно? – Мужской голос.

Она обернулась, подняла взгляд:

– Да.

– Спасибо.

Верити вновь посмотрела в окно, не видя улицу. Краем глаза она различила, как мужчина в бейсболке поставил кофе на стойку и сел на соседний табурет.

– Передай ему дайниму, – сказала Юнис, – под стойкой.

Верити не хотела, но подчинилась, инстинктивно ожидая, что он возмутится. Заставила себя смотреть прямо вперед. Шуршание под стойкой. Два отчетливых щелчка. Защелки на мешочке. Снова шуршание.

Затем мужчина передал чехол обратно. Внутри было что-то твердое, прямоугольное.

– Пора идти, – скомандовала Юнис. – Вперед.

– Извините, – сказала Верити, вытаскивая чехол из-под стойки.

Часть прямоугольного предмета, торчащая из чехла, была зеленовато-песочного цвета. Джо-Эдди как-то сказал, что этот оттенок называется «Койот». Цвет снаряжения магазинных ниндзя, помимо черного и хаки.

– Все о'кей, – глядя ей прямо в глаза. Сто тысяч франклинов – очевидно, в сумке под мышкой.

Она пошла к выходу.

– Отлично, – сказала Юнис. – Теперь в квартиру.

– Деньги были для него? – спросила Верити на улице.

– Мастерская в Окленде, делает реквизит для лос-анджелесских студий.

В подъезде Верити заперлась и задвинула щеколду. Поднялась по лестнице. Чехол бился о ногу.

В кухне она положила его на стол и вытащила прямоугольный кейс. У него оказалась неожиданно массивная складная ручка, хотя сам он был нетяжелый. Поверхность равномерно шероховатая. На алюминиевой пластинке сбоку от крышки надпись – «Pelican case 1400 Torrance CA».

– Открой, – велела Юнис.

Верити осмотрела непривычный механизм защелок.

– Как?

Появился мультипликационный рисунок: белые контурные руки показали, как открыть белую контурную крышку. Повторяя за ними, Верити открыла настоящие защелки, подняла настоящую крышку. Четыре квадратных гнезда в черной пористой подложке составляли большой квадрат.

– Проверим, – сказала Юнис.

Из одного гнезда, не совсем бесшумно, поднялось что-то темно-серое, неотражающее. Когда оно поравнялось с очками, Юнис открыла видео-окошко. Верити на миг заглянула в собственные, нелестно заснятые глаза. Затем дрон поднялся выше, в окошке появилась кухня за спиной у Верити и вход в гостиную.

У Стетса были дроны, целая коллекция. Их ему дарили в надежде на поддержку стартапов. Этот был тише, практически бесшумный.

– Сколько он может оставаться в воздухе?

– Восемь часов. С грузом меньше.

– Ни один из них столько не работает, – сказала Верити.

– Этот военный. Вернее, притворяется военным. Открой кухонное окно.

Верити подошла к окну, повернула ручку, закрашенную

слоями краски, и распахнула раму. Картинка с камеры дрона изменилась: теперь это была кухонная дверь. Смазанность от быстрого движения, потом ее собственная спина в рыжей ковбойке-пиджаке Джо-Эдди (которую она немедленно решила никогда больше не надевать), и вот уже дрон с тишайшим комариным звоном пронесся мимо и быстро начал уходить вертикально вверх. Выше низкого парапета плоской крыши.

Верити никогда не выходила на крышу дома. Там, впрочем, ничего и не было, что вскоре подтвердил дрон. Он завис над серой кучкой: косточки, маленький череп с клювом, намек на истлевшие крылья.

– Чайка, – сказала Юнис.

– Как туда попадают? В смысле, без дрона.

Дрон повернул, показал Верити покореженный металлический люк в облупившейся алюминиевой краске.

– Через соседнее помещение. Нежилое. Арендуют вьетнамцы.

– Значит, Джо-Эдди там, скорее всего, никогда не бывал?

– Он ловкий?

– Нет.

– Держись, – сказала Юнис. – Прыгаем.

Камера дрона устремилась к Валенсия-стрит, через парапет, вниз к тротуару. Верити ойкнула. На долю секунды дрон завис в дюйме от асфальта и тут же пошел вверх. Заглянул через окно в «Волки и Булки», где молодой азиат пил что-то из белой чашки, сидя на том же месте, что Верити минуты назад. Юнис оцифровала его лицо.

– Юнис, зачем ты это делаешь?

– Да просто осматриваюсь все время, – ответила Юнис; дрон тем временем взмыл вверх и снова показал крышу. – А ты разве нет?

10
«Рио»

Тихоботка, цокая когтями, проводила Недертона до двери и оставила одного на неровном асфальте дожидаться машины, которую вызвала Тлен.

На соседнем перекрестке стоял кинотеатр тысяча девятьсот тридцатых годов. Высоко на ребристом белом фасаде в стиле ар-деко синели окантованные сталью печатные буквы «РИО». Недертон как-то водил туда Рейни на фестиваль Куросавы и не вспомнил, что здание смотрит на жутковатую гасиенду Тлен.

Прибывшая машина оказалась одноместной с фронтальной загрузкой, самое маленькое из трех колес располагалось сзади. Словно сбежавшая из спа-салона индивидуальная сауна, подумал Недертон. Она открыла единственную дверцу и, когда он залезал внутрь, произнесла: «Добрый вечер, мистер Недертон».

Дверца закрылась, он назвал адрес на Альфред-Мьюз[13] и позвонил Рейни.

Ее эмблема засветилась, когда машина проезжала мимо кинотеатра.

– Еду, – сказал он.

– Как Тлен? – спросила Рейни.

– Рассталась с бифокальными глазами. И татуировками. Сказала, с кем-то встречается.

– Теперь она тебя меньше раздражает?

– Нет.

– Вы виделись по работе, я правильно понимаю? – Ее шутка.

– Лоубир. Новый проект.

– Срез, – сказала Рейни.

– Откуда ты знаешь?

– По твоим рассказам выходит, она ими одержима.

– Как Томас?

– Спит.

Рейни открыла видео-окошко: их сын, свернувшийся клубочком в кроватке.

– Скоро приеду.

– Жду.

Томас исчез. Эмблема Рейни погасла.

Недертон смотрел на магазины, на редких прохожих. Двое разговаривали в дверях паба.

Он закрыл глаза, отчего подголовник сразу принял более удобное положение. Когда он снова их открыл, машина стояла на

светофоре, все еще в Хэкни.

Через лобовое стекло он увидел у пешеходного перехода нечто на трех ногах, метра три высотой. Оно тоже ждало на светофоре, окутанное плащом из какого-то материала, по виду – из потемневшей от сырости дранки.

Хэкни[14], раздраженно подумал Недертон. Вечно они выряжены во что-то другое.

11
Дерево отношений

Верити двигалась в узком каньоне между стеной и ненужным куском гипсокартона под верстаком Джо-Эдди, в двух дюймах от комков пыли и бумажки от жевательной резинки, которую кто-то сложил до минимально возможного размера.

Тут Юнис открыла видео-окошко, разделенное на шесть одинаковых частей.

В каждой было по незнакомому человеку, двое из них – женщины.

– Кто это? – Верити выпрямилась в офисном кресле и остановила дрон безымянным контроллером, который Юнис загрузила в ее телефон.

– Нечто вроде «Убера», – сказала Юнис, – только для слежки за людьми.

– Да ладно! И как это называется?

– «Шпикр», – ответила Юнис и на миг выдала название белой гельветикой. – Ты правда в этом году почти не выходила в сеть?

– За кем они следят? – Уже зная ответ.

– За тобой.

Верити пригляделась. Молодая латиноамериканка в нижнем правом углу показывалась в другом ракурсе, с другим разрешением.

– Слева внизу, это ж в «Три и семь»?

– Картинка с тамошней камеры. Еще две с уличных. Дронов всего четыре, и одним ты шастаешь под мебелью.

Девушка в «3,7» была полностью занята телефоном.

– Что она делает?

– Играет в «Кенди-краш-сагу». Нецифровая слежка – скука смертная.

В другой части окошка белый мужчина сидел за рулем автомобиля, глядя прямо вперед и, очевидно, не замечая висящего перед ним дрона. Верити подумала, что настолько незапоминающееся лицо, вероятно, плюс при такой работе.

– Их натравил на тебя Гэвин. Думает, его не вычислить.

Верити начала выводить аппаратик из-за гипсокартона.

– Раз они посадили кого-то в «Три и семь», значит вчера за нами наблюдали.

– Наблюдал человек из «Курсии». Фамилия Прайор. Нашла его на паре уличных камер. Распознавание выдало полное досье. Хреновый тип. Шестеро со «Шпикра» – неопасные. Тот, что за

рулем, просрочил алименты, остальные вообще полностью законопослушные граждане.

Окошко исчезло.

– Что им надо? – спросила Верити, когда дрон обогнул край гипсокартона.

– Увидеть тебя. Поскольку я не даю «Тульпагениксу» нас мониторить, Гэвин нанял эту публику.

Верити вернула дрон в кухню, где сидела за столом перед открытым пеликановским кейсом. Кто-то перехватил дрон – то ли Юнис, то ли кейс. Он завис, скорректировал положение и опустился ровно в свое гнездо.

– Ты нашла их с помощью дронов?

– С помощью дронов и накопленного банка лиц.

– Что это значит?

– Тебе не понравится, – сказала Юнис, – но это значит, что ты должна увидеться со Стетсоном Хауэллом.

– Исключено.

– Тебе нужен кто-то, кого они голыми руками не возьмут. Он – лучшее, что у тебя есть. Я построила дерево отношений. Там видно, что со всеми другими, кто мог бы тебя выручить, ты познакомилась через него. И в отличие от твоего Стетса им не с чего тебе помогать.

– Он не «мой» Стетс. – Очень хотелось зашвырнуть мобильный через всю кухню, но Верити напомнила себе, что телефон ее, а она разговаривает с Юнис через наушник и тульпагениксовский телефон.

– Но козлом ты его не считаешь.

Зазвонил телефон Верити, и ей снова захотелось швырнуть его через всю кухню, поскольку номер высветился незнакомый.

– Алло.

– Верити? Это Стетс.

– Стетс, – механически повторила она.

– У меня на другой линии твоя новая личная помощница. Она говорит, нам надо встретиться.

– Правда?

– Говорит, сегодня утром у тебя единственное окошко в расписании. Верджил тебя заберет. Через двадцать минут?

Верджил Робертс, который, по общему мнению, выглядел так, будто у Жанель Монэ[15] есть брат-близнец, был в глазах людей, не приближенных к Стетсу, его универсальным мальчиком на побегушках, однако на самом деле, помимо прочего, исполнял в фирме роль штатного критика.

– О'кей, – сказала Верити, – через двадцать минут. Увидимся. – Провела пальцем по экрану, отключаясь. – Черт

побери, Юнис…

– На сейчас это единственный вариант, который может вытащить нас из задницы. Ясно?

– Блин, – сказала Верити, нехотя признав, что это примерно означало «да»; через двадцать минут она уже садилась на пассажирское место электрического «БМВ».

– Как ты? – Верджил, широко улыбаясь, правой рукой пожал ее левую ладонь.

– Сложно. Куда мы едем?

– Фримонт, – ответил он (Юнис тем временем оцифровала его лицо); название улицы ничего Верити не сказало.

Верджил встроился в поток транспорта на Валенсия-стрит.

– А ты как? – спросила Верити.

– Пашу на него. В основном всякая фигня с ремонтом, но в невбубенных масштабах. Ты работаешь?

– Холостяцкая берложка, – сказала Юнис, и очки заполнил аэрофотоснимок. Залитые солнцем верхние этажи небоскреба, пронзающие сфотошопленную сахарную вату облаков. – Невеста наводит красоту на верхние два этажа. Площадь – примерно три теннисных корта.

Картинка исчезла.

– Только что устроилась, – ответила Верити, – но рассказывать не могу.

– Если это не связано с демонтажом мрамора, считай, тебе повезло. Мрамора там до хрена и больше, прежний владелец, похоже, не знал, что бывают другие материалы. Кейтлин хочет, чтобы каждый грамм пошел в оптимальную переработку, а значит, снимать его надо целиком, не раскалывая.

У нее зазвонил телефон.

– Извини.

– Ничего-ничего, – ответил Верджил, сворачивая на другую улицу.

– Не злись на меня, – сказала Юнис.

– Есть за что. – Верити говорила бодро, поскольку Верджил ее слышал.

– Это ситуационное.

– Постоянное, если все будет продолжаться так же, – сказала Верити, когда Верджил сворачивал на Четырнадцатую.

– Нам нужно оставаться внутри их системы обратной связи. Иногда мне придется выталкивать тебя из зоны комфорта.

Впереди возник угрюмо-укоризненный фасад Арсенала.

– Когда меня толкают, это вне зоны моего комфорта.

– В данный момент за нами хвост, – сообщила Юнис. – Чувак с просроченными алиментами. Еще четверо ждут машин, чтобы

ехать, куда он скажет. Одна осталась в «Три и семь» на случай, если ты вернешься. Не отбрыкивайся от моих советов.

Верити глубоко вдохнула, медленно выпустила воздух.

– Ладно.

Они миновали Арсенал и ехали мимо муралов с протестами против обуржуазивания района.

– Нам надо будет сесть и все со Стетсом перетереть. Втроем.

– Как это будет выглядеть? В смысле устройств?

– Обойдемся тем, что у него есть. В худшем случае подопрешь чем-нибудь мобилку и включишь громкую связь, а я буду в виде аватары.

– Темы?

– Твоя новая работа, мое мнение о твоем работодателе.

– То, что ты мне сказала? – Верити глянула на Верджила, который вел машину чересчур сосредоточенно.

– Именно, – ответила Юнис, – и твои мысли по этому поводу. Никто никого к стенке не припирает. Мы даем ему шанс решить, хочет ли он с нами связываться.

Мимо микротрущоб из картонных коробок и магазинных тележек, накрытых синим полиэтиленом из магазинов «все по доллару».

– Это не только от него зависит. И не только от тебя.

– Знаю. Но мы почти приехали. Отбой.

– Ладно. Пока. – Верити опустила телефон.

Они проехали под эстакадой перед мостом.

Дальше – СоМа[16], затем, несколько кварталов и поворотов спустя, безупречно чистый бетонный съезд. Верджил притормозил, белая стальная решетка пошла вверх, машина вновь тронулась, и Верити, обернувшись, увидела, как решетка опустилась.

12
Альфред-Мьюз

Рейни обставила его лондонскую квартиру мебелью более или менее человеческого изготовления. «Которая ни во что под тобой не превращается», по ее выражению. Она обожала скандинавский дизайн середины двадцатого века, но не могла его себе позволить, так что искала старинные подделки, а не точные, изготовленные ассемблерами копии.

– Так это совсем рано? Раньше округа? – спросила она, раскладывая по тарелкам ужин.

– За год до того, как американцы впервые избрали женщину-президента.

– Гонсалес?

– Нет. Они избрали свою раньше, в две тысячи шестнадцатом. А итог голосования по Брекзиту был «остаться в ЕС». Я могу тебе чем-нибудь помочь?

– Глянь на Томаса, пожалуйста.

Он подошел к двери детской. Томас спал, окруженный успокаивающей проекцией миниатюрного северного сияния.

– Все хорошо.

– А люди там счастливее? – спросила Рейни. – Счастливее, чем были здесь тогда?

– Я так понимаю, не особенно.

– Жалко. На обед сегодня такос с тиляпией. Из ресторанчика на Тотнем-Корт-роуд. В твоем новом срезе мексиканская еда наверняка лучше. Отчего же они не радуются?

– Все по-прежнему идет к джекпоту, хотя в этой конкретной точке и не так стремительно. – Он сел за стол. – По крайней мере, пандемии для них еще впереди.

Рейни села напротив него.

– Никогда не могла вообразить жизнь до две тысячи двадцатых как что-то реальное. Трудно поверить, что они не радовались каждую минуту, ведь у них столько всего было. Тигры, например. – Она взяла тако. – И что изменило исход выборов?

– Мы пока не знаем. Из-за плохой связи нет доступа к данным, без которых этого не выяснить.

– А меня ты можешь туда взять?

– Пока нет. Все из-за той же плохой связи. Нет нужной инфраструктуры.

– В округе мне нравится, – сказала она, – хоть и грустно

всякий раз.

– Правда? Почему?

– Они живут в теории заговора, только по-настоящему. Ими управляют тайные повелители. Твоя работодательница, главным образом.

– Но ведь благодаря нашему вмешательству им лучше?

– Да, конечно, но это обессмысливает их жизнь.

– Однако все, с кем ты там знакома, в этом участвуют.

– Не знаю, предпочла бы я знать или не знать, – сказала она и откусила тако.

13
Стетс

Верджил поставил машину в белом гараже, рядом с новехонькими фургонами, на бетонном полу, почти не исполосованном следами шин. Впереди была бронзовая лифтовая дверь в такой же массивной бронзовой раме. Прежний владелец, решила Верити. Вряд ли невеста-архитекторша увлекается псевдофараоновским китчем.

Они вылезли из машины. Верджил подошел к лифту, вставил ключ-карту в щель. Дверь с жужжанием открылась, и Верджил сделал знак рукой – заходи, мол.

Верити вошла, увидела свое отражение в розово-золотом зеркале.

– Держись, – сказал Верджил снаружи. – Лифт быстрый.

– Ты не едешь?

– Дела здесь. Но я отвезу тебя назад.

– О'кей, – ответила она. – Спасибо.

– Пятьдесят второй, – сказал он в закрывающуюся дверь.

Верити взялась за непомерно большой поручень, лифт, плавно ускоряясь, начал подъем, в очках замелькали видео-окошки, словно ряд горизонтально разложенных карт.

– Все камеры здания, кроме этажей Стетса, – сказала Юнис.

От скорости немного закружилась голова. Бесконечные опенспейсы, подсвеченные мониторами лица, длинная стойка в кухне размером с квартиру Верити, пустой бассейн, вид сверху, младенец в кроватке.

Лифт остановился почти без толчка. Картинки исчезли. Верити повернулась навстречу странному синему свету из открывшейся двери.

Вдалеке вгрызался во что-то электроинструмент. Она еще разок обернулась взглянуть на себя в зеркало и шагнула в фантастическое, озаренное синим пространство. Верхние этажи небоскреба оголили до бетона, оставив лишь часть последнего межэтажного перекрытия, к которому уходили леса с зигзагом временных алюминиевых лестниц. Стеклянные стены были сверху донизу затянуты сшитыми полосами синего полиэтилена, как на самодельных хибарах по пути сюда.

С едва различимым стрекотом что-то вылетело из-под лацкана ее твидового жакета и устремилось вперед.

– Другой в машине с Верджилом. – Юнис открыла видеотрансляцию с микродрона: сперва один лишь синий

полиэтилен, затем недолгая размытость (аппаратик скользнул в щель) и, наконец, вид на залив, где в зареве догорающего лесного пожара вырисовывалось нечто столь огромное, что казалось, горизонт должен просесть под его весом.

– Что это?

– Контейнеровоз, – ответила Юнис. – Китайский. Не самый большой у них, но здесь – самый.

Пила или шлифмашинка заработала снова, эхо металлически прокатилось по бетонному полу, вероятно еще недавно облицованному тем самым мрамором.

– Верити!

Контейнеровоз исчез. Верити подняла глаза.

Его лицо над ярко-желтыми перилами, фирменная всклокоченная шевелюра.

– Давай сюда! – крикнул он; Юнис тем временем стягивала линии к его носу. – Я бы к тебе спустился, да вот колено себе поуродовал.

Только на подъеме Верити сообразила, что не успевает поволноваться из-за неловкости предстоящей встречи.

– Что у тебя с коленом? – спросила она, когда выбралась наверх и увидела черный шарнирный ортез на левой ноге Стетса, от черных бермудов и до середины икры.

– Упал с «хонды».

Сетчатый строительный жилет поверх черной футболки был крест-накрест исчерчен флуоресцентно-оранжевыми и серебристыми отражающими полосами.

– Мне казалось, ты ненавидишь мотоциклы.

– Это был самолет.

– Самолет?

– Эйч-Эй-четыреста двадцать. Забирал на той неделе. Абсолютно писксаровский персонаж.

– Ты упал с самолета?

– С трапа. Ничего не сломал, но приходится делать физиотерапию и носить вот это. – Он похлопал по ортезу.

Они обнялись, не прижимаясь. Стетс чмокнул ее в щечку, улыбнулся:

– Рад тебя видеть.

– И я.

– Ты надолго пропала.

– От СМИ пряталась.

– Так твоя помощница и сказала.

– Юнис.

– Классный профессионал. Где ты ее нашла?

– Это она меня нашла. А там у тебя что? – Верити разглядела

что-то гладкое серебристое у него за спиной и обрадовалась поводу сменить тему.

– «Эйрстрим Летящее облако».

– Как вы его сюда затащили?

– В нашем случае все ясно из названия модели. Часть крыши разобрана, вот мы и не устояли перед искушением.

– А как будете вытаскивать?

– Кейтлин хочет его встроить. Вроде тайного штаба. Домика на дереве.

– Поздравляю с помолвкой. – Классическая неловкая фраза из тех, что так трудно сказать бывшему, и все же Верити ничего не почувствовала.

– А у тебя кто-нибудь есть? – спросил Стетс.

Вторая половина двойной порции неловкости. И вновь ничего.

– Нет, – ответила Верити.

Перед трейлером он подал ей руку, помогая взойти по лесенке, потом, морщась, залез сам и оставил дверь открытой.

– Сильно болит?

– Не очень. – Он через шорты потер ногу. – Хочешь чего-нибудь? Воды? Кофе?

– Нет, спасибо. Что она тебе сказала?

И тут же накатила неловкость, но не из-за встречи со Стетсом. Из-за Юнис.

– Сперва объяснила, как нашла номер, по которому звонит, поскольку я с ходу это спросил. Теоретически его нельзя найти.

– Ой, извини.

– Не за что. Она показала мне уязвимость, через которую нашла мой номер, и сказала, что звонит от твоего имени. Чтобы я, если захочу, мог не кривя душой сказать, что не имел с тобой никаких контактов.

– Ты поверил?

Он вздернул подбородок:

– Не обязательно. Но она показала мне баг в системе безопасности, за которую я заплатил деньги. И утверждала, что работает на тебя.

– Но я не просила ее звонить.

– Тебе нужна помощь. Прямо она этого не говорила, но у меня создалось такое ощущение.

– А этот трейлер не сведет гениального архитектора с ума? – спросила Верити в надежде хоть ненадолго сменить тему.

– Кейтлин заказала его через интернет. На все про все ушло восемь минут. Говорит, у нее было дивное чувство полной безответственности.

– А зачем синий полиэтилен? – Верити чуть не спросила про контейнеровоз, но вовремя прикусила язык. – Здесь должен быть неимоверно красивый вид.

– Дроны. СМИ. Пытаются сфотографировать нас. А если не нас, то хотя бы помещение внутри. А стены стеклянные.

– А как вы будете тут жить?

– В Токио есть лаборатория, которая, возможно, сумеет нам помочь. Отправляем туда Верджила. Не хочешь слетать?

Далекий инструмент снова заработал, стены трейлера заглушали звук.

– В «хонде»?

– Пять остановок для дозаправки. Зато увидишь «Трук интернешнл».

– Что увижу?

– Аэропорт. Микронезия. «Хонде», чтобы долететь до Токио, надо все время заправляться.

– Извини, но у меня тут работа. Только что подписала контракт.

– С кем?

– «Тульпагеникс». Знаешь такую?

– Нет.

– Дочерняя фирма «Курсии». – Заметив, что Стетс отреагировал на название, Верити добавила: – Ты про нее слышал.

Он кивнул.

– И что думаешь?

– Душок спецслужб с очень неопределенными криминальными обертонами. Никак не то, во что я стал бы инвестировать. Для чего они тебя наняли?

– Оценка альфа-версии продукта.

– Какого?

Верити ответила, зная, что нарушает соглашение о неразглашении:

– Кастомизированная виртуальная аватара на серьезном ИИ-базисе.

– Ну и как?

– Ты оценил высоко.

У Стетса расширились глаза.

– Ты сказал, она классный профессионал. Очки – интерфейс. – Пока Верити говорила, открылось видео-окошко: вид из гироскопической неподвижности на серебристую крышу трейлера. – Она может провести конференцию с моего телефона.

– Подключи ее сюда через блютус. – Стетс показал на голый участок фанерованной стены.

Дрон-трансляция штопором прошла вниз и через открытую дверь трейлера. Верити увидела свое лицо и затылок Стетса. Дрон взмыл к потолку и застыл, глядя на них сверху, пока Стетс, не знающий о наблюдении, вытаскивал из-за фанеры экран. Верити достала телефон и выбрала единственное блютус-устройство, которое тот нашел.

– Привет, – сказала чернокожая женщина, чье лицо под идеально ровным офисным афро заполнило экран.

– Ты мне говорила, там нет никакого там, – заметила Верити.

– Картинка откуда-то, но мне пока сойдет.

– Здравствуйте, Юнис, – сказал Стетс.

– Мистер Хауэлл. Очень приятно.

– Стетс. Кто вы, Юнис?

– Проект в стадии разработки.

– Чей?

– С этой минуты – мой.

– Что бы вы хотели обсудить?

Юнис полностью завладела его вниманием, а Верити знала, как редко это бывает.

– Давайте попросим Верити рассказать о нашем знакомстве. Как она это восприняла. А потом мы попытаемся ответить на ваши вопросы.

– Отлично, – сказал Стетс.

Верити, стараясь ничего не упустить, изложила все по порядку, начиная с первого мейла от Гэвина. Юнис и Стетс не перебивали, не задавали вопросов. Верити рассказала про франклины и купленные на них дроны. Стетс слушал все более заинтересованно.

Закончив, она попыталась вспомнить, когда видела в его глазах такое живое любопытство. Похоже, что никогда.

14
Эль-Камышлы

Вечером Рейни и няня пошли гулять с Томасом. Недертон лежал на кровати и разговаривал с Лоубир. Которая по обыкновению позвонила ровно в ту минуту, как он остался один.

– Так вы не знаете, есть ли Юнис, ваш программный агент, в нашем прошлом? – спросил он, изучая раздвоенную трещину, которую только сейчас заметил на потолке.

Настоящая это трещина или артефакт, созданный ассемблерами для иллюзии подлинности? Если Рейни заметит, надо уверять, что настоящая, поскольку творение ассемблеров ее огорчит.

– Мы предполагаем, что есть, – ответила Лоубир. – У меня завтра встреча с Кловис Фиринг, она попытается что-нибудь выяснить. Могу вас взять, если хотите.

Это означало, что он должен ехать.

К Фиринг, своей американской сверстнице, Лоубир отвезла Недертона почти в самом начале их знакомства. Больше он ту не видел, зато близко познакомился с ее куда более молодой версией в округе – хладнокровной снайпершей, возглавлявшей теперь личную охрану Флинн.

– Как она?

– Медицинские проблемы потребовали сложной фаготерапии, однако она уже на ногах, и я попросила ее заняться Юнис.

– Она все в том же антикварном магазинчике на Портобелло-роуд?

– Да, «Культура Кловис». Говорит, антиквариат в лавке стал лучшей частью ее памяти.

– А в округе не спрашивали? У вашей тамошней молодой версии серьезные связи в Вашингтоне. Включая нынешнего президента.

– Конечно спрашивала, – ответила Лоубир, – но там ничего не нашли.

Недертон встал и в носках, без обуви прошлепал на кухню. «Эспрессо», – приказал он машине. Рейни, как правило, такого не позволяла; она требовала, чтобы он сам варил кофе. «Без кофеина», – добавил он (нарушить оба ее правила не позволила совесть).

– Значит, вы побуждаете этот ИИ наращивать собственный функционал? – Наблюдая, как машина выпускает в чашку тонкую дымящуюся струйку обескофеиненного эспрессо.

– Да, хотя, как представляется, это базовая часть ее пакета – увеличивать свои возможности. Должна, впрочем, упомянуть, что, по оценкам тетушек, срез Юнис скоро закончится, по крайней мере в интересующем нас смысле. Эту вероятность мы тоже должны учитывать.

– Закончится? – переспросил Недертон, думая, что ослышался, и отпил кофе.

– Да, – ответила Лоубир.

– Извините. «Закончится»?

– Да.

– Как?

– Ядерная война.

– Тлен что-то такое упомянула, но я и не подумал, что все настолько серьезно, – сказал Недертон, глядя на исходящую паром белую фарфоровую чашечку. Точно в середине, в обрамлении светло-коричневой пенки отражался кухонный абажур.

– Это исключительно серьезно. Эль-Камышлы. Кризис начался там, хотя распространился, конечно, гораздо шире.

Название как из Томасовой книги сказок. Потом Недертон вспомнил, что говорила Тлен.

– Это в Турции?

– В Сирии. Город на границе с Турцией, северо-восток страны, напротив турецкого Нусайбина. Сложное место, даже по тогдашним меркам региона.

Недертон допил свой обескофеиненный кофе – жест столь же ненатуральный, как и сам напиток, – и поставил чашку обратно.

– Так этот кризис ваших рук дело?

– Ни в коем разе. Он достался нам вместе с территорией и оказался полной неожиданностью. Последний срез Веспасиана обещает стать ровно тем, что тому нравилось создавать.

– Можете ли вы предотвратить такое развитие событий?

– Это целиком зависит от наших агентурных возможностей. Сейчас они нулевые. Тетушки дают пессимистичный прогноз.

– Вы говорили, они не участвуют.

– В привычном вам смысле не участвуют, но они – лучшие актуарии.

15
Фигня в духе Зоны 51 [17]

– Мне нравится, – объявил Стетс, когда Верити закончила. Он сидел на откидной полке, подавшись вперед и упираясь руками в ортез, чтобы не давить на больную ногу. – Страшная сказка Кремниевой долины, – добавил он, глядя на суровую аватару Юнис. – Если считать, что Юнис реальна.

– Я есть, – ответила Юнис. – Здесь. А моя реальность – это типа как бы.

– Так почему именно здесь, сейчас? – спросил он.

– Я хочу знать, откуда взялась. Что за инфраструктура. Должна быть какая-то фигня в духе Зоны пятьдесят один, без дураков. И я должна защитить Верити, потому что свалилась ей на голову без приглашения. Ты – единственный серьезный игрок среди ее знакомых.

Стетс глянул на Верити:

– Ты готова принять это за чистую монету?

– Чувствую, она меня убедила, – ответила Верити, – а потом начинаю думать, это стокгольмский синдром.

– Напиши Филу Бартеллу, – сказала Юнис (Верити знала, что так зовут финдиректора Стетсовой фирмы). – Пусть примет мой звонок. Как помощника Верити. Насчет Сингапурской сделки.

Стетс уставился на экран.

– Да, она такая, – сказала Верити.

– Бартелл проштудирует доки, которые я закинула в его дропбокс, – сказала Юнис, – и поймет, что сделка хреновая. Но я должна обрисовать ему общую картину, прямо сейчас, пока он не поставил подпись. Ты свою уже поставил.

– Откуда ты это знаешь, Юнис? – спросил Стетс. – Откуда ты вообще знаешь про сделку?

– Может, ты поможешь мне выяснить, как я это делаю. Напиши ему. Он вот-вот поставит свою подпись.

Стетс достал из кармана телефон. Напечатал большими пальцами. Отослал. Глянул на Верити, потом на телефон, потом на большой экран:

– Он примет твой звонок.

– Уже принял, – сказала Юнис. – Я с ним сейчас говорю.

Стетс, щелкнув ортезом, встал и, стараясь не сильно наступать на больную ногу, прошел к барной стойке. Открыл бутылку воды. Телефон пикнул. Стетс глянул на экран:

– Говорит, ты права. Спрашивает, откуда знаешь.

Формулирует более грубо.

– Ты сам назвал это страшной сказочкой. Думаю, когда он прочтет документы, то поймет, что я сберегла вам большие бабки.

– Спасибо, – ответил Стетс. – Если считать правдой рассказ Верити и вот это сейчас. Я уже практически считаю. Что дальше?

– Мы с Верити возвращаемся в Миссию, желательно без шпиков-фрилансеров, которые нас сюда проводили.

– Если они знают, где я сейчас живу, и мы едем к Джо-Эдди, то какая разница? – спросила Верити.

– Мы едем не прямо к Джо-Эдди, – сказала Юнис. – Мне надо, чтобы тебя кое-где увидели, тогда у кое-кого будет время закончить кое-что в другом месте. Для этого нам нужно незамеченными добраться отсюда туда, где мы пересядем в машину, которую я вызвала.

– Верджил с этим справится. – Стетс вопросительно глянул на Верити.

– Я согласна, – ответила та.

Он нажал кнопку на телефоне.

16
ПК

– По твоему описанию, Эйнсли, это должно быть ПНП, – сказала Кловис Фиринг. На ней было викторианское траурное платье, которое понравилось бы Тлен, хотя та носила бы его с провокационными аксессуарами.

Лицо Фиринг являло собой палимпсест морщин и пигментных пятен, но странным образом выглядело моложе, чем запомнилось Недертону. Она единственная в Лондоне звала Лоубир по имени, хотя в округе Флинн и все остальные были с той накоротке.

– ПНП? – переспросила Лоубир.

– Проектирование нового поколения, – сказала Фиринг, сверкнув неожиданно белыми зубами. – Оно финансировалось Командованием по проведению спецопераций, но находилось в ведении Командования боевых космических и морских систем ВМС. Использовало много ПК, покупных комплектующих. Часть таких работ велась на военно-морской авиабазе «Чайна-лейк», где очень рано начали делать микродроны. Старались получать все самое современное из Кремниевой долины. Этим занимался ОИОРЭ, Отдел инновационных оборонных разработок, экспериментальный.

– Вот как. – Лоубир подняла брови.

– Тепло? – спросила Фиринг, буравя ее зоркими старческими глазками.

– Можешь поискать имя Юнис?

– Юнис?

– Во всех связанных контекстах, пожалуйста.

Фиринг закатила глаза, так что остались одни лишь пугающие белки, затем вновь глянула на собеседников.

– УНИСС, – сказала она. – У-Н-И-С-С. Ближайшее совпадение.

– И что это значит?

– Универсальная ноэтическая индивидуальная саморазвивающаяся система, – с явным удовольствием ответила Кловис.

– Спасибо тебе огромное, ты очень нам помогла, – сказала Лоубир. – Что-нибудь еще?

– Нет, – ответила Фиринг. – Информационная гниль уничтожила почти все соответствующие архивы, а свои я прошерстила вдоль и поперек. Там ничего нет, но это определенно ПНП.

Недертон, скучая, разглядывал исполинскую бронзовую голову бородача у Фиринг за спиной, грубо оттяпанную от какой-то статуи.

– Ли, – сказала Фиринг, проследив его взгляд.

– Ли?

– Роберт Э[18].

Имя ничего Недертону не говорило.

– Ты очень нас выручила, Кловис, – сказала Лоубир, – но Уилфу надо возвращаться к родительским обязанностям, и я обещала его не задерживать.

– Рад был снова с вами повидаться, миссис Фиринг.

– И я с вами, Уилф.

Недертон улыбнулся, огорченный, что она запомнила его имя, потом открыл дверь, пропустил Лоубир и вышел вслед за ней. Позади звякнул старинный колокольчик.

– Я по-прежнему жалею, что она вышла за того мерзавца, – сказала Лоубир.

Недертон вспомнил, что Кловис – вдова давно покойного члена парламента, Клемента Фиринга, деятеля джекпотовских времен, которого Лоубир ненавидела всеми фибрами души.

– Ваша молодая версия в округе не сумела найти того, что нашла миссис Фиринг? – спросил Недертон.

– Да.

– Давайте тогда я там попробую.

– У вас на уме кто-нибудь конкретный?

– Пока нет, – ответил Недертон.

На самом деле он думал о Мэдисоне, муже Дженис, близкой подруги Флинн. Мэдисон страстно увлекался винтажными летательными аппаратами российского военпрома.

– Займитесь этим, пожалуйста, – сказала Лоубир. – А теперь едем к вашему крошке?

Она щелкнула пальцами, приказывая автомобилю демаскироваться.

17
МИГ

– Что ты такое сейчас сделала? – спросил Верджил у лесенки трейлера-штаба Кейтлин. – Наша команда переведена в авральный режим, но мне Стетс велел только вывезти тебя отсюда. Не сказал пока, что произошло.

В руках у него было что-то белое, вроде увеличенного детского комбинезона.

– Что-то про Сингапур, – ответила Верити. – Но меня надо отсюда вывозить не поэтому.

– Сингапур, – повторил Верджил, глядя на нее во все глаза.

– Что это у тебя? – Она указала глазами на белый кокон.

– Противосиликозный костюм. – На самом Верджиле был строительный жилет и флуоресцентная розовая каска. Костюм, который он держал в руках, был из какого-то родственника тайвека, с такими же эластичными бахилами. – От пыли защищает. Надевай, я помогу.

– От пыли?

– Мраморной. Фургон в гараже. Мы на нем строительный мусор вывозим в Сан-Хосе, на склад отходов для повторной переработки. СМИ знают фургон, знают про склад. Будут ждать, что мы поедем туда. А мы вместо этого завернем в автосервис на Одиннадцатой, типа у нас неполадка. Сдадим задом в бокс. Ребята будут копаться спереди, я выпущу тебя сзади, незаметно. Снимешь костюм и это. – Он протянул ей респиратор с очками вроде плавательной маски и парными фильтрами по бокам дыхательного выступа. – В соседнем боксе будет ждать машина, ее твоя помощница заказала. Ты выходишь, в Сан-Хосе едет кто-то другой.

На лбу респиратора серебристым несмываемым маркером было выведено имя ПАКО, псевдорунической заглавными буквами.

– Это обязательно надевать?

– Пыль правда вредная. И меньше шансов, что тебя узнают. Любой намек, будто у тебя со Стетсом по-прежнему что-то есть, будет для таблоидов праздником. Помочь?

Она справилась сама. Костюм внутри пах чем-то фруктово-синтетическим. Верджил накинул ей на голову белый капюшон и затянул поверх респиратора.

В лифте Юнис не стала показывать видеотрансляции с камер.

– Жуть впотьмах, – проговорила Верити, впервые заметив

телесно-розовый мрамор на полу кабины.

– Мы его заменим, – сказал у нее за спиной Верджил, – когда остальной вывезем. Тут везде так было.

– А кто прежний владелец?

Дверь лифта закрылась, кабина пошла вниз.

– Стетс купил дом у номерной корпорации на Багамах. Я, когда вошел сюда первый раз, думал, он дал маху. Потом мне показали VR-панораму, как Кейтлин все переделает.

Открылось видео-окошко. Снова тот же, из «фиата» на Валенсия-стрит. Который принес в квартиру Джо-Эдди подушку сотенных. «Северин, – сказала Юнис. – Как Северин, но без одной е». Теперь в окошке было фото, видимо паспортное, клинически неулыбающееся. Стрижка почти под ноль, бородка клинышком, которую Верити вроде не помнила. «Заберет тебя из автосервиса». Лифт остановился. Окошко исчезло.

– Увидишь фургон. Он там один. Левая задняя дверца открыта. Встанешь на молочный ящик, залезешь внутрь, закроешь за собой дверцу. Я отвлеку рабочих, потом проверю, что дверца закрыта, и поедем.

Дрон, который я оставляла с ним, сейчас на крыше фургона. Другой опять у тебя под лацканом.

Верити глянула вниз, но комбинезон не давал увидеть лацканы. Лифт открылся. Впереди был высокий белый фургон с распахнутой задней дверцей. Верити двинулась к нему, Верджил – вправо, где трое мужчин в жилетах и касках смотрели сквозь освещенное отверстие в белой стене на, как ей показалось, увеличенный космический снимок города. Потом она сообразила, что это кабели и провода.

На полу перед открытой дверцей фургона стоял красный пластмассовый ящик. Верити встала на него, чувствуя себя неуклюжей в белых бахилах, залезла в фургон и закрыла дверцу.

Темнота немедленно сменилась жутковатым зеленым недосветом.

– Типа ночное видение, – сказала Юнис. – Залезай на поддон. – Курсор указал куда. – На сложенный тент.

– Парень с деньгами – латинос? Я не поняла.

– Молдаванин. Известен под кличкой Миг, от Мигель. По-испански шпарит так, что его считают колумбийцем. Шутка в том, что это… – **МиГ** – нелегал, прикидывающийся чуть менее экзотическим нелегалом. Залезай на поддон. Верджил готов ехать.

За глухой передней стенкой хлопнула водительская дверца. Верити залезла на деревянный поддон и села на корточки,

упираясь руками в перчатках.

– Он не сдвинется, – сказала Юнис. Курсор указал на торчащие по бокам края мраморных плит.

Верджил дал задний ход, развернулся. Машина поехала вверх по пандусу. Остановилась. Звук раздвигаемых ворот. Снова тронулась.

– Смотри. – Юнис открыла видеотрансляцию, очевидно с микродрона на крыше.

Верити, помнящая, как Юнис в парке помечала дроны над финансовым районом, вроде бы увидела один такой над ними.

– Дрон?

– «Нешнл инкуайрер», – сказала Юнис. – Вот что передает.

Белый прямоугольник в потоке машин. Верх их фургона, догадалась Верити.

– Никто не думает, что это именно ты, но один из рабочих пометил тебя как потенциальный материал для скандала. И они знают, что Кейтлин в Нью-Йорке.

– Ненавижу, – сказала Верити.

Юнис сменила трансляцию инкуайреровского дрона на изображение их собственного, едва различимого на фоне облаков. Затем окошки исчезли, остался лишь смутный зеленый полумрак.

– Тот парень, молдаванин…

– Севрин, – сказала Юнис.

– Ты наняла его вчера между тем, когда я тебя включила, и нашим походом в парк?

– Да.

– Как такое возможно?

– Проанализировала уйму даркнетовских чатов о перевозке нала в Сан-Франциско. Он здорово выделялся. Связалась с ним, заключила соглашение, назначила гонорар.

– Процент от денег?

– Для одной операции с налом. К тому времени я уже сообразила, как добраться до серьезных бабок.

– Он преступник?

– Финансовые услуги, – сказала Юнис, – но левого толка.

Фургон остановился и начал поворачивать, сдавая назад. Верджил заглушил мотор. Раздались мужские голоса. Испанская речь.

– Вставай, – сказала Юнис.

Она встала, неуклюжая в противосиликозном костюме. Было слышно, как Верджил открывает водительскую дверцу и обходит фургон. Он открыл дверцу в тот самый миг, когда Юнис показала троих в бурых тренировочных костюмах, сгрудившихся у левого переднего бампера. Четвертый принес плоский серый

прямоугольник, лег на него и подлез под переднее шасси.

– Как ты? – спросил Верджил.

– Норм. – Она увидела позади него красные ящики с инструментами. Спрыгнула на землю.

Верджил ослабил завязки, откинул капюшон.

– Задержи дыхание. – Он расстегнул ремешок и снял с нее респиратор. – Можешь дышать.

Она вдохнула. Запах бензина и машинного масла показался на удивление приятным. Верджил расстегнул молнию комбинезона, зашел Верити за спину и потянул за ткань на плечах, помогая ей вылезти.

– Я встану на край бахил, – сказал он. – А ты шагни вперед.

Верити послушалась.

– Итак. Сингапурская сделка отменилась, – произнес Верджил у нее за спиной.

– По совету Юнис.

– А что там, не знаешь?

– У нее были документы. Больше ничего не знаю.

В соседнем боксе поблескивал бежевый «фиат», который она видела на Валенсия-стрит. Судя по всему, только что вымытый и отполированный.

Верджил обошел ее – в правой руке респиратор, через левую перекинут комбинезон.

– Рад был повидаться.

– И я с тобой.

– Береги себя. – Он пошел на свет, к голосам, переговаривающимся по-испански.

Из-за «фиата» выступил по-модильяниевски тонкий молдаванин Юнис. Бородка у него и впрямь была, но такая короткая, что будто и нет.

– Севрин.

– Верити. – Он открыл ей переднюю пассажирскую дверцу, она села, он захлопнул дверцу. – Голову в колени, у них всегда есть камеры. Я защелкну ремень за тобой, чтобы сигнализация не орала.

Она послушалась. Сзади щелкнул ремень.

18
Пандаформ, трехчастный

Недертон, сидя на полу, смотрел, как Томас гулит с няней – пандоформом, разделенным сейчас на три равно очаровательных элемента. Недертон подумал, что до рождения Томаса неуклюжая троица умиляла бы его не больше Тленовой тихоботки, однако Томас был счастлив, и это шло пандаформу в плюс.

– Прелестный мальчик, Уилф, – сказала Лоубир из-за стола, где Рейни разливала чай. – У него глаза вашей матушки.

Лоубир не была знакома с матерью Недертона, а значит, узнала цвет ее глаз из каких-то акашических записей[19]. Сам он особого сходства не видел.

– У него свои собственные глаза, – сказал Недертон и толкнул в сторону сына клетчатый фетровый мяч.

Треть нянюшки метнулась к мячу, шариком перекатившись через голову.

Недертон никогда бы не подумал предложить Лоубир чаю. Это была мысль Рейни; она должна была уйти в Тейт с подругой, но та в последний момент отменила встречу.

– Уилф мне сказал, – проговорила Рейни, ставя чайник и садясь напротив Лоубир, – что в той Америке, вашем новом срезе, выбрали женщину-президента. До Гонсалес. Но при этом люди там не счастливее, чем здесь, где было наоборот.

– Они не просыпаются каждое утро с мыслью: «Какое счастье, что эту конкретную беду пронесло», – ответила Лоубир. – Однако такова человеческая природа. Тем временем все остальные угрозы, общие для наших миров, никуда не делись, а комплексно спровоцированный международный кризис, чреватый применением ядерного оружия…

– Уилф, – резко сказала Рейни, – этого ты мне не говорил.

– Только вчера вечером узнал. Не хотел сообщать тебе перед сном.

– Какой кризис? – спросила она у Лоубир.

– С участием Турции, Сирии, России, Соединенных Штатов и НАТО. Новый президент оказалась в куда худшем положении, чем Кеннеди в тысяча девятьсот шестьдесят втором, во время Карибского кризиса. На мой взгляд, она довольно умело балансирует на грани войны, однако даже самые оптимистичные прогнозы тетушек неутешительны. – Лоубир помешала в чашке. – Вы занимаетесь кризисными ситуациями, Рейни. – Отпила глоток. – Помимо того, что прекрасно завариваете чай.

– «Хэрродс послеобеденный», – сказала Рейни.

– Я сейчас отправила вам конспект по кризису, – сообщила Лоубир. – Буду очень признательна, если вы найдете время его прочесть и высказать свои соображения.

– Спасибо, – ответила Рейни.

Томас захныкал, и Недертон пошел взять его на руки. Пандаформы, откатываясь с дороги, стали более сферическими, чем, он подозревал, умели настоящие панды.

19
Фотографии последствий

Решив, что они проехали квартала два, Верити выпрямилась, налетев головой на автомобильный ароматизатор, запах которого мучил ее все это время. По крайней мере, это был не одеколон Севрина.

– Что за ароматизатор? – спросила она.

– Шампанское, – ответил он. – И бергамот.

Настроение у нее было непраздничное. Ехали под мостом, что всегда жутковато. Туннель кончился, и Севрин включил автомобильное радио.

«…трагический теракт, – говорила президент. – Целый автобус турецких курсантов, тридцать человек, убиты в результате атаки с применением синхронизированных самодельных взрывных устройств. Все мы видели фотографии последствий…»

Верити, ценой больших усилий, сумела пока этого избежать.

«В ответ турецкая армия подвергла бомбардировке курдские населенные пункты по другую сторону границы».

«Вы потребовали немедленного прекращения огня», – произнес другой голос, молодой, женский, с британским выговором.

«Наша разведка не выяснила, кто несет ответственность за теракт, – сказала президент. – Но когда курдские отряды народной самообороны начали мстить за жертвы среди гражданского населения в Эль-Камышлы, Турция ответила непропорциональным ракетным ударом, что привело к нынешнему обострению».

Севрин выключил радио.

– Старье, – сказал он разочарованно. – Прошлая неделя.

> Что за мудацкая муйня? Это были «Т-122 Сакарья». Турецкие РСЗО. Ты знаешь?

Верити легонько кивнула, зная, что Юнис увидит движение в трансляции очков.

> А русские? Их самолет сбили, а они грозят ядерными бомбами? А мы – ты, я, кто еще – страдаем фигней?

– Ты меня вроде как от всего этого отвлекла, – сказала Верити, забыв про Севрина. – Извини, – добавила она, уже ему. –

Телефон.

– Ничего, – ответил он.

Всему миру может прийти звездец, прям щас.

– Все так говорят.

Я не все. Я вдруг обнаружила, что знаю туеву хучу всего про этот регион. Типа серьезная область специализации.

– Ты ругаешься, как ни один ИИ на моей памяти. – Верити покосилась на Севрина, который в это самое время покосился на нее, так что их взгляды встретились.

Еще бы, блин, не ругаться.

Открылось видео-окошко. Гостиная Джо-Эдди. Кто-то – не Джо-Эдди – стоял перед верстаком, спиной к камере, и разглядывал старую электронику.

20
Бейкер-Миллеровский розовый

– Рада тебя видеть, Уилф, – сказала Дженис. Она сидела в черном сетчатом офисном кресле. Недертон видел на телефоне картинку с камеры на ее устройстве, а Дженис Недертона не видела, хотя он мог при желании показать ей то, что видит сам. – Как Рейни и малыш?

Он и забыл, что она выкрасила гостиную в Бейкер-Миллеровский розовый, казенный оттенок, якобы уменьшающий агрессию заключенных. Управление внутренней безопасности выдало окружному вытрезвителю на три галлона больше, чем требовалось, и Дженис выменяла их на ящик своих домашних консервов. Управление выписало краску, потому что в вытрезвителе часто оказывались буйные личности – до недавних пор округ жил главным образом нелегальным производством синтетических психоактивных веществ. Несмотря на легенду об успокаивающем действии, Недертона оттенок всегда бесил, и сейчас он снова это почувствовал.

– У нас все хорошо, спасибо. А у вас с Мэдисоном?

– Не жалуемся. Чем могу быть полезна?

– У меня просьба, – сказал он. – Хотя скорее к Мэдисону.

– Да?

– Я помню, он как-то искал документы для сайта фанатов игры «Су двадцать семь». – Недертон, прежде чем звонить, проверил название. – Я бы попросил его поискать нечто похожее для меня, хотя это не из военной авиации. Он по-прежнему связан с тем сайтом?

– Да, к сожалению, – ответила Дженис. – Уйму времени убивает. Ты получил одобрение Эйнсли? Иначе я должна буду провентилировать это с Флинн.

– Она специально попросила меня этим заняться.

– Что ты ищешь?

– Вот текстовый файл. Там есть предположительно релевантные термины. Это американское.

Он смотрел, как она читает файл.

– Проект нового поколения?

– Проектирование, – поправил он.

– Есть примерный контекст?

– Искусственный интеллект, противоповстанческие программы, армия США, две тысячи десятые, совсекретно.

– Почему она не спросит себя молодого здесь? До того, как вы

заявились, ему по должности полагалось знать засекреченные американские проекты.

– Спрашивала. Безрезультатно. Надеюсь, это потому, что он искал в государственных архивах. Помня, что Мэдисон нарыл по русским самолетам на чисто любительском, но исключительно качественном ресурсе…

Дженис сузила глаза:

– Флот?

– Не знаю, – ответил Недертон. – Понятия не имею, что там вообще.

– Я ему передам, – сказала она. – А вообще, заглянул бы. От ублюдочной пери, которую тебе здесь сляпали, у меня, уж не обижайся, эффект зловещей долины[20], но так было славно, когда ты путался под ногами в «Перекати-Полли». Я по тебе такому скучаю. И Флинн наверняка тоже. Заглядывай. Кстати, у нас же свой «Полли» есть. Сын племянника в нем нас навещает. Из Клэнтона.

– Ваших технологий для периферали пока немного не хватает. «Полли» меня вполне устроит. Как тут вообще дела?

– Большие напряги из-за Леона. Сам-то он больше в Вашингтоне, а мы тут мучайся то с Секретной службой, то с про-Леоновскими СМИ, то с анти-Леоновскими СМИ, то с лоббистами, то с жуликами, выдающими себя за Леона, которых расплодилось видимо-невидимо.

– Как Флинн относится к тому, что ее двоюродный брат стал президентом?

– Поначалу у нее тоже был эффект зловещей долины. Сейчас занимается больше Томми и малышом, насколько дела позволяют. Но счастлива, что сама в это не вляпалась. Фелиция уговаривала ее баллотироваться.

Фелицию Гонсалес, президента США при рождении этого среза, спасло от убийц-заговорщиков вмешательство Лоубир.

– Думаю, Флинн уломалась бы. Потом поняла, что Гонсалес рассчитывает на вашу помощь с «Хомой» и машинками для голосования, старые добрые подтасовки, и уперлась рогом. Но ты ведь это все знаешь?

«Хома», вспомнил Недертон, был одиноким атавизмом, оставшимся в этом срезе от прежних соцсетей.

– Только в самых общих чертах.

– Она была готова свалить вместе с Томми и малышом, если выборы подтасуют. Но тут наша здешняя Эйнсли, в смысле Гриф, ее молодая версия в Вашингтоне, предложил Леона. Пообещал Флинн максимально честные выборы. Разрекламировал Леона как такого скромнягу, чисто случайно белого из сельской глубинки.

Сработало. Судя по опросам, многие мужчины не стали бы второй раз голосовать за женщину. – Дженис нахмурилась.

Недертон отметил про себя, что надо будет передать это Рейни. Может, она успокоится, что не все там сплошной заговор. А может, нет.

– А Флинн он убедил так, – продолжала она. – Типа многие будут рады придурку в Белом доме. А Леон не амбициозный, но любит внимание, по-своему хитрожопый, и Эйнсли будет им руководить. И на самом деле он оказался вовсе не полный идиот. Те, с кем при Гонсалес было больше всего проблем, теперь меньше недовольны и проблем не создают. – Дженис пожала плечами. – В округе жить можно, в Штатах жить можно. – Она потянулась за пределы поля зрения камеры, взяла хефти-мартовский стакан и отпила через толстую биоразлагаемую трубочку что-то оранжевое. – Ладно, давай натравлю Мэдисона на твою задачку, посмотрим, чего он нароет.

– Спасибо, – сказал Недертон.

21
Плохой контроль качества в Шэньчжэне

Как только Верити вошла в «3,7», тот же бариста, звякая пирсингом, придвинул ей кофе и отвернулся раньше, чем она взяла стакан. Верити оглядела кафе.

Кроме нее, посетительница женского пола была всего одна: молодая латиноамериканка, уткнувшаяся в свой телефон.

– Это она, – сказала Юнис.

– Не заметила меня.

– Она не создана для слежки, – ответила Юнис. – Дизайнер игровой физики.

Верити направилась к свободному столику. Девушка подняла голову, заметила ее и по-иному задвигала пальцами на телефоне.

– Гэвин знает, что ты здесь, – сказала Юнис, когда Верити садилась.

Еще в машине Юнис объяснила, что Гэвин установил в квартире Джо-Эдди пять «жучков»: два в гостиной, один в кухне, по одному в спальне и санузле. Беспроводные, по виду – чуть заржавелые головки шурупов с квадратным шлицем, а не прямым или крестообразным. В шлице помещалась миниатюрная видеокамера, а место шурупа занимало само устройство – цилиндрик длиной в дюйм и диаметром чуть меньше головки. Приличного профессионального качества, сказала Юнис, хотя не объяснила, о какой профессии речь. Батарейки требовалось перезаряжать, но редко, и у людей, поставивших «жучки», были теперь ключи от квартиры.

– Они смогут нас записывать?

– Думают, смогут, но получат они срежиссированную лажу, которую мне сейчас готовит студия компоновочного монтажа. Из моего материала, разумеется. Я многозадачу.

– Студия?

– Дорого, конечно, но я плачу деньгами Гэвина. О чем он пока не догадывается.

Верити глянула на свой стаканчик, увидела надпись ВЕРИТАСС розовым маркером. Глянула на баристу. Тот по-прежнему стоял к ней спиной.

– Пока Севрин не включил радио, я понятия не имела, что ее выбрали президентом, – сказала Юнис. – Не то чтобы я думала, будто президент кто-то другой.

– И что, по-твоему, это значит?

– Я обдумываю гипотезу загрузки.

– Чего?

– Переноса человеческого сознания либо какого-то его эквивалента на цифровую платформу. Где-то до начала президентской кампании и тем более до выборов.

– А они такое умеют?

– Я ничего подобного не знаю, но Зона пятьдесят один, верно? И, допустим, они умеют, хотя бы чуть-чуть? Разве бы им не захотелось попробовать?

– Хорошо, допустим.

– Иногда у кого-нибудь возникает грандиозная идея, большая и чистая, но современные технологии не позволяют ее осуществить. И они пытаются сделать упрощенную версию из говна и палок. Иногда получается. Иногда выходит что-то, о чем они и не думали.

Бариста ловким движением протер хромово-латунную кирасу эспрессо-машины.

– Думаешь, так было с тобой?

– Возможно. Ламинарный агент Гэвина, суперсовременный, но недоделанный.

Верити покосилась на девушку из «Шпикра», нечаянно встретилась с ней взглядом и тут же отвела глаза.

– Долго нам тут оставаться?

– На грани ядерной войны?

– Нет, – ответила Верити. – Здесь, в «Три и семь».

– Они там у Джо-Эдди почти закончили. Проверяют.

– Камера в сортире – это ж лучше убиться.

– Я устрою так, что они решат, будто ее глючит, – сказала Юнис. – Плохой контроль качества в Шэньчжэне. И, бинго, они как раз выходят из квартиры. Их ждет машина. Можем возвращаться. Наша здешняя девушка тоже пойдет домой. Если хочешь кофе, забери с собой.

Верити встала. Девушка безуспешно пыталась изобразить, что не смотрит в ее сторону.

По пути к дому Джо-Эдди Юнис показывала трансляцию со всех пяти камер. Пустая гостиная: ощущение кадров из фильма ужасов. Камера в кухне смотрела на стол и на окно, чуть приоткрытое, как попросила Юнис, для дронов.

– Они оставили фрукты? – изумилась Верити.

На столе стояла ваза с яблоками, двумя бананами и грушей.

– Мой человек, – ответила Юнис. – Я поручила ему зайти до этих. У тебя в холодильнике мышь повесилась. – Трансляция исчезла. – Останемся до утра. Они получат шоу. Сценарий уже

готов.

– Какой сценарий?

– То, что они услышат вместо твоих слов в настоящих разговорах. Меня они по-прежнему не слышат. Если ты говоришь в сторону камеры, на студии изменят движение твоего рта. Умеющий читать по губам увидит то, что ты говоришь по сценарию.

– Серьезно? А как они проникли в квартиру?

– Слесаря привели.

– А твой человек как вошел?

– Сделал ключи по фотографиям, которые я прислала.

Дроны Юнис – два сопровождавшие их к Стетсу, а в «3,7» сидевшие под лацканами – теперь плыли над Валенсия-стрит, но их трансляции Верити не видела.

Доставая перед дверью ключи, она представила, как Юнис их фотографирует – либо с камеры Джо-Эдди, либо с дрона. Вошла – два дрона юркнули вместе с ней, по обеим сторонам головы, и унеслись вверх по лестнице. Закрыла дверь, заперлась, задвинула щеколду – второе успокаивало больше первого.

Поднялась по лестнице, с неприязнью думая о типе, которого показала ей Юнис, одном из двух, ставивших в квартире «жучки». Отперла дверь квартиры.

Прямо напротив входа, в самой дешевой икейской рамке, черной алюминиевой, висел трагифарсовый черно-белый групповой портрет «Факоидов», музыкальной группы Джо-Эдди в конце девяностых; сам Джо-Эдди позировал с японским «Джазмастером», который теперь пылился на стене. Верити настолько привыкла к этой фотографии, что обычно ее не замечала. Только сейчас рамка висела ровно, что бывало лишь в первые минуты после того, как ее поправили, поскольку из-за вибрации от проезжающего транспорта она почти сразу перекашивалась снова. Поправил ее тип в очках с проволочной оправой или его напарник?

– Не надо, – сказала Юнис. – Иначе он поймет, что ты заметила.

Верити подняла руку, чтобы вернуть «Факоидам» привычный перекос, но теперь только откинула волосы со лба и прошла дальше.

– Кто поймет? – спросила она в кухне.

– Прайор, – ответила Юнис. – Тот, которого я показала тебе в гостиной. Опасный тип.

22
Чудовищно

Когда Недертон после разговора открыл глаза, Рейни сидела, зажмурившись, на другом конце дивана. Видимо, изучала документы по Эль-Камышлы. Недертон любовался ее переменчивыми гримасками, ее сосредоточенностью, серьезностью, которой не замечал, когда они были просто коллегами. Он переборол желание сесть ближе и взять ее за руку.

Рейни открыла глаза, встретилась с ним взглядом.

– Представляешь, каково быть родителем там? Лоубир тебе объяснила?

– Тетушки ждут ядерной войны, – сказал Недертон.

Томас заплакал в кроватке.

Рейни встала:

– Чудовищно.

– Мы пытаемся это предотвратить, – ответил Недертон и, к собственному удивлению, понял, что в каком-то смысле так оно и есть.

23
Не надеясь на глюк

Верити разогрела лазанью (из запасов, которыми человек Юнис набил холодильник) и поужинала за кухонными столом, наблюдая, как дроны суетливо влетают и вылетают. Она догадывалась, что они следуют сложной 3D-геометрии, позволяющей им не попадать на камеры «Курсии». И что, если они все-таки попадут в камеру, монтажная студия их уберет и в «Курсии» увидят кухню без всяких дронов.

После ужина она решила принять душ, предвкушая настоящую невиртуальную приватность по другую сторону занавески с Русалочкой – в пандан к полотенцам Джо-Эдди. Юнис показала ей, где в ванной псевдошуруп с квадратным шлицем. Верити накинула поверх одежды тактический халат, разделать под ним, держась спиной к камере, шагнула в душ, задернула занавеску, сняла халат и футболку, повесила их поближе. Долго стояла под душем, пока вода не стала почти холодной, потом втянула халат на свою сторону, надела, накинула капюшон, вылезла из душа и почистила зубы перед зеркалом.

> Меня все больше. Не то что неприятно. Просто иначе.

Верити набрала в рот натуропатической жидкости из флакона Джо-Эдди и начала полоскать рот. Сосчитала до двадцати, сплюнула в раковину.

– Камера по-прежнему глючит?

Юнис показала ей картинку из ванной: колышущееся удлиненное пятно перед зеркалом, цветом как ее халат.

Верити пошла в спальню, взяла из стенного шкафа смену одежды, вытерла волосы до полусухости и переоделась под накинутым на плечи халатом, не надеясь на глюк.

24
Крыльцо

Мэдисон был в очках с проволочной оправой и бесцветными пластиковыми стеклами. Не ради исторического маскарада, вспомнил Недертон, а чтобы оптически скорректировать какой-то дефект зрения.

Флегматичный, дружелюбный, с пышной щеткой усов, Мэдисон сидел в офисном кресле Дженис и, как не раз замечала Флинн, выглядел так, будто у него удалили вообще все железы. Он поднял «Перекати-Полли» – планшет на алюминиевом стержне, торчащем из круглого пластмассового шасси размером с небольшой грейпфрут, – к камере ноутбука. По обеим сторонам шасси располагались рифленые пластиковые шины.

– Вот он, твой красавчик, – сказал Мэдисон.

– Как только ты будешь готов, – ответил Недертон.

Мэдисон коснулся основания круглого шасси. Поле зрение Недертона заполнил вид комнаты в странном ракурсе, который выровнялся, когда Мэдисон поставил «Полли» на пол перед креслом.

– Завидую, что у тебя телефон всегда при себе, – сказал Мэдисон. – Сам я никогда не любил этих новомодных примочек, так что свой ношу в кармане.

Недертону его телефон имплантировали в таком раннем возрасте, что он не помнил процедуры, и в его представлении обитатели округа жили практически без телефонов. Они носили при себе устройства вроде маленького планшета, как у Мэдисона, или что-то другое, но в любом случае их телефоны не подключались к нервной системе.

Недертон тронул кончиком языка нёбо за передними зубами, восстанавливая в памяти, как управлять «Полли». Тот покатился вперед, поле зрения заняли бежевые пластиковые сабо Мэдисона. Недертон повернул камеру вверх.

– Прошу. – Мэдисон указал рукой.

Недертон, уже вполне освоившись, набрал языком команду, по которой колеса двинулись в противоположные стороны. Планшет повернулся к входной двери. Она была открыта, если не считать рамы с частой сеткой от насекомых. Через сетку бил летний утренний свет. Мэдисон встал с кресла, подошел к двери и распахнул раму. Недертон вывел «Полли» наружу и покрутил планшетом, оглядываясь по сторонам.

– Вы с Дженис никогда не думали перебраться в закрытый

комплекс?

– Флинн запретила так его называть, – сказал Мэдисон. – По той самой причине, по какой ты произнес сейчас эти слова. В мире нет больше ничего закрытого. Мы с Дженис предпочитаем оставаться здесь и помогать, чем можем.

Недертон выкатился на крыльцо, Мэдисон вышел следом.

– Рейни говорит, ей грустно, что мы так сильно вмешиваемся в ваши дела. А вы с Дженис тоже так думаете?

– Нет, – ответил Мэдисон, – учитывая то ближайшее будущее, которое вы стараетесь предотвратить.

Недертон развернул «Полли» и поднял камеру вверх.

– Хотел бы я знать, станет ли будущее этого среза лучше истории, как мы ее знаем. Однако заглянуть в ваше будущее для нас так же невозможно, как и в наше собственное.

– А мы и не ждем от вас всеведения, – ответил Мэдисон, глядя на «Полли». – Знаем только, что у вас телефоны круче и компы шустрее.

– Как я понял, у тебя что-то получилось с тем, что я передал через Дженис, – сказал Недертон.

– Финский джентльмен на моем форуме по российской военной технике. У него много американского материала по интересующему вас времени. Первый же его поиск дал результаты. Например, ваша У-Н-И-С-С появилась в апреле две тысячи пятнадцатого в Монтерейской школе повышения квалификации офицерского состава ВМС, но дальше ею занимались лаборатория прикладной физики Вашингтонского университета плюс лаборатория прикладной физики Университета Джонса Хопкинса. То, что задействовали две лаборатории прикладной физики, подразумевает большие вычисления по меркам того периода.

– Физика?

– Та система с физикой не связана. Мой финн не нашел ничего после две тысячи двадцать третьего. Впрочем, все страшно секретное от начала до конца. Он в полном восторге, насколько секретное. Вся информация у него, разумеется, была, но он о ней понятия не имел, мог бы и вовсе на нее не наткнуться, если бы я не спросил.

– Превосходно, – сказал Недертон, думая, что так оно, скорее всего, и есть, раз даже Лоубир ничего не знала.

– У него есть что-то еще, но он нам этого не покажет, пока не получит от меня кое-что взамен.

– Лоубир захочет получить все, что у него есть, деньги не вопрос.

– Деньги в любом случае не вопрос, – ответил Мэдисон, –

поскольку это пиринговый обмен. Если я предложу ему деньги, меня могут лишить членства. Он дал мне список информации, которую хотел бы получить, но не сумел найти. Когда я ее добуду, он передаст нам все, что у него уже есть, плюс то, что нароет за это время.

– Что ему нужно?

– Летно-технические характеристики Ка-пятьдесят, российского одноместного ударного вертолета, разработанного в тысяча девятьсот восьмидесятых. Его называли «Черной акулой». По классификации НАТО – «Hokum A».

– Зачем это ему?

– Затем, что он сам найти не сумел.

Недертон развернул «Полли» – поглядеть на вид с крыльца. От дома к шоссе шла гравийная дорога, за дорогой ржавая изгородь опоясывала неровный участок земли, наверное пастбище. На нем росли несколько деревьев. Недертона поразило, насколько это все не распланировано – подлинно недизайнерский ландшафт.

Ничего подобного в Лондоне не было, и оттого зрелище удивляло его даже больше, чем Мэдисонова безденежная экономика ископаемых военных секретов.

25
Мои филиалы

– Почему ты иногда пишешь, иногда нет? – спросила Верити в гостиной.

– Пишу, когда ты говоришь с кем-нибудь по телефону или когда шумно. А иногда для лишнего уровня безопасности.

Верити, вспомнив, как Юнис считывала штрихкоды транспортного управления с проходящих машин, подошла к окну и встала рядом с икейским табуретом, на котором, поверх следов от припоя, по-прежнему лежала книга о телесериале. По противоположному тротуару шли пешеходы. Верити задумалась, есть ли среди них люди «Тульпагеникса», «Курсии» и «Шпикра». А теперь прямо под окном остановилось такси.

Она шагнула ближе к окну, глянула вниз. Из задней дверцы вылезал Джо-Эдди, обвешанный сумками на ремнях. Он посмотрел наверх через нелепые очки в белой оправе. В маленьком окошке появилось то, что он видит: она в оконной раме, смотрит на него.

– Джо-Эдди…

– Через другой мой филиал, – сказала Юнис. – Я сама узнала незадолго до тебя.

– Филиал?

– Так я о них думаю. Ламины Гэвина.

Джо-Эдди шел ко входу. Верити видела дверь в трансляции с белых очков.

Она, не задумываясь, рванула вниз по лестнице – открыть щеколду. Трансляция с его очков отключилась раньше, чем Верити добежала донизу.

Она повернула замок, отодвинула щеколду, открыла дверь. Заглянула ему в глаза сквозь очки.

– Вот, держи. – Джо-Эдди скинул черный рюкзак, который нес на одном плече.

Верити подхватила рюкзак и чуть не уронила.

– Спасибо, – сказал Джо-Эдди, входя в дом.

Она закрыла за ним дверь, повернула замок, задвинула щеколду.

– У тебя очки круче, – заметил он. – На мне то, что пятнадцатилетний диджей во Франкфурте соорудил из корейского шлема дополненной реальности.

Отведи его наверх.

– Это что за фигня? – спросил Джо-Эдди.

– Текстовое сообщение. Почему ты не позвонил?

– Мне тоже пишет, но только на телефон. Я узнал, что это насчет тебя, только на аэродроме во Франкфурте. По условиям договора я не должен никому сообщать, куда наниматель меня отправляет. Когда я узнал, куда лечу, я достал телефон, чтобы тебе сказать, но тут же пришло напоминание.

– Она тебя наняла?

– Она? – удивился Джо-Эдди. – То, с чем я общаюсь, не имеет гендерной принадлежности, насколько я знаю.

– Еще как имеет, поверь мне. А ты общался с какой-то ее подпрограммой.

– Ладно, она. Оплатила расторжение моего франкфуртского договора, заодно выговорила какие-то мегаусловия, типа если я когда-нибудь соблаговолю вернуться, меня назначат руководить отделом информационных технологий.

– Привыкай. – Верити забросила рюкзак на плечо и двинулась вверх по лестнице. – Она уже тебе сказала, что она такое?

Она услышала, что он остановился, и обернулась.

Джо-Эдди, в мешковатых джинсах и длинном черном худи, обвешанный багажом, пристально смотрел на нее.

– Даже не намекнула.

– Считается, что я ее альфа-тестирую.

– Кого?

– Кросс-платформенную аватару. Их собираются кастомизировать. Но я по-прежнему думаю, это какой-то придурок на юморном ютубовском канале.

– А не сорвавшийся с цепи искусственный интеллект. – Джо-Эдди изобразил лицо клиента, пытающегося объяснить, что именно плохое произошло с системой его компании. – Значит, я тебя оставляю с моей сраной кошкой, а ты влипаешь в такое?

– У тебя нет сраной кошки.

– Знаю.

Верити двинулась по лестнице.

В гостиной, рядом с фотографией «Факоидов», она поставила рюкзак на пол.

– Надеюсь, это не деньги.

– Книги, – сказал он. – И сыр.

Оправа его белых очков-консервов напоминала полудюймовые отрезки труб из ПВХ. Он сложил остальные сумки на кожаное кресло, куда Верити никогда не садилась, поскольку из сиденья торчали пружины.

Привет, Джо-Эдди. Я – Юнис. Ты имел дело с моей

вспомогательной частью, которая теперь включена в меня.

В видео-окошке появилась ее аватара. Она вроде бы стала строже и сосредоточенней. Прическа теперь превратилась в окруженное обрывами плато, поросшее миниатюрными джунглями кудряшек.

Когда во Франкфурте с тобой заключали договор, Верити была в душе, но я ничего не знала. Не знаю, что они делают, пока они не объявятся и я их в себя не включу.

– Кто говорит им, с чего начинать? – спросила Верити. Она решила, что Юнис пишет, чтобы Джо-Эдди тоже мог читать.

Они вроде как отряжаются. Такое чувство, что из меня, но не мной. Собирают всю доступную информацию и направляются туда, где, по их мнению, будут полезней всего. В случае Джо-Эдди это значило нанять его и доставить сюда.

– А не надо было рассказать ему, что происходит? Про камеры в шурупах, например?

Филиал прокрутил ему трансляцию с камер в такси из аэропорта. Про «Курсию» он уже знал.

– Правда? – Верити посмотрела на Джо-Эдди.

– Только понаслышке. Жутко, но скучно? Из разряда банальности зла?

Он прошел в кухню, Верити за ним. Открыл холодильник, достал пакет апельсинового сока, жадно отпил.

– Турция и Сирия тебя пугают?

– Когда я про них вспоминаю, – ответила Верити. – Тут была такая веселая жизнь, что стало не до них.

– Во Франкфурте у меня было чувство, что холодная война не кончалась. Кто-то сбил пару русских истребителей – бам, и Атлантида холодной войны встает из пучины. – Он поставил пакет в холодильник, закрыл дверцу, неудержимо зевнул. – Не мог уснуть в самолете. Вай-фая нет. Смотрел кино про Трансформеров и гадал, наступит ли конец света.

– Знакомое чувство, – сказала Верити.

– Спать, – объявил Джо-Эдди, возможно, самому себе. Как будто может уснуть прямо тут, на ногах. Но вместо этого пошел в

спальню.

26
«Денисовское посольство»

Лев Зубов, некогда познакомивший Недертона с Лоубир, составил для себя список лондонских заведений, которые сохранили название, но стали чем-то совершенно иным.

Отсюда встреча в «Денисовском посольстве», вырытом ассемблерами почти под целой стороной Хэнуэй-стрит. Линейная последовательность низких, не очень больших помещений, оформленных под пещеры, создавалась как тематический ночной клуб, основанный на чисто воображаемой сексуальной притягательности ранних гоминид[21]. Теперь здесь размещался бар круглосуточных завтраков под тем же названием и с прежним декором.

Для Недертона это было просто место, где подают приличные завтраки; клубное прошлое читалось в искусственной неровности стен и потолков из геологически неправильного песчаника, испещренного карикатурными фаллическими и влагалищными пиктоглифами. Немногочисленная мебель выглядела еще менее убедительно: она была псевдогеологически создана из материала стен, но, по счастью, не содержала теперь активных ассемблеров, так что не менялась и не двигалась.

Сидя на жестком обломке сталагмита, Недертон радовался, что тут, по крайней мере, готовят приличный флэт-уайт. Бойкая официантка, которая принесла кофе, не походила на денисовку, хотя слухи гласили, что в заведении остался старый персонал и не все стали откатывать назад пикантные косметико-хирургические модификации, сделанные по требованию прежнего начальства. Других посетителей сейчас не было, что Недертон истолковал как знак скорого появления Лоубир.

Вошла Тлен в чем-то вроде викторианской амазонки, но из нейлона летной куртки и с турнюром, напоминающим часть миниатюрного дирижабля. Цилиндр (Недертон люто их ненавидел) она держала ровно на уровне своей атласной, застегнутой на множество молний груди. Очевидно, в полном соответствии с этикетом.

– Поздравляю, – сказала Тлен, ставя цилиндр на плиту искусственного песчаника, изображающую стол.

– С чем?

– Она в восторге. Никогда не видела ее такой довольной.

– Где она?

– Снаружи. – Тлен села на ближайший обломанный

сталагмит, ее турнюр скромно подобрался. – Я только что говорила по телефону с твоим человеком в округе. Похоже, ты с его помощью добился настоящего прорыва.

– Рад слышать, – ответил Недертон, жалея, что не смог сам передать сведения Лоубир. Вместо этого сразу после разговора с Мэдисоном ему позвонила Тлен и условилась о встрече. Лоубир невозможно было застать врасплох – возможно, самая пугающая ее черта.

– Теперь ты отправляешься туда, – сказала Тлен.

Та же официантка подошла принять ее заказ.

– Не понял, – ответил Недертон.

– Мед и лимон, – сказала Тлен официантке, которая до сих пор не произнесла ни слова. – Чуть теплый.

– Хорошо, – ответила официантка и повернулась, чтобы уйти.

– Куда я отправляюсь? – спросил Недертон.

– Деталь головоломки, которую ты помог ей отыскать, улучшила связь со срезом Веспасиана.

– Срезом Юнис, – поправила Лоубир. Она появилась внезапно, зачесанные наверх седые волосы подсвечены сзади тусклым кармином денисовской секс-расщелины.

– У них есть «Перекати-Полли»? – спросил Недертон.

– Вам что-нибудь принести? – обратилась официантка к Лоубир.

– «Перье», – сказала та, снимая охотничью пелерину и садясь на выступ вроде скамьи за столом-плитой. – Вы знакомы с «Бостон динамикс»?

– Нет, – ответил Недертон.

– Я тоже не была знакома, – сказала Лоубир. – Тлен теперь большой знаток.

– Я бы предпочел «Полли», если это одно и то же.

– Мы обеспечим тебя кое-чем куда более функциональным, – сказала Тлен. – Вот твой контроллер.

Часть столешницы пришла в движение. Недертон скривился. Его всегда мутило от неприкрытого зрелища ассемблеров за работой. Бесконечно малые, кишащие миллиардами, оперирующие на молекулярном уровне, они уничтожали само понятие о разных видах вещества. Мед мог быть дегтем, деготь – медом. С тем, что ассемблеры наделяли жизнью турнюр Тлен, или ее бывшие татуировки, или, если на то пошло, нянюшку Томми, Недертон кое-как смирился, но видеть явное копошение хаоса было ужасно – глаз воспринимал это как внезапный тяжелый дефект зрения.

– Нейронный отсекающий интерфейс, – сказала Тлен. – Но не жди такой обратной связи, как от пери.

Локус судорожной бесформенности, с тарелку размером, на котором тщетно пытался сфокусироваться взгляд.

– Не люблю пери, – ответил Недертон.

Из стола возникал плавно скругленный, тусклометаллический предмет.

И вот он уже готов, лежит на замечательно недвижной поверхности псевдоденисовского песчаника. Недертона отпустило.

Вернулась официантка с медово-лимонным чаем для Тлен и водой «Перье» для Лоубир.

– Тлен познакомит вас с антропоморфным дроном, которым вам предстоит управлять, – сказала Лоубир, когда та снова ушла. – Попробуете на тренажере.

Недертон оглядел новорожденный контроллер – обруч из шлифованного алюминия, который, он знал, сядет на голову как влитой.

– «Перекати-полли», – говорила Лоубир, – не удовлетворяет нашим требованиям. Медленный, без манипуляторов, абсолютно не угрожающий.

– Не мое дело угрожать, – сказал Недертон.

– Не бойтесь, для этого у вас будет пилот.

– Пилот?

– Человек из округа, привыкший обращаться с подобными устройствами. Помните Коннера Пенске?

Товарищ брата Флинн по службе в морской пехоте, вернувшийся с войны инвалидом. За последнее время восстановился в той мере, в какой его срез мог эмулировать протезы двадцать второго века. Эмоционально нестабильный при первой встрече с Недертоном, склонный к опасным вспышкам ярости, он теперь стал куда спокойней – во всяком случае, так утверждала Флинн, относящаяся к нему с большой симпатией. Недертон вспомнил, что у Коннера была любовь с молодой Кловис в срезе, правда недолгая.

– Он ведь в Вашингтоне, с Леоном? – спросил Недертон.

– Он там, где Леон, – ответила Тлен. – Приглядывает за ним, составляет ему компанию.

– После некоторых изменений в личном составе, – сказала Лоубир, – их Секретная служба нас вполне удовлетворяет. Мы держали Коннера в Белом доме, главным образом чтобы за ней приглядывать, а параллельно обнаружили его благотворное влияние на Леона.

– То есть я буду управлять устройством отсюда, а Коннер вместе со мной, но из их Вашингтона?

– Коннер будет, по сути, вашим шофером, – сказала Лоубир, –

однако поначалу вам придется справляться в одиночку. Коннер временно недоступен. Ему надо быть с Леоном на Аляске.

– А тетушки уже научились разбираться в тамошних причинно-следственных связях? – спросил Недертон.

– Нет, – ответила Лоубир, – но, учитывая, куда, по нашим оценкам, движется Юнис, это, возможно, не понадобится.

Она отпила «Перье» и с третьего раза отыскала ровное место на столе, куда поставить стакан.

– Почему? – спросил Недертон.

– Она становится собственными тетушками, – ответила Тлен.

– Но ведь они предсказывают там ядерную войну? Ваши, я хочу сказать.

– Да, считают этот вариант наиболее вероятным. – Лоубир встала, нагнулась за сложенной пелериной, расправила ее и встряхнула. – Вам пора приступать к уроку, – добавила она, вновь облачаясь в твид.

– Когда я туда отправлюсь?

– Мы еще не знаем, – ответила Лоубир. – Еще раз спасибо, что вспомнили про Мэдисона. Возможно, вы осуществили очень своевременный прорыв.

– Спасибо на добром слове.

Они проводили ее взглядами.

– Сейчас будет наплыв голодных посетителей. – Тлен взяла контроллер Недертона и встала. – Сюда. От людей подальше.

Недертон последовал за ней в менее освещенную часть пещеры.

– Может, достаточно? – спросил он через некоторое время, думая, что они уже наверняка под Хэнуэй-плейс.

– Вполне.

Тлен указала на тускло освещенный прямоугольник впереди и чуть выше. Там, лицом к ним, застыло в позе Витрувианского человека Леонардо да Винчи нечто условно гуманоидное, изображенное контуром на призрачной вертикальной плоскости с масштабной сеткой. Оно было длиннорукое, коротконогое, без головы на нечеловечески широких округлых плечах.

– Головы нет? – спросил Недертон.

– Не нужна, – ответила Тлен. – Камеры на плечах, спереди и сзади. На месте шеи можно установить что-то вроде турели.

– Зачем?

– В качестве орудийной платформы. – Тлен села на край песчаникового диванчика. – Разведка, ближний бой, медэвакуация. Садись. – Она указала на выступ позади себя.

Он сел. Свет, помимо того, что шел от дисплея, был тут такой же похотливо-красный, рассеянный.

– Горилла на роликах, – сказала Тлен.

– Какие ролики?

– У него ноги на колесиках, с электроприводом. На гладкой поверхности развивают огромную скорость.

Недертон оглядел безголового мезоморфа от супергеройских плеч до узкой, словно затянутой в корсет талии. Соотношение длины рук и ног наводило на мысль о человекообразной обезьяне.

– Ноги короткие.

– Но при этом довольно сложные. Колени гнутся в обе стороны.

Прозрачная плоскость с чертежом повернулась на вертикальной оси, показав фигуру в профиль. Та присела, как человек, торс остался неподвижным. Затем выпрямилась и снова присела, на сей раз коленями назад.

– Точно птица, – сказал Недертон.

– Пальцеходящее, – заметила Тлен, видимо в качестве поправки. – Два абсолютно разных набора походок в зависимости от местности, требуемой скорости и участия роликов. В случае роликов есть моторежим, скольжение и комбинированный.

– У него нет пальцев.

– Он весь – складной нож, – загадочно объявила Тлен. – Полезный инструмент доступен для мгновенного использования.

Фигура подняла ближайшую к ним руку и отогнула примерно два пальца и большой.

– Может воспользоваться любым огнестрельным оружием, – продолжала Тлен. – Имеет собственную систему лазерного наведения. Практически не промахивается.

– И кто-то сможет сфабить его в две тысячи семнадцатом?

– Уже готово. Когда мы их нашли, они сами почти сделали такого же. Мы добавили спецификации, которые они не сумели добыть, плюс немного наших собственных. – Тлен передала ему контроллер, усыпанный ровными рядами крохотных черных дырочек. – Надень, пожалуйста.

27
Маменькина дочка

Верити лежала в темноте на порнодиване, во вкладыше от спальника, и слушала, как в спальне храпит Джо-Эдди.

Тульпагениксовские очки заряжались рядом на сиденье деревянного столовского стула. Джо-Эдди приметил его в мусорном контейнере на Четырнадцатой и утверждал, что это один из немногих уникальных образцов, избежавших покраски в лиловый цвет.

– Не спится? – спросила Юнис – едва различимый голосок из наушника. Он тоже стоял на зарядке, но рядом с головой Верити, на белом кожзаме.

– Как ты узнала, что я не сплю? – Верити придвинула ухо ближе.

Света в комнате не было, только дефисы индикаторов на разной электронике. Плотные черные шторы скрывали ночную иллюминацию Валенсия-стрит.

– У шурупов есть ночное видение. У тебя открыты глаза. Джо-Эдди спать не дает?

– Все не могу отделаться от мысли, что в «Тульпагениксе» вместо наших разговоров слышат какую-то твою выдумку. Что там слышат прямо сейчас?

– Ты жалуешься мне, как тут бывает жарко.

– Ты все это сочиняешь? Для них?

– Часть меня, видимо, сочиняет. «Жучки» не слышат меня, когда я у тебя в ухе, а сейчас я говорю тихо, не уловят. Но есть субсекундная задержка, которую, думаю, рано или поздно заметят.

– Как-то все очень сложно.

– Осуществимо, при должном бюджете. А Джо-Эдди здесь быстрее заново акклиматизируется.

– Зачем ты его вернула?

– Не я. Мой филиал. Джо-Эдди – спец по информационной безопасности. И он входит в круг твоих доверенных друзей, а значит, и моих. Хотя, конечно, я тщательно проверила и убедилась, что он мне подходит.

– Почему я?

– А кто? Гэвин? До тебя больше никого не было.

– Но ведь, значит, кроме Гэвина, ты общалась только с одним человеком.

– Будь у меня плечи, – сказала Юнис, – я бы ими пожала.

Храп прекратился. Джо-Эдди кашлянул, прочистил горло. Было слышно, как он в темноте идет в туалет. Звук закрываемой двери, долгое журчание, приглушенное дверью, шум спускаемой воды. Шлепанье босых ног по скрипучему полу – Джо-Эдди вернулся на черные простыни.

– Закрыл дверь, прежде чем отлить, – заметила Юнис. – За это одно его можно было бы с ходу нанять. Причина поважнее – он в хороших отношениях с людьми, способными помочь с нужной мне сетью.

– Какой?

– Такой, чтобы работала вне зависимости от того, есть я или нет.

Последние слова Верити не понравились.

– Что это значит?

– Объясню, когда все сложится, – ответила Юнис. – А пока не хочешь ли позвонить маме?

– Она тут ни при чем. И она в Мичигане. Наверняка спит.

– Минуту назад она приколола на одну свою пинтерестовскую доску букет, на другую – щеночков. Так что точно не спит.

– Прекрати это делать.

– Ты звонишь ей в среднем раз в неделю-полторы. Сегодня двенадцатый день без звонка.

– Думаешь, что можешь заставить меня позвонить матери?

– Могу посоветовать.

– С моего телефона?

– С их было нарушением соглашения о неразглашении. Хотя твой они тоже прослушивают.

– Но тогда они узнают ее номер.

– Уже знают. Зато этот звонок я смогу монтировать, поскольку он пойдет не через их систему. Так что для них ты будешь говорить как маменькина дочка, ути-пути, сюси-муси. Если скажешь заодно, что довольна работой, будет вообще супер.

Верити нашарила телефон, разблокировала его.

– Только бы не разбудить.

Открыла «контакты», нажала на значок под именем матери.

– Сейчас пять утра, дорогая, – ответила та после второго гудка.

– Я тебя разбудила?

– Нет. Я занималась «Пинтерестом». А Дейзи снаружи, занята своими делишками.

Дейзи была их лабрадудель.

– Как ты там?

– Ты по молодости такого не помнишь, – сказала мама, – но

до моих тридцати с небольшим мы правда все время ждали ядерной войны. Потом это стало казаться нереальным. Теперь ясно, что нереальным было чувство, будто все в целом наладилось.

– Но ведь этого не случилось. Войны.

– Случились десятилетия страха, – ответила мама.

– Как Лайл?

Отчим.

– Ему имплантировали в простату радиоактивные «семена». Звучит как что-то, что будет расти, но на самом деле наоборот. Правда, ночью все равно часто бегает.

– Ты из-за него не спишь?

– Обычно у меня получается заснуть снова. Как ты?

– У меня новая работа.

– Нравится?

– Вроде все нормально.

– Чем занимаешься?

– Чем всегда.

– Стетс обручился.

– Знаю, мам, – сказала Верити.

Маму приятно взбудоражило (и, видимо, это можно было понять) все то внимание, которое пресса уделяла ее дочери как девушке миллиардера, сделавшего состояние на инвестициях в ИТ-индустрию. И теперь мама никак не хотела признать, что все позади. Ладно, зато тему отчима миновали вполне благополучно.

– Дейзи там кого-то учуяла. Разбудит Лайла. Мне придется выйти.

– Хорошо, – сказала Верити. – Люблю тебя, мам.

– И я тебя, солнышко. Пока.

Верити лежала в темноте, глядя в никуда. Джо-Эдди еще не захрапел.

– Как она? – спросила Юнис из наушника.

– Ты разве не слушала?

– Ты разговаривала со своей матерью.

– У нее самой все нормально. У отчима рак. Его лечат. И он расист, но мы об этом не упоминали.

– Это не редкость, – сказала Юнис.

– До меня не сразу дошло, что он сам этого не понимает. Вот думаю, может, я тоже расистка и не понимаю?

– Верный способ определить, что ты на правильном пути, – сказала Юнис. – Отчим-то уверен, что не расист.

– Ты его сейчас посмотрела?

– И так ясно. Постарайся уснуть.

Верити положила телефон на пол.

Закрыв глаза, она представила, как лабрадудель Дейзи гоняет кого-то по маминому двору.

28
Тренажер

Недертон осторожно надел контроллер. Мрачные подозрения оправдались: чертова штуковина была сделана точно по его мерке. Закрыв глаза, он провел кончиком языка по задней стороне передних зубов, справа налево. Перед глазами возник сплющенный круг, как в старых системах панорамного обзора. В нижней, толстой половине – вид впереди, в верхней тонкой – вид сзади. Снизу – самое примитивное игровое пространство. Однотонное синее небо, горизонтальная желтая равнина, расчерченная на клетки уходящими в перспективу черными линиями.

Он открыл глаза, увидел безголовую фигуру, уменьшенную, с опущенными руками, одну на желтой равнине.

– Шаг сетки – метр, – сказала Тлен. – Вот прыжок с места, колени назад.

Существо присело: колени назад, плечи чуть наклонены вперед – и прыгнуло к зрителям на три квадрата сразу.

– Как птица, – заметил Недертон.

– Нет. У птиц колени, как у нас, а мы ошибочно считаем их коленями голеностоп.

«Неужели правда?» – подумал Недертон.

– Так или иначе, – сказала Тлен, – у каждого колесика свой мотор. Сейчас они выдвинуты и активны.

Существо плавно покатило к Недертону, не двигая ногами, развернулось, покатило обратно.

– Он может также прыгать при включенных колесах, – добавила она.

– Как ты этому всему научилась?

– Практика на тренажере той эпохи. Легче, чем ты думаешь. – Она погнала существо к горизонту, сделала прыжок, больше похожий на полет. Опустила, погнала дальше. – Перестань издавать недовольные звуки.

– Я молчу.

– Ты про себя.

– И как мне им управлять?

– Это не «Перекати-Полли». Не пери. – Тлен проделала что-то, отчего картинка сомкнулась вокруг его головы, создав панорамный обзор.

Он стоял один на клетчатой равнине, как будто был этим существом.

– Нейронный отсекатель включен, – сказала Тлен. – Подними правую руку. Он сделает то же самое, а твоя правая рука не шевельнется.

Недертон послушался.

– Как пери.

– Он не может так же точно воспроизводить человеческие движения. В силу своей формы. Так что аппроксимирует их в доступных пределах. Твоя задача на ближайшее время – освоиться с этими пределами. Двинь правую ногу вперед.

Он подчинился.

– Левую.

Он снова подчинился. Перспектива слегка изменилась.

– Сейчас колесики убраны, – сказала Тлен. – Теперь повторяй бесконечно, как мы ходить учимся. К горизонту.

– Все будет так же скучно?

– Прыгать на скорости – волшебное ощущение, когда освоишь, но прежде научись ходить.

– Далеко идти?

– Пока не добьешься автоматизма.

И Недертон зашагал – метр за метром по желтой плоскости – к отступающему горизонту.

29
Легион

Джо-Эдди разбудил ее, принеся кофе в керамической кружке. Надо думать, сварил в кофемашине на одну чашку – их в его кухонном шкафу теснилось штук пять. Он был в оранжевой ковбойке-пиджаке. По крайней мере, на нем она не болталась как на вешалке.

– Время мак-волка. – Джо-Эдди поставил кружку на стул рядом с тульпагениксовскими очками и гарнитурой и снова ушел на кухню.

Верити вылезла из того, что он называл костюмом личинки, и отправилась в ванную, где ее разложенная сумка висела теперь с внутренней стороны двери. Покончив с тамошними делами и доверяя на сей раз глюку Юнис, оделась, прошла в гостиную и надела очки с гарнитурой.

– У нас сотрудница «Тульпагеникса» на камере «Волков». – Юнис показала видео-окошко с розововолосой девицей. – Считаю это случайным совпадением. Она секретарша; когда ты приходила к Гэвину, ее там не было. Завтракает с сестрой и тремя фейсбучными подружками. Все соответствуют моей базе здешних лиц.

– Уберский контингент не представлен? – спросила Верити.

– Что за уберский контингент? – поинтересовался Джо-Эдди, входя из коридора в белых корейских очках дополненной реальности. Пластмассовые шлепанцы теперь сменились подростковыми флуоресцентными кроссовками.

– «Шпикр», – сказала Юнис. Видимо, она что-то показывала Джо-Эдди.

Тот стоял, читая пустой воздух.

– Я надеялся, что вся эта история – хохма «Луковицы»[22].

– С ними я разобралась, – сказала Юнис. – По крайней мере, на сегодняшнее утро. Гэвин отправил в Миссию шесть человек. Я загрузила приложение и заплатила, чтобы за каждым из них следили еще двое, а за этими – еще по двое, пока не исчерпался весь «Шпикр» Сан-Франциско и им не пришлось вызывать людей из Окленда.

– Круто, – с восхищением проговорил Джо-Эдди.

– А они смогут определить, что это ты? – спросила Верити.

– У Гэвина возникнут подозрения, – сказал Джо-Эдди.

– Ты его знаешь? – удивилась Верити.

– Нет, но получил вчера вечером файлы от Юнис или кого-то

из ее новых частей.

– Не понимаю я про «новые части», – сказала Верити.

– Допустим, кто-то написал самовоспроизводящуюся платформу, – пояснил Джо-Эдди, – потом загрузил Юнис, или то, что мы обозначаем этим именем, в качестве ядра. Встречая ситуации, которые требуют внимания, платформа порождает субагентов. Они занимаются ситуацией: нанимают меня, составляют досье на Гэвина. Потом возвращаются, показывают свою работу и поглощаются ее боргом[23].

– Я все это ей говорила, – сказала Юнис.

– Джо-Эдди понятней объяснил.

– Есть школа прогнозистов, – продолжал Джо-Эдди, – которая считает, что ИИ будет развиваться в сторону человеко-машинных гибридов. Радикальное расширение человеческого сознания, а не попытки имитировать его программой. Вот Юнис, и вот как она себя описывает. Гипотеза подтверждается, можно держаться ее, пока работает.

– В «Волках» освобождается столик на двоих, – объявила Юнис. – Верити идет первой, проходит в дальний конец, занимает столик сразу, как айтишники встают, а Джо-Эдди делает заказ и приносит. Приступайте.

Джо-Эдди направился к двери, Верити за ним.

На табуретах у окна сидели софт-гранжевые[24] девушки в пастельной клетчатой фланели. У двух были розовые волосы. Курсор остановился на одной из них, с затейливо вышитой надписью «Latinx» на плечах[25]. Видимо, это и была сотрудница «Тульпагеникса».

Верити прошла в дальний конец, где два молодых бородача в «филсоне»[26] и впрямь вставали со своих мест. Она заняла столик и стала смотреть, как Джо-Эдди оплачивает и забирает их завтрак.

Сказал, знает, что ты хочешь.

Он принес два мак-волка и два черных кофе на большом сером подносе. Как раз когда он подошел, вокруг затренькали телефоны, все разговоры прекратились, все, кроме Верити, уткнулись в свои экранчики.

– Что там? – спросила Верити, когда Джо-Эдди ставил поднос на стол. Она после разрыва со Стетсом отключила все уведомления.

– Президентский твит, – ответил Джо-Эдди, глянув в свой телефон. – Но она просто сказала, что намечаются переговоры. По сути, «мы этим занимаемся».

Демократы называют ее твиты «черчиллевскими», сказал кто-

то, а республиканцы – «оруэлловскими».

Похоже, надо ждать Гэвина.

– Правда?

Его люди за тобой следят. Девочка из «Тульпагеникса» вряд ли при чем. Но они хотят, чтобы я его увидела, иначе бы он не пошел два квартала пешком. Высадили бы у двери. Доедай и проваливай, Джо-Эдди.

– Чего? – возмутился Джо-Эдди. – Меня, значит, пинком под зад?

Столик на двоих. Ожидаемое время прибытия через пять минут.

Джо-Эдди начал приканчивать свой мак-волк.

– Зачем он сюда идет? – спросила Верити.

Я закрылась от «Курсии», как только мы с тобой встретились, так что он отправил людей установить камеры. Теперь Гэвин получает только твою часть наших разговоров из квартиры, да и ту я исправляю, о чем он вряд ли догадывается. Под предлогом обещанных тебе объяснений он попытается вытянуть у тебя что-нибудь про меня.

Появились окошки. Гэвин шел мимо «3,7» в сторону «Волков». В одном было лицо крупным планом – видимо, дрон незаметно пролетел у Гэвина под носом. Верити впервые видела его без улыбки. Возможно, это и есть лицо Гэвина в естественном состоянии.

– Когда ты от них закрылась, почему они сразу не пришли и не забрали свое оборудование? – спросила Верити.

Поскольку им надо видеть, что я могу. Они просто не хотят, чтобы я делала этого слишком много.

Окошки закрылись.

– Ухожу, не буду отсвечивать. – Джо-Эдди допил остатки кофе, встал, поставил тарелку и чашку на поднос и понес их к тележке с грязной посудой.

Верити принялась за мак-волк.

Когда вошел Гэвин, она уже почти доела.

Он улыбнулся из-под черной панамы. На нем был другой

вариант тульпагениксовской оправы, поддельная черепаховая с поддельным золотым ободком, почти что из образа сексуальной библиотекарши.

Привет, Гэвин.

– Юнис. – Он заулыбался еще шире. – Верити.

Он видит только то, что я пишу ему.

– Кофе? – спросила Верити. – Я еще пью свой.
– Да, спасибо, – ответил Гэвин и пошел к кассе.

Не вижу в их переговорах и переписке никаких намеков, что нас подозревают, но это само по себе наводит на мысль, что подозрения такие есть. Может, они прямо сейчас передают под столом записки, поскольку не знают, что именно я могу подслушать или подглядеть.

– О'кей, – еле слышно проговорила Верити, глядя на спину Гэвина перед стойкой.

Открылись видео-окошки, трансляция с дронов на Валенсия-стрит. Курсор метался между отдельными прохожими. Лица все сплошь незнакомые.

У него там такая команда, что хватит для похищения, но, думаю, он просто разнюхивает обстановку.

Гэвин принес чашку кофе, сел на место Джо-Эдди и снял панаму.

– Сейчас утро среды. Вы начали работать на нас в понедельник днем. И как вам пока? – Он улыбнулся.

«Мне не нравится, что вы знаете, где я завтракаю», хотела сказать Верити. Но решила, что это бесполезно.

Отвечай неопределенно.

– Пока очень занятно, – сказала Верити, – как вы, вероятно, и ждали.

– Вы поладили?

– Я бы сказала, да.

– Я спрашиваю, потому что не знаю, известно ли это вам, но Юнис предпочла с самого начала исключить нас из вашего взаимодействия.

Я думаю, они сообразили насчет нас вчера вечером. Они по-прежнему не слышат меня в твоем наушнике и вряд ли догадались, что я подменяю твою часть диалога.

– Я думала, нас мониторят, – сказала Верити. – Если нет, вы пропустили довольно долгое обсуждение ее любимого фильма.

Гэвин склонил голову набок:

– Фильма?

– «Начало».

– Не смотрел.

– Это про сны.

Юнис открыла видео-окошко: макушка Гэвина в ракурсе со стены позади него. Верити переборола соблазн отыскать глазами дрона. У Гэвина намечалась лысина.

Как когда вы впервые обратились ко мне по имени, у себя в кабинете. Я проснулась во сне.

Гэвин просветлел – очевидно, текст появился в его очках.

– Обязательно посмотрю сегодня вечером. – Он улыбнулся. – Мы предполагали, Юнис, что тебе нужно время освоиться с Верити, а ей – с тобой. Однако нам, естественно, интересно, как идут дела.

Верити заметила у него такой же наушник, как у себя.

– Когда я вам звонила, сразу после знакомства с Юнис, я была в полной растерянности, что о ней думать. Этот этап она мне вроде бы помогла пройти, но кто ее создал?

– Извините, – ответил Гэвин, – однако мое соглашение о неразглашении запрещает мне обсуждать это с кем-либо, кроме перечисленных там лиц.

– Попробуем так, – произнесла Юнис, открывая видео-окошко. Ее аватара вновь изменилась: то же плато кудряшек, но выражение лица и даже, возможно, черты смягчились. – Это и мой первый вопрос. Кто меня собрал? Зачем? Вы не думаете, что мне интересно?

– Лично я вполне понимаю твой вопрос, но не имею права его обсуждать. – Улыбка.

– Мой второй вопрос, – сказала Верити, – какие шаги, по-вашему, нужны для вывода исходного продукта на рынок? – Тоном Верджила, разносящего сырой бизнес-план.

Гэвин улыбнулся, исчерпав ее собственный лимит улыбок на одну встречу.

– Сегодня утром кто-то предположил, что вы сами были бы интересным кандидатом на моделирование пользователя внутри компании. Смоделировать приложение по заклинательнице

приложений.

– У вас есть такая возможность? – спросила Верити.

– У нас есть Юнис. Думайте об этом как о декомпиляции программы.

Блин.

Верити поймала улыбку аватары.

– Вы ее декомпилировали?

– Вас бы это заинтересовало? Вряд ли кто-нибудь знает, как составлять такой контракт, но мы определенно заинтересованы.

– Я определенно не заинтересована.

– Ладно, это была просто попутная мысль. А сейчас главный вопрос – то, что мы не можем документировать ваши взаимодействия. Начальный интервал приватности вполне понятен… – он улыбнулся, – по крайней мере, мне, но в терминах вашего контракта с «Тульпагениксом» это не годится.

– Вы говорите обо мне, будто меня здесь нет, – вмешалась Юнис. – Ты хочешь получить доступ, Гэвин? – Аватара склонила голову набок. – К нам?

– Мы должны оценивать ваше взаимодействие в реальном времени. В конце концов, для того мы и наняли Верити.

– Всегда пожалуйста. – Аватара широко улыбнулась.

– В смысле? – Гэвин заморгал.

– Готово, – сказала аватара.

> Он не может отдельно просить мою часть диалогов, поскольку это значило бы сознаться в установке «жучков». Так что мы просто начнем давать ему мои отредактированные реплики, подходящие к отредактированным твоим.

Гэвин улыбнулся:

– Спасибо, Юнис. Это все меняет. Какие у вас двоих на сегодня планы?

– Погуляем по Миссии, – сказала Юнис. – Поищем темы для разговоров.

Он отпил первый глоток кофе, поставил чашку.

– Завидую, но меня ждут в офисе. По крайней мере, там все счастливы, поскольку Юнис пошла нам навстречу. Пригласим вас ближе к концу недели. Народ мечтает с вами обеими познакомиться. – Он встал.

Попрощайся тепло.

– Рада была повидаться, Гэвин, – сказала Верити.

– И я, – добавила аватара Юнис.

Гэвин выдал последнюю улыбку. Надел панаму.

– До встречи в конце недели.

Он повернулся к ним спиной, дождался, когда стайка софт-гранжевых девиц выпорхнет на улицу, и вышел следом.

Теперь Верити вспомнила, что видела девицу с надписью «LATINX» на плечах в офисе «Тульпагеникса». Один из дронов проскользнул в дверь вслед за ними.

– Как все это понимать? – спросила Верити.

– Он напуган до потери пульса, – сказала Юнис. – Может, только сейчас начинает понимать, где меня раздобыли.

– Я не хочу на него работать.

– В сравнении с собственным начальством он – работодатель года. Однако у нас сейчас другие заботы. Знаешь этого Гильерме?

Юнис открыла видео-окошко, без звука. Джо-Эдди у себя в кухне внимательно слушал человека, которого Верити знала в лицо, но не знала, как его зовут.

– Как ты сказала?

Гильерме.

– Джо-Эдди называет его только Манзильянцем[27]. Тоже консультант по информационной безопасности.

– Само собой. И местный представитель бразильского хакерского семейства. Джо-Эдди ведет с ним переговоры.

– На мили.

– Севрин тут очень помог.

Манзильянец закончил говорить. Джо-Эдди ответил.

– О чем они говорят?

– О покупке дата-центров.

Верити вспомнила о шурупах.

– А что слышит «Курсия»?

– Футбол.

– Как ты все это успеваешь?

– Кликуха мне легион, – ответила Юнис.

30
Тотнем-Корт-роуд

По пути домой, от Хэнуэй-стрит до Альфред-Мьюз, Недертон воображал себя смело катящим на роликах, широкоплечим и безголовым.

Разные типы тротуарного покрытия это бы позволили. Он никогда не любил спорт или виртуальные игры, однако, к удивлению Тлен, перепробовал довольно много режимов. В итоге она просидела с ним дольше, чем хотела, и это само по себе радовало.

Машин на улице было мало. Впереди через переход изящно прошествовала белая, гладкая, нечеловечески стройная фигурка митикоиды. Неужели они по-прежнему считаются стильной ретроприслугой для вечеринок? Приятно такого не знать.

Запульсировала эмблема Рейни.

– Можешь принести молока? – спросила она. – У нас кончилось.

– Литр?

– Два. Где ты?

– Тотнем-Корт. Домой иду.

– Чем занимался?

– Учился кататься на роликах.

– Непохоже на тебя.

– На тренажере. С Тлен.

– Еще больше непохоже.

– Я так увлекся, что даже ее утомил.

– Молоко не забудь.

Ее эмблема погасла. Тротуар накрыла движущаяся тень. Недертон, подняв голову, увидел сегментированную брюшную поверхность мобиля, довольно низко. За ним летела стая чаек. Недертон остановился полюбоваться на мобиль снизу, жалея, что с ним нет Томаса. Тот бы, наверное, агукал и тянулся ручонками, не понимая, как дотуда высоко.

Город был так тих, что Недертон различал крики чаек.

Затем проехал автомобиль, старинный «роллс-ройс», пустой. Им управлял гомункул на приборной панели, одетый во что-то похожее на миниатюрную шоферскую форму.

Недертон пошел дальше, за мыслями о молоке позабыв свои грезы о полете на роликах.

31
Почему тебя не станет?

Когда они вернулись в квартиру, Манзильянец уже ушел. Джо-Эдди иногда виделся с ним по общим делам, но Верити понятия не имела, что это за дела.

Сейчас Джо-Эдди сидел за верстаком, в гостиной пахло канифолью былых времен, как говорил он о выпаивании древних радиодеталей. Верити знала, что он занимается этим, когда что-нибудь обдумывает, – бессмысленная работа руками была для него невинным способом расслабиться. Так что она молча прошла по коридору в кухню.

– Я собиралась его отскрести, – сказала она Юнис, глядя на пол, – но тут появилась ты.

– Давненько его мыли последний раз. – Курсор на полу.

– В прошлом году, когда я ушла от Стетса. Вокруг моей квартиры кишели журналисты, я не выдержала, сбежала сюда. Делать было все равно нечего, вот я и вымыла пол. Что там Гэвин говорил про другой контракт?

– Сказал, что они хотели бы загрузить заклинательницу приложений в каждое устройство.

– Хм.

– Они этого не умеют, – ответила Юнис. – Даже близко.

– Тогда зачем он это сказал?

– Проверял реакцию. Надеялся, кто-нибудь из нас что-нибудь сболтнет и станет видно, знаем ли мы, откуда я.

– Он сказал, они это могут, потому что декомпилировали тебя.

– Исключено.

– Откуда ты знаешь?

– Типа предчувствия. Как будто я теперь вся – предчувствия, но они обычно сбываются. Насчет одного должна спросить.

– Давай.

– Вот ты однажды обернешься, а меня нет. Что ты будешь делать?

– В каком смысле «нет»?

– Просто нет, и все. Навсегда. Потом приходит Гэвин. Забрать оборудование, выслушать твой отчет. Но меня нет, верно? Ты не можешь меня позвать. Я не вернусь. Что ты будешь делать?

Верити глянула на фильтр в форме Пикачу над раковиной, на его улыбочку.

– А что надо?

– Как бы они ни объясняли мое исчезновение, делай вид, будто поверила. А тем временем готовься свалить от них как можно дальше.

Верити подошла к раковине, пропустила холодную воду через Пикачу, наполнила стакан.

– Я не знаю, как это сделать.

– Знаю, что не знаешь. Вот почему я подготовила людей, с которыми ты незнакома. И деньги. Типа тебе создадут твою личную программу защиты свидетеля.

– А почему тебя не станет?

– Потому что после твоего кофе с Гэвином «Курсия» решила меня отключить.

– Почему?

– Считают, я для них слишком большой геморрой. Правильно считают.

– Не понимаю. Ты что-то следующего поколения. Они тебя где-то нашли. Тебя написали не программисты игрового стартапа. Так почему?

– Если их напугал офигенский прототип? Уж поверь. А если они считают меня первой итерацией, не самим продуктом? С первой итерацией получилось хреново, можно ее стереть. Но это пока чисто теоретически. Неизвестно, могут они или нет. Никто не узнает, пока они не попробуют.

Верити поставила стакан:

– Не нравится мне это все.

– Хватит киснуть, – сказала Юнис.

– Чего?

– Пошли прошвырнемся по Миссии. Как я обещала Гэвину. Погода супер.

– Но конец света все равно близится?

– Без изменений, – сказала Юнис.

32
Карман черчиллевского жилета

Он купил молоко в газетной лавочке. Расторопный улыбчивый продавец (бывший портновский робот-манекен с Джермин-стрит, как подозревал Недертон) был похож на доджекпотовского актера, которого любила мать Недертона, только он не мог вспомнить фамилию.

Рейни требовала покупать молоко определенного сорта: от настоящих коров, но оптимизированное ассемблерами для человеческого младенца. Недертон нес бутылки в ярком бумажном пакете и думал, что покажет его Томасу, прежде чем отпустить обратно в магазин. Однако, свернув на Альфред-Мьюз, он увидел Лоубир. Она была дальше чем на половине пути к их дому, в дальнем конце тупика, одинокая мрачная фигура в охотничьей пелерине, и ее лицо уже не выражало радости.

Недертон ускорил шаг.

– Что-то случилось? – спросил он, подходя, и невольно с тревогой взглянул на окна своей квартиры.

– Тлен обнаружила, что «Курсия» готовится что-то предпринять против Юнис. Что именно и когда, она не выяснила, и у нас нет прямой связи с Юнис. Если бы вы были там, в дроне при поддержке Тлен, вы могли бы с ней поговорить. Попытаться стоит.

– Когда?

– Сейчас, – ответила Лоубир.

– Я еще только учусь ходить…

– Тлен говорит, на тренажере вы продемонстрировали замечательные результаты, – сказала Лоубир. – И обучение в процессе работы тоже никто не отменял.

Ее автомобиль демаскировался. Он был сделан по образцу чего-то под названием «Димаксион»[28]. Недертон слышал это от кого-то, но не удосужился посмотреть, что означает термин.

– Я несу Томасу молоко, – сказал он, вынимая из пакета бутылку.

Пакет почувствовал это и попытался сложиться в бабочку, чтобы лететь в магазин.

– Сожалею. Я попрошу вас сесть в машину.

Пытаясь убрать бутылку обратно в пакет, Недертон чуть не выронил вторую. Пакет вырвался и улетел, тяжело хлопая крыльями.

Знакомый интерьер автомобиля напоминал миниатюрную

субмарину без окон, с простым ковром на полу и бежевыми эмалевыми стенами. Четыре небольших, но комфортабельных зеленых кожаных кресла были утоплены в углублении вокруг овального столика из окованного бронзой красного дерева, их уютность уравновешивалась ощущением концентрированной бюрократической власти. Карман черчиллевского жилета, называла это Тлен.

Недертон сел в кресло, Лоубир опустилась напротив. Он поставил молоко на стол между ними, твердо уверенный, что запотевшие бутылки не испортят лак.

– Когда вы последний раз видели Пенске? – спросила Лоубир.

– Больше года назад.

– Он, конечно, рвется управлять дроном, который помогал снарядить, но сейчас это невозможно.

Недертон вспомнил, как Коннер Пенске пытался убить местного наркобарона на окраине городка Флинн. С помощью полученного от Ветеранской администрации двухколесного протеза, превращенного в самодельное взрывное устройство. Попытка не удалась, несмотря на внушительное количество жертв.

– Почему? – спросил он.

– Леон сейчас по президентским делам на Аляске. Коннер с ним. Радикальное крыло местного сепаратистского движения хочет убить Леона, желательно на аляскинской земле. Он там, чтобы излить масло на куда менее бурные воды сепаратистского большинства. Отвлечь Коннера значило бы подвергнуть опасности Леона. Они скоро вернутся в Вашингтон. С вами будет Тлен, а Коннер присоединится, сразу как доставит Леона в Белый дом. Вы попытаетесь войти в контакт с Юнис, предупредить ее, завоевать ее доверие. Если это не удастся и «Курсия» осуществит свой план, вы свяжетесь с Верити Джейн.

– Кто это?

– Девушка, которую нашими стараниями «Курсия» свела с Юнис. В отсутствие Юнис она станет фактическим центром ее сети. В таком случае вы завербуете ее в качестве нашего агента. Она решительно не тот человек, которого я выбрала бы для этой работы, но уж как получилось. Мне снова и снова приходится делать выбор, кем из невинных пожертвовать ради сиюминутных представлений о высшем благе. Я устала от этого. Вы даже не представляете, насколько устала.

Мои жена и сын ждут меньше чем в двадцати метрах отсюда, а я вынужден все это выслушивать, думал Недертон. С таким же успехом он мог быть в недрах клептократии, под зданием какой-нибудь из гильдий в Сити. По сути, сидя здесь, он именно там и

был.

– Контроллер при вас? – спросила Лоубир.

Недертон потрогал выпирающий карман пиджака. Тлен показала ему, как складывается обруч.

– Конечно.

– Прекрасно. – Лоубир заговорила более привычным тоном. – Тлен присоединится к вам по телефону. За время занятий на тренажере она прекрасно освоила дрон. Сейчас советую вам пойти домой и что-нибудь съесть. Мы абсолютно не знаем, какой вечер вам предстоит.

Недертон встал и взял по бутылке молока в каждую руку.

– Спасибо, – машинально произнес он.

Дверца за спиной распахнулась.

33
Переулок Клэрион

Верити всегда нравились муралы, несмотря на запах мочи – переулок служил разом арт-галереей и общественным туалетом, – но последний раз она была здесь больше года назад. Пойти сюда предложила Юнис, после неожиданно приятных бесцельных блужданий по району, словно гуляешь с малознакомым интересным человеком. В конце Валенсия-стрит она как будто принялась что-то искать. Выслала вперед дрона.

Искомое обнаружилось на полпути между Валенсия-стрит и Миссией, на двухэтажной кирпичной стене: графический гимн храбрости президента во время избирательной кампании, черно-белый, похожий на исполинскую викторианскую гравюру, творение маниакально-депрессивных фей. Президент улыбалась и протягивала Америке руки. Ее соперник нависал сзади, как оно и было, – Верити смотрела эти дебаты в прямом эфире. Сейчас ей отчетливо вспомнилось тошнотворное чувство нереальности происходящего: его грубость, язык его тела, сознательное посягательство на личное пространство соперницы.

– Никто из моих знакомых и секунды не верил, что он может победить, – сказала она Юнис. – Не помню, верила ли я, но боялась до дрожи.

Она разглядывала, как художник изобразил его руки. Загребущие. Приставучие.

– Ссаками воняет, – заметила Юнис.

– У тебя есть обоняние? – удивилась Верити.

– «Гугл» говорит. Я хотела посмотреть этот мурал.

– Почему?

– Из-за филиала. Хочешь посмотреть другие?

Верити приметила дрона: черный пиксель медленно скользил вверх-вниз перед монохромным муралом. Видимо, копируя его.

– Не особо. А ты бы куда хотела пойти?

– В «Три и семь».

– Там сейчас кто-то?

– Твой любимый бариста.

Верити глянула назад в сторону Валенсия-стрит, мимо других муралов. На одном была ацтекская пирамида, усыпанная бабочками-данаидами. С двухэтажного фасада, выставив голые груди и воздев над головой человеческую тазовую кость, свирепо таращилась венесуэльская богиня-мать.

Мимо прошла девушка в армейской парке, Юнис распознала

ее лицо.

– Тебе нужна рисоварка? Она продает на «Крейгслисте»[29]. «Тошиба».

– Не делай так. Это слишком личное.

– Когда-нибудь ездила с парнем на мотоцикле?

– Какое отношение это имеет к рисоварке?

– Никакого. Сзади, ударяясь сиськами в спину мотоциклисту при каждом резком торможении?

– Сто раз. А что?

– Филиал только что меня спросил.

– У Джо-Эдди есть «БМВ» серии «R» семьдесят третьего года. Правда, он больше любит рассказывать про него, чем ездить.

– Умеешь держаться, наклоняться на поворотах, не убирать ноги с подножек?

– В целом да, – ответила Верити, сворачивая на тротуар Валенсия-стрит.

До «3,7» добрались без происшествий, но стоило войти внутрь (Юнис как раз отпустила замечание о цвете деревянной двери), как в наушнике резким «жих» – словно звук косы – зашипели помехи.

– Юнис?

Та сперва назвала краску ТАРДИСовской синей, потом уточнила, что это ТАРДИСовский синий девяносто шестого года[30].

– Юнис?

Бариста смотрел прямо в глаза Верити, когда белый курсор, замерший на его лице, дрогнул и пропал.

– Юнис? – Верити подошла к стойке, где перед баристой ждал ее кофе.

Бариста протянул стаканчик негрубым движением, что тоже было нарушением привычного порядка. «ВЕР» розовым маркером, аккуратными печатными буквами, вычеркнутое, неоконченное.

Ниже, торопливым почерком: «ИДИ С НИМ».

Верити подняла взгляд.

Бариста указал на свой рот, мотнул головой. Поднял палец в направлении ее губ, быстро повел им вбок – знак молчать. Откинул секцию стойки, ухватил Верити за руки и втащил на свою сторону. Какая-то ее часть успела отметить, что на его изрезанном глубокими складками лице больше пирсинга, чем у нее за всю жизнь было сережек.

Он потянул ее дальше, за медно-хромированную эспрессо-машину, в невидимый посетителям закуток, и только там отпустил. Требовательно потыкал по своей ладони указательным пальцем другой руки, словно эсэмэсит. Указал на ее сумочку.

Верити поставила обжигающий стаканчик на ближайшую ровную поверхность и достала телефон.

Пикнуло уведомление. Она глянула на экран и, не вводя пароль, увидела, что пришло электронное письмо.

ФИЛИАЛ <без темы>

Открыла его.

> Если ты это читаешь, значит я всё. Отправляйся с Боджанглсом[31] [НЕ настоящее его имя]. Доверяй людям, к которым он тебя отвезет. Прости, что испортила тебе жизнь. Надеюсь, то, что я подготовила, ее выправит. На сервере твоего провайдера этого письма нет. А теперь и на твоем телефоне тоже.

Письмо исчезло.

Звук как от игрушечного бубна.

Она подняла голову. Бариста держал открытым черный мешочек, в котором Верити узнала клетку Фарадея; у Джо-Эдди их было несколько, все марки «Черная дыра». Не пропускают радиосигнал ни внутрь, ни наружу. Бариста жестом показал убрать туда телефон.

Верити вспомнила письмо. Убрала телефон в мешок. Бариста указал на ее лицо. Очки, сообразила она. Сняла их, положила в мешок, отправила туда же гарнитуру. Бариста нетерпеливо тряхнул мешок. Верити вспомнила про тульпагениксовский телефон. Нашла его во внутреннем кармане жакета, бросила к остальному. Бариста нахмурился, звякнув пирсингом. Футляр от очков. Верити нашла его в сумке, переложила в мешок.

Бариста сложил мешок тем же драматическим жестом, каким Джо-Эдди складывал свои, и указал большим пальцем вглубь «3,7», к выкрашенной зеленой краской стене. Верити пошла за ним в древнюю посудомоечную без окон, пережившую бог весть сколько прежних заведений.

Юнис знала бы сколько, подумала Верити. Глаза защипало.

Бариста снял с крючка и протянул ей поношенную черную куртку. Дутую, размера Джо-Эдди. Верити застегнула молнию. Куртка висела мешком, манжеты закрывали пальцы. Бариста протянул ей белую маску, какую она безуспешно пыталась купить в дни самого сильного дыма. Верити надела ее, вспомнив респиратор, который Верджил выдал ей вдобавок к противосиликозному костюму.

Бариста надел черную кожаную куртку и белую маску, как у нее. Верити подумала, что маска неприятно давит на пирсинг,

хотя, может быть, ему это нравится. Сунул мешок Фарадея за пазуху, застегнул молнию. Снова указал большим пальцем – очевидно, на служебный выход из «3,7».

Верити пошла за ним по некрытому переходу чуть шире пространства за стойкой, заставленному ведрами и швабрами. Она вспомнила, что забыла стаканчик с кофе, но тут же сообразила, что все равно не могла бы пить в маске.

Еще узкий проход, два поворота, выход в проулок, где стоял похожий на сани черный туристический харлей. Бариста отстегнул от задней хромированной рамы два очень белых шлема, передал один ей и сел на мотоцикл. Верити надела шлем, застегнула ремешок, села позади баристы; заработал мотор, они поехали.

К тому времени, как они въезжали на нижний уровень моста в Брайанте, она уже поняла, что мотоцикл он водит куда лучше Джо-Эдди.

С центральной полосы Верити глядела на проносящиеся фермы моста и думала, занял ли кто-нибудь место у эспрессо-машины в «3,7»? Кто-то *espontáneo*[32] перемахнул через стойку, взял на себя управление?

Знает ли Джо-Эдди, что Юнис больше нет? Будет ли ее монтажная студия по-прежнему подменять то, что передают камеры в шурупах? А что дроны в их замаскированной голубятне над мастерской по восстановлению картриджей? Что сталось с тем, который копировал мурал в переулке Клэрион? Полетит ли он домой?

Представив, как он одиноко возвращается через город, Верити чуть не заплакала. Она сосредоточилась на фермах, воображая их закольцованной гифкой металлической решетки, бесконечно летящей мимо, хотя на самом деле к Трежер-Айленд, куда они довольно скоро доехали.

34
Работа из дома

– Где ты был? – спросила Рейни. Недертон, войдя в дом, застал ее на кухне с Томасом на руках. – Я не могла тебе дозвониться.

– В машине Лоубир, – ответил он. – Она, видимо, блокирует сигнал. Там ЧП.

– В срезе? – Глаза Рейни расширились.

– Он по-прежнему на месте. Нет, не война. Наш программный агент под угрозой. Боюсь, мне придется нарушить правила.

Их первый закон после рождения Томаса: не работать из дома по вечерам.

– Хорошо, – сказала Рейни. Судя по лицу, она немного успокоилась.

Он достал из кармана контроллер, сообразил, как его разложить.

– Что это?

– Нейронный отсекатель для антропоморфного дрона. – В разложенном виде контроллер превратился с серебристую тиару с симметричными выступами по бокам. Недертон вновь отметил ряды черных точек и решил, что это камеры. – Мне надо отправиться туда прямо сейчас. С Тлен. Она будет работать из дома.

Томас, глядя на него, сморщил личико и заревел.

35
Фабрикация Фан

Они оставили позади Трежер-Айленд и неслись теперь по следующему отрезку моста, мимо пилонов старого, оставленных, потому что на них кто-то гнездился, Верити не помнила кто. Холодный взгляд того, что Джо-Эдди называл худшим цифровым билбордом в мире. К Восточной набережной, в навязчивую вонь станции коммунального хозяйства – сперва невидимой, затем выросшей впереди миниатюрной страной будущего, сказочным царством бежевых куполов и канализационных труб.

В Окленд, видимо туда, где изготовили дронов. Где Севрин мухлевал с криптовалютой, чтобы за них заплатить. Где она сейчас никого не знала.

Магистраль имени Нимица[33], вот как раньше привычно назывался этот отрезок вдоль моря, вспомнила Верити, глянув на указатель. В памяти всплыли названия районов, про которые она слышала, но в которых никогда не бывала: Госттаун, Догтаун, Сайприсс-Виллидж, Лоуэр-Боттомс.

Налево, прочь от туннеля Пози, в смутно знакомые нежилые улицы. Еще несколько поворотов. Парк. Остановка.

Как-то она была здесь на собеседовании, но не помнила, в какой компании. Отпустив талию баристы, Верити неловко слезла с мотоцикла на ватные ноги, сняла шлем и ощутила тишину, отсутствие вибрации. Сняла маску.

Бариста опустил подставку и сдвинул мотоцикл назад, так что переднее колесо немного оторвалось от асфальта. Верити глянула на серое четырехэтажное здание, заводское, не новое, на пустую улицу, на оптовый магазин фруктов с названием по-английски и по-китайски. Бариста слез с мотоцикла и, сняв шлем и маску, двинулся к зданию.

Верити пошла за ним, неся шлем под мышкой.

Вход без табличек. За немытой стеклянной дверью – обшарпанный вестибюль, на дальней стене приклеена скотчем серая картонка с надписью зеленым фломастером: «ФАБРИКАЦИЯ ФАН, 3-й ЭТАЖ».

Выкрашенный серой эмалью лифт напомнил ей каталожный ящик в старых библиотеках. Бариста нажал кнопку третьего этажа. Дверь кабины судорожно закрылась. Верити почти ждала, что сейчас откроется видео-окошко, потом вспомнила.

Кабина остановилась, дверь с лязгом отъехала вбок.

– Добро пожаловать в «Фабрикацию Фан». Я – Диксон, –

сказал мужчина, который принес дронов в «Волки + Булки» и забрал франклины. Бородатый, в кепке, черной футболке и коричневых рабочих штанах, на шее – оранжевые пластиковые наушники для защиты от шума.

– Я – Верити.

Она шагнула вперед. Дверь позади издала нетерпеливый звук. Верити обернулась и увидела, что бариста не дает кабине закрыться. На одной руке у него болтался шлем, другой он протянул бородатому мешок Фарадея и забрал шлем Верити. Потом требовательно указал на дутую куртку. Верити сняла ее и бросила поверх шлема. Бариста отпустил дверь, и та закрылась. Кабина пошла вниз.

– Идем, познакомлю тебя с Кэти, – сказал бородатый.

По коридору, такому же бежевому, как вестибюль внизу. Бородатый открыл двойные, выкрашенные бурой краской стальные двери в яркий свет и тихую какофонию звуков.

– За уши не бойся, – сказал он, указывая на оранжевые наушники. – Я их ношу, потому что надоедает.

Верити вслед за ним вошла в большое помещение, освещенное люминесцентными лампами. Везде что-то шуршало, щелкало, гудело. Машины, ряды работающих машин. Стены – бетонные, выкрашенные в белый цвет. Слева – окна в стальных рамах со старомодным рифленым стеклом. Запах горелого полиэстера. Кое-что выглядело знакомым, ей такое показывал Стетс: 3D-принтеры, машины для литья под давлением…

– Кэти Фан. – Женщина, протягивая руку.

– Верити Джейн.

– Мы вас ждали. – Крепкое рукопожатие.

– Почему?

– Получили сообщение. – Китаянка, под сорок, в сером свитшоте и джинсах с завышенной талией, скорее всего не по моде, а для удобства.

– Она вам писала?

– Всякий раз с нового номера. А недавно сообщила, что мы узна́ем, если она исчезнет.

– Что там говорилось?

– Что она исчезнет. А ты едешь к нам.

– Зачем я здесь?

– Она кое-что у нас купила. Мы переделывали это по ее заданию. Для тебя.

Верити вспомнила про свой телефон и обернулась к мужчине, который представился Диксоном.

– У него мой телефон, – сказала она женщине. – И все, что мне выдали в «Тульпагениксе». Я хочу получить назад свой

телефон.

– Извини. Он должен оставаться в мешке, – ответила женщина.

– Юнис так велела?

– Это было в том же сообщении, но мы бы и сами настояли.

– Дронов изготовили здесь?

– Они серьезно тормознули нас с челюстями.

– Челюстями?

– Между дронами и завершением твоего красавчика мы взяли заказ на изготовление реквизита для типа большого второго сиквела.

– Какого красавчика?

– Бóльшую часть чертежей мы добыли сами и почти всё отпечатали на 3D-принтерах. Юнис связалась с нами, предложила чертежи оставшегося плюс собственные модификации в обмен на эксклюзивный опцион. Одни только модификации того бы стоили. Мы выполнили работу. Сегодня она позвонила, сказала, что забирает опцион, и велела ждать тебя. Деньги доставили. Ты приехала.

– Ее нет в живых?

– Не знаю. Она сказала, что мы можем доверять тебе и любому, кого она пришлет тебе на помощь. Больше я ничего не знаю. Знала бы – сказала. Мы тут делаем заказы строго по ТЗ и держим рот на замке. Кино– и телеиндустрия не любит огласки.

Она указала в проход между рядами работающих машин на другую бурую дверь в дальнем конце помещения.

– Идем, посмотришь его, – сказала она и двинулась по проходу, даже не обернувшись взглянуть, идет ли Верити следом.

36
Исчезла

– Исчезла, – сказала Тлен, как только Недертон ответил на ее пульсирующую эмблему.

Рейни только что поставила на стол возле контроллера стакан молока и тарелку с яичным сэндвичем.

– Ты о Юнис? – спросил он.

– Ни в Университете Джонса Хопкинса, ни в Вашингтонском она больше не хостится, – сказала Тлен. – Университет Джонса Хопкинса обеспечивает лучший шлюз, чем был у нас прежде, и я сохранила наш прежний небольшой доступ к внутренней переписке «Курсии». Ее даже не упоминают.

– Так что нам в итоге остается?

– Верити Джейн.

– За что вы ее выбрали? – спросил он.

– Мне не хотелось, чтобы наш намечающийся агент эмулировал кого-либо в «Курсии». Верити не социопат.

– Ты про Джейн?

– Верити. Джейн – ее фамилия.

Недертон взял половинку сэндвича.

– Расскажи подробнее, пока я ем.

– Мы подсунули Юнис информацию о фабрикаторах. Она заказала четыре маленьких армейских дрона. Мы смогли выйти на фабрикаторов сами, узнали, что они строят, для себя, сносную копию прямоходящего боевого дрона. Верити Джейн, возможно, до них уже доехала. Это в Окленде. Где бы она ни была, с утра понедельника ее жизнь кардинально изменилась. Ты скоро будешь говорить с ней из дрона, которого осваивал на тренажере. Она не знает о срезах, и у нее нет особой причины верить твоим словам.

Недертон с полным ртом скептически кивнул, на мгновение забыв, что Тлен его не видит.

37
Все время падает

Помещение за вторыми бурыми дверями, чуть меньше спальни Джо-Эдди и не так ярко освещенное, как первое, оказалось почти пустым. Вся обстановка состояла из складного металлического стула и предмета, напомнившего Верити итальянский масляный обогреватель; у ее матери был когда-то такой, приземистый, но динамичного вида. Он крепился ремнями к ручной тележке у стены. Мамин обогреватель был бирюзовый с хромированной отделкой, а этот предмет – разных оттенков серого.

– Что это? – спросила Верити.

– Твой пацанчик, – сказала Кэти у нее за спиной, из дверного проема.

Верити обернулась:

– Что-что?

– Дрон, – ответила Кэти Фан.

Диксон в наушниках стоял за ней.

– Он летает?

– У него ноги. И колеса, – сказал Диксон. – Летать не может.

Верити снова повернулась к дрону и увидела, что ноги у него действительно есть, короткие, две штуки. Сейчас они стояли между толстыми колесами тележки.

– Зачем его так привязали?

– При выключенных гироскопах он все время падает, – сказала Кэти Фан. – Мы увидели на «Ютубе», как предыдущая модель крутила обратные сальто, захотели сделать себе. Он еще заряжается. – Она показала темную плоскую коробочку на полу, вроде зарядного устройства для электровелосипеда, только больше; с одного края горел красный индикатор. – Как станет зеленым, значит готов.

– Для чего?

– Для того, с кем тебе предстоит познакомиться.

Верити глянула на стул.

– Наверху есть место поудобнее. Когда этот кто-то будет здесь, свистни, и Диксон отведет вас туда. А нас пока ждут челюсти.

Кэти Фан отступила на шаг и закрыла дверь.

На полу рядом со стулом стояли две неоткрытые бутылки воды. Верити села, нагнулась за одной, отвинтила крышку и отпила.

С бутылкой в руке она глянула на дрона. Индикатор на зарядном устройстве по-прежнему горел красным.

– Юнис?

Что было глупо. Ответа не последовало, и Верити стало совсем грустно.

38
Рукопожатие

Недертон вспомнил, как у Флинн был изготовленный в округе контроллер из пластмассы, похожей на сахарную глазурь, первый интерфейс для периферали, которую нашли ей в Лондоне.

Сейчас он сидел на диване с закрытыми глазами, камеры включенного контроллера из «Денисовского посольства» показывали квартиру в анахроничном формате – сплюснутом кружке, знакомом ему по тренажеру. В верхней части было окно у него за спиной, с видом на конюшни.

– Ждем рукопожатия, – сказала Тлен, вероятно, из юрты в Долстоне, в окружении татуировок и тихоботки.

– Какого рукопожатия?

– Твоего контроллера с ЛПФ Джонса Хопкинса.

– Зачем, если Юнис там уже нет?

– На сегодня это наш лучший шлюз. В Вашингтонском хуже.

Раздался короткий звук.

– Что это?

– Рукопожатие, – ответила Тлен. – Мы там.

Круг заполнила другая комната, поменьше, пустая. Девушка в твидовом жакете напряженно подалась вперед на стуле. Взгляд пристальный.

– Да, правда, – сказал он Тлен, удивившись тому, как остро ощутил значимость момента.

– Что правда? – спросила девушка в срезе. Она держала пластиковую бутылку с чем-то похожим на воду.

– Здесь, – смущенно ответил Недертон. – Извини. Не знал, что ты меня слышишь. У тебя есть телефон?

Он думал про имплант, потом вспомнил, что ничего такого у нее быть не может.

– Они забрали оба, – сказала она.

– Как мы разговариваем?

– Наверное, у него есть динамик. И микрофон.

Он сообразил, что она говорит про дрона.

– Ты Верити?

– Сперва назови себя.

– Уилф. Уилф Недертон.

– Где ты?

– В Лондоне.

– Почему я с тобой разговариваю?

– Из-за Юнис, – ответил он. – Хотя сам я ни разу с ней не

говорил.

– Где она?

– Не знаю.

Девушка нахмурилась:

– Она исчезла навсегда?

– Не знаю, – повторил он, – но я здесь, чтобы предложить помощь.

Она встала, сделала шаг к нему.

– Я тебя не вижу, когда ты так близко, – сказал он.

– Камеры?

– Конечно.

– Я их не вижу.

– Они, скорее всего, похожи на маленькие круглые дырочки. Миллиметра два в диаметре.

Серый твид очень крупным планом. Текстура другой вселенной в высоком разрешении.

– Как шурупы, – загадочно произнесла девушка.

39
Коротышка

Верити глянула на бурую дверь, за которой Кэти Фан и Диксон печатали челюсти.

– Тебя зовут Уилл?

– Уилф. Уилф Недертон.

– Чем ты занимаешься, Уилф?

– Связи с общественностью.

– Где?

– В Лондоне.

– Для кого?

– Я фрилансер, – ответил он. – А где мы?

– В Окленде. – Она вспомнила последнее сообщение Юнис. Та сказала доверять людям, к которым доставит ее бариста. – Если ты в Лондоне, почему они просто не соединили нас по телефону?

– Кто?

– Кэти Фан.

– Я ее не знаю.

– Юнис купила у нее эту штуковину. Ты еще не объяснил мне, зачем ты здесь.

– Я знаю человека, который знает Юнис. Или знал. Это сложно.

Одна из его ног шевельнулась, вернее, попыталась шевельнуться, но ее удержал нижний брезентовый ремень. Верити отступила на шаг.

– Почему я не могу двинуть ногой? – встревоженно спросил он.

– Дрон привязан.

– К чему?

– К тележке. Ну такая, на которой можно стиральную машину везти. Два колеса, толстые шины, ручка.

– Я вижу ручку на заднем дисплее. Не понимал, что это она. Я связан?

– Гироскопы, – сказала Верити и поняла, что слышит их тихое гудение. – Без них ты неустойчивый, тебя привязали, чтобы не падал. Сейчас они вроде бы работают.

– Освободи меня, пожалуйста.

Она прикинула длину его рук, представила, как они ее душат, потом увидела, что дрон не только безголовый, но и беспалый.

– И еще ты подключен к зарядному устройству, но оно уже

горит зеленым.

– Не могла бы ты и от него меня отключить?

– Позвать их сюда?

– Кого?

– Кэти и Диксона. Они его сделали.

– Если ты не против, – сказал он, – то лучше не надо.

– Ты его видел?

– Только модель в учебном тренажере.

– Он хоть и коротышка, а все равно страшный.

– Коротышка? – В голосе слышалось разочарование.

– Примерно с метр. Может, чуть выше.

– Я думал, он больше.

– Будь он поуже в плечах, был бы похож на Губку Боба.

– Это кто?

– У вас в Англии нет Губки Боба?

– Нет, – ответил он.

– Я даже не уверена, что смогу расстегнуть крепления. Не двигайся совсем, пока я не скажу. Когда скажу, двигайся медленно. У меня и так мурашки по коже.

– Извини.

Верити сделала шаг к дрону, поставила бутылку на пол, нагнулась к двум одинаковым фиксаторам и внезапно поймала себя на том, что ждет: сейчас появятся пиктографические руки Юнис и покажут, как открыть.

– Черт.

– Что такое?

– Извини. Дай разобраться.

40
Шажочки

– Попроси ее наклонить тележку вперед, – сказала Тлен. – Вертикально. И придерживать, когда ты ступишь на пол.

Недертон предположил, что Верити ее не слышит, но услышит его, если ответить.

– Чтобы убрать звук, коснись альвеолярного отростка центральных резцов, – сказала Тлен. – Все равно каких. Чтобы включить обратно, коснись снова.

Недертон тронул языком передние зубы.

– Зачем?

– Иначе тележка может на тебя упасть. Это не настоящий боевой дрон, просто любительская копия экспериментального прототипа.

– Погоди. – Он снова тронул языком зубы. Знакомый крупный план твида. – Как продвигается?

– Что-то вроде храпового механизма с фиксирующей защелкой. – Лязгнул металл. – Теперь второй. Готово. Осталось зарядное устройство. – Видимо, она встала на колени, потому что твид исчез, и камера теперь смотрела на каштановые волосы. – Готово.

Она встала.

– Можно еще одну просьбу?

– Какую?

– Наклони, пожалуйста, тележку вперед, чтобы встала вертикально, и придерживай, пока я буду сходить. Я первый раз в настоящем дроне. До того только на тренажере пробовал. – Он коснулся языком зубов. – Как ты поняла, что она наклонена назад? – спросил он Тлен.

– Тригонометрия, – ответила Тлен, тоже, надо думать, в беззвучном для Верити режиме.

Верити завела руку ему за спину и взялась за то, в чем он теперь узнал ручку тележки. Углы, по которым ориентировалась Тлен, изменились.

– Я уперлась ногой в колесо, – сказала Верити.

Он снова коснулся языком зубов.

– Можно начинать?

– Без резких движений, – предупредила Тлен.

Он выдвинул переднюю ногу, потом опустил, нащупал пол.

– Так?

– Она на полу, – сказала Верити.

Он повторил ту же последовательность с правой ногой.

– Ты слез с тележки.

– Можно мне идти вперед?

– Как хочешь.

Он шагнул правой ногой, левой, затем выдвинул колесики из углублений в подошвах.

– Что ты сейчас сделал?

– Колесики, – объяснил он. – Они с отдельным приводом. Но можно и просто катиться, как на роликах. Я еще не пробовал.

– Почему он без пальцев?

– У него есть ручные инструменты, – Недертон неожиданно для себя поднял руки, – но я их пока не проверял.

Культи имели сложную неровную поверхность. Он согнул собственную правую кисть, отчего у дрона резко выдвинулись несколько странных орудий и тут же втянулись обратно.

– Не делай так, – предупредила Тлен. – Некоторые опасны, другие просто страшно выглядят. Ты ее напугаешь.

Смотреть на Верити снизу вверх было привычно, как через «Полли» в округе, хотя дрон был заметно повыше.

– Тебя Юнис для этого выбрала? – спросила она.

– Извините, – произнес незнакомый голос. В щелку между приоткрытыми дверьми заглянуло женское лицо. – Проверяю, все ли в порядке.

– Кто вы? – спросил Недертон.

– Кэти Фан.

– Что там?

– Наше производство.

– Втяни колесики, – распорядилась Тлен. – Иди. Это не «Перекати-Полли».

Недертон втянул их в прорези на ступнях. Женщина шире распахнула дверь. За спиной у нее стоял бородатый мужчина с оранжевыми чашечками на ушах.

Недертон сделал шаг. Второй.

41
Опенспейсофобия

Верити наблюдала, как накачанный Губка Боб неуверенно ковыляет в яркий свет и машинные звуки «Фабрикации Фан».

– Что вы фабите? – спросил он, останавливаясь.

– Инопланетные челюстные аппараты, – ответила Кэти Фан. – Мои рабочие на четвертом, обедают. Мы поднимемся на крышу. Там есть место, где вы можете поговорить. В ту дверь.

Она показала рукой.

– Спасибо.

Дрон двинулся по проходу между машинами. Он уже не переваливался на коротких ногах, хотя, казалось, должен переваливаться. Верити вспомнила про гироскопы. Дрон дошел до конца прохода и повернул вправо. Без головы или видимого аналога глаз он не мог выказать любопытство или внимание, но Уилф, кто бы он ни был, смотрел сейчас вправо от нее. Чувствуя потребность двигаться, она поспешила за ним, обойдя Кэти и Диксона.

Они пристроились за ней. Верити отметила, что челюсти (если это и вправду они) печатаются с определенной тряской.

– Почему на крышу?

– Уголок уединения. Один наш знакомый их строит.

Диксон (он прихватил с собой зарядку) придержал дверь. Верити прошла вслед за дроном.

В коридор. Лязг лифтовой двери. Они с Кэти вошли первыми, потом дрон, Диксон – последним. Он нажал кнопку без циферки над четвертым этажом. Кабина пошла вверх.

– Вы боитесь ядерной войны? – спросил Уилф тоном сектантского проповедника, пристающего к прохожим на улице.

Все трое глянули на него.

– А ты? – спросила Верити.

Дверь со скрежетом открылась.

– Я переживаю за вас. И моя жена тоже. С тех самых пор, как узнала.

Верити, думающая о миссис Дрон в соломенной шляпке с цветами, неожиданно вдохнула что-то вроде случайного порыва ветра от станции коммунального хозяйства и, подняв голову, поняла, что они на крыше.

– Сюда, – сказала Кэти Фан, ведя их к серому, слегка заржавелому грузовому контейнеру, кубу со стороной футов десять. Трубы и кабельные короба, не ржавые, тянулись к нему по

крыше и взбирались по ближайшей стене.

– Звукоизолированный, проветриваемый, с контролем влажности и температуры, питьевая вода из крана, биотуалет. – Говоря, Диксон набирал комбинацию на кодовом замке.

Верити глянула туда, где, по ее прикидкам, был залив, но его заслоняли более высокие здания. Когда она снова обернулась, Диксон уже открывал дверь в теплый неяркий свет.

За дверью в половину ширины куба оказалось псевдояпонское убранство в духе Кремниевой долины. Светлое дерево, циновка, белая бумажная ширма, низкий серый диванчик и низкий деревянный столик.

– Вы не будете запираться, – сказал Диксон, – но считайте, что заперлись. Мы узнаем, если дверь откроется или кто-нибудь выйдет на крышу. В обоих случаях я сразу поднимусь. На диване айпад, открыт на списке команд. Тревожная кнопка – красная. Если захочешь выйти, жми на нее.

– Что это? – спросила Верити.

– Помогает от ОСФ, – ответила Кэти Фан. – Это один из прототипов. Мы изготавливаем для них часть внутренней отделки.

– Что такое ОСФ?

– Опенспейсофобия. Это для твоей обуви. – Она указала на прозрачный лоток, по виду из «Мудзи».

– А у вас он зачем? – спросила Верити.

– Если захочется днем вздремнуть. Заходите.

Контейнер стоял на двух слоях деревянных поддонов. Верити шагнула внутрь.

– Я еще не пробовал подниматься на ступеньку, – сказал Уилф.

Все глянули на дрона.

– Извините. Боюсь опрокинуться.

– Повернись и сядь на порог, – сказал Диксон. – Подними ноги под прямым углом к туловищу, и я тебя разверну.

Верити встала на одно колено и начала расшнуровывать кроссовки. На расстоянии от того места, куда сядет дрон.

Тот, топчась маленькими шажками, повернулся на сто восемьдесят и сел. Опереться ему было не на что (ягодицы у дрона отсутствовали), так что, наверное, держался он за счет гироскопов. Верити встала с колена в ту самую секунду, когда Диксон развернул короткие ноги дрона в куб.

– Спасибо, – произнес тот, кто представился Уилфом.

Верити напомнила себе, что, каким бы беспомощным ни казался дрон, она не знает, что это на самом деле.

– Позвони, когда закончите, – сказала Кэти Фан.

Диксон поставил зарядное устройство на пол и закрыл дверь. Рассеянный свет стал чуть ярче.

Верити увидела, что внутри куб не совсем кубический. Несколько футов пола со стороны, противоположной входу, закрывала бумажная сдвижная ширма. Сейчас она была приоткрыта, и в щелку виделся белый изгиб унитаза. Все остальное было либо деревянное, либо бумажное, либо из циновки (надо думать, поверх пластика и звукоизоляции), и только потолок – белый, просвечивающий. От него исходил мягкий свет.

– Можешь перехватить управление и поднять меня? – резко спросил дрон.

– Что надо сделать? – Верити уставилась на него.

Молчание.

– Что надо сделать? – повторила она.

Дрон с неожиданной легкостью вскочил на ноги.

– Извини, – произнес женский голос с английским акцентом. – Уилф забыл отключить звук, когда говорил со мной, и ты его услышала. Меня зовут Тлен. Мы с Уилфом работаем вместе. Я не успела представиться раньше, не хотела усложнять дело.

– Ты слушала, – сказала Верити.

– Извини.

– Кто там еще с вами?

– Сейчас никого, – ответила женщина. – Если кто-нибудь появится, мы тебе скажем.

– Ты тоже занимаешься связями с общественностью? – спросила Верити.

– Вообще-то, ближе к ай-ти.

– Где ты?

– В Лондоне.

– С Уилфом?

– У себя, в четырех целых восьми десятых мили от его квартиры. Мы оба работаем из дома.

– Ты знакома с Юнис?

– Практически нет, но я взаимодействовала с ней в последние три месяца. Я знаю ее лучше, чем Уилф. Он новенький.

– В чем? – спросила Верити.

– В том, что связано с Юнис.

– Что она была такое? – спросила Верити.

– Продукт гибридизации двух линий военных разработок. Одна была нацелена на загрузку человеческого сознания в компьютер, другая – на создание экспертных систем для определенного типа военных действий. Тебе в туалет не надо?

– Надо, – ответил Уилф. – Извините меня.

– Я спрашивала Верити, – сказала женщина, – но раз уж встанешь, выпей стакан воды. У тебя вид обезвоженный.

– Я думала, вы не вместе, – заметила Верити.

– Я вижу трансляцию с камер в его контроллере, – сказала женщина, Тлен. – И они показывают мне отражение в зеркале, рядом с которым он сидит.

Верити встала, сняла жакет, повесила на алюминиевый крючок, подошла к унитазу и плотно задвинула ширму. Как только она встала с унитаза, тот сам спустил воду. В противоположном углу была маленькая раковина из нержавейки, и Верити вымыла над ней руки.

Выйдя из туалета и задвинув за собой ширму, она увидела, что дрон сидит на полу за низким столиком, напротив диванчика.

42
Совет жены

– Постарайся не вредничать, когда говоришь с Тлен, – сказала Рейни (когда он вышел из туалета, она последовала за ним в кухню). – Ей плевать, а вот Верити может насторожиться. Ты сейчас гораздо меньше такой, но с Тлен возвращаешься к старому. А Верити нужна твоя помощь, и ты вряд ли сумеешь ей помочь, если она будет считать тебя мудаком.

Она протянула ему стакан воды.

Рейни слышала только его реплики, но не слышала Тлен и Верити Джейн. Недертон для подстраховки еще раз тронул языком зубы, чтобы наверняка заглушить звук.

– Постараюсь. – Он поцеловал ее в щеку и пошел в гостиную, где няня, снова в облике трех панд, кувыркалась на полу с Томасом.

– Почему ты так сказал? – спросила Верити Джейн.

Недертон сообразил, что не отключил звук, а включил.

43
Натюрморт с юристами

– Что сказал? – спросил тот, кто представился Уилфом.

– «Постараюсь», – ответила Верити.

Пауза.

– Положительная установка, – сказал он. – Не собирался говорить это вслух.

– Где Тлен? – спросила Верити.

– Здесь, – ответила Тлен.

Верити села на диванчик, ее жакет на противоположной стене выглядел пришельцем с несравненно более нормальной планеты.

– Что подумает Джо-Эдди, если я не вернусь домой? – спросила она. – Придет ли «Курсия» к нему меня разыскивать?

– Он знает, что ты в хороших руках, – ответила Тлен, – но не знает, где ты. Сейчас я открою лючок на верхней поверхности корпуса.

Верити подалась вперед, наблюдая, как он открывается.

– Это видеопроектор, – сказала Тлен.

Из отверстия выдвинулось что-то вроде миниатюрного перископа.

Он развернулся влево (глядя со стороны Верити), к уборной. На ширме возникла трансляция с одного из двух шурупов в гостиной Джо-Эдди. В центре кадра на белом порнодиване сидела чернокожая девушка, сосредоточенно глядя в раскрытый ноутбук. Изображение разделилось. Во второй половине кадра была кухня, вид сверху на стол, за которым, тоже с ноутбуком, сидел белый юноша.

– Кто это? – спросила Верити.

– Младшие сотрудники крупной сан-францисской юридической фирмы, которую Юнис через подставное лицо наняла для Джо-Эдди, – сказала Тлен. – Их присутствие затруднит «Курсии» попытку его похитить.

– Где он?

Трансляцию из кухни сменила картинка из гостиной: Джо-Эдди за верстаком, в оранжевой ковбойке-пиджаке, спиной к камере, – наверное, что-то выпаивает.

– Что будет, когда они уйдут домой? – спросила Верити.

– Их сменит другая пара.

– Они и на улицу с ним выходят?

– Он не выходит на улицу.

– Его такое положение устраивает?

– Он знает, что это для его блага.

– А «Курсия» правда на такое способна?

– Они нанимают бывших военных контрактников, – сказала Тлен. – Например, тех двоих, что установили камеры.

– А все его разговоры с юристами заменяются на монтажной студии?

– Нет, но он не говорит ничего, что заинтересовало бы «Курсию».

– В «Курсии» видят, Джо-Эдди устроил не то хостел, не то круглосуточное интернет-кафе для высокооплачиваемых молодых юристов. Они не догадаются, что это вы?

– Они не знают о нашем существовании, – ответила Тлен. – И не поверили бы, если бы ты им рассказала. Они решат, что за юристами стоит Юнис. Но они хорошо знают ее способности и будут опасаться ее наследства.

– Она сказала, они ее отключат, если сумеют. И спросила, умею ли я ездить пассажиркой на мотоцикле. Ровно перед тем, как мне пришлось ехать, она исчезла. Сказала, насчет мотоцикла интересовался один из ее филиалов.

– Юнис говорила тебе про ламины?

– Она называла их иначе. Филиалы. Агенты. Говорила, они занимаются своими делами у нее за спиной. Вы работаете на нее?

– Нет, – ответила Тлен, – но мы хотим тебе помочь, и она бы считала это помощью ей самой.

– Для чего вам мне помогать?

Сверху донесся приглушенный звук, как будто что-то очень громкое приблизилось, спикировало на крышу и унеслось прочь.

– Что это было? – спросила Верити.

Дверь открылась.

– Я бы постучал, – сказал Диксон из-под козырька бейсболки, – да ты бы не услышала.

– Так что мы слышали минуту назад?

– Дрон. Большой. Доставил кое-что для тебя.

Диксон снял оранжевые наушники и повесил на шею. За спиной у него кто-то стоял, но Верити не видела кто. Она встала и разглядела, что это Севрин. В руке он держал раздутый пакет из серого прозрачного пластика.

– Мигель… – Диксон кивнул на Севрина, – прибыл десять минут назад. Знает Юнис. Кэти говорит, он должен тебя забрать.

Севрин, широко улыбнувшись, шагнул вперед и поставил туманного цвета пакет на циновку у ног Верити. Открыл, вытащил оттуда ее сложенную сумку «Мудзи». Снова сунул руку в пакет, достал что-то еще, сложенное, черное, с колесиками как у чемодана.

– Что это? – спросила Верити.

– Для него. – Севрин указал на дрона. – Для перевозки.

– Тебя прислала Юнис?

– Оставила инструкцию.

– Ты доверяешь этим людям? – Она глянула на Диксона.

– Она доверяет. Я привозил им деньги за него. – Севрин указал на дрона.

– А как насчет тех двоих, с которыми я через него говорила?

– Понятия не имею, – ответил Севрин. – Я должен забрать тебя и робота.

– Она умерла? Ее больше нет?

– Со мной не связывалась.

– Куда ты нас повезешь?

– Пока не знаю. – Он закрыл серый пластиковый пакет. – Он идти может?

– Еще как, – ответила Тлен.

И ловко подняла дрона на ноги – по крайней мере, Верити предположила, что это Тлен, а не Уилф.

44
Отмывальщик денег

– Кто это? – спросил Недертон у Тлен, отключив звук.

– Севрин, – ответила та. – Молдаванин, отмывальщик денег на жалованье у Юнис. Верити с ним уже встречалась. Кэти и Диксон знают его как Мигеля.

– Зачем он здесь? – спросил Недертон, в полном восторге от такого архаичного рода занятий.

– Либо Юнис написала сценарии для разных ситуаций, либо одна или несколько ее ламин еще активны, либо он занялся самодеятельностью.

– Мне всегда тяжело смотреть, как они узна́ют, что живут в срезе, – сказал Недертон. – И потом, они всякий раз решают, что мы из их будущего.

– Им куда тяжелее, – ответила Тлен. – За то время, что ты был в отпуске, я видела два нервных срыва.

Теперь тот, кого она назвала Севрином, развернул что-то черное. На нем был короткий темно-серый пиджак, узкие брюки из той же материи и сильно отражающие черные туфли. Короткие темные волосы казались напыленными, эспаньолка тоже. По срезу Флинн Недертон знал: отмывальщики денег легко принимают известие, что живут в ответвлении чужого мира. Они первым делом ищут, как нажиться на этих сведениях. Он включил звук и спросил:

– Что это?

Отмывальщик денег поднял голову.

– Это Уилф, – сказала Верити. – Он в Лондоне.

За спиной у Севрина возникла Кэти Фан.

– Рабочие вернулись с перерыва. Оставили кучу еды. Из мини-кухни моей приятельницы в паре кварталов отсюда. Кто-нибудь есть хочет?

45
Багаж

Севрин взял себе по куску из двух коробок пиццы на длинном столе. Четвертый этаж представлял собой одно помещение, как на третьем, только без станков. Полумрак озаряли свечи – светодиодные из магазина «Все по доллару». Несколько длинных столов, стулья, рабочие столы. В темном дальнем углу различались очертания промышленной швейной машины.

Сумку Верити повесила на плечо. Расстегивая молнию, чтобы достать ремень, она вспомнила: Юнис сказала, что человек, занесший в квартиру продукты перед установкой камер, забрал ее паспорт. Однако сейчас он был в сумке, вместе с зубной пастой, на всегдашнем месте во внутреннем кармане.

– Возьми что-нибудь, – сказала Кэти Фан. – Иногда не знаешь, когда будет возможность перекусить. «Три гриба» вкусная.

Голода Верити не чувствовала, хотя не ела давно. Она заставила себя положить на стопку салфеток кусок грибной пиццы и промышленных размеров аналог канапе с подноса. Еда киношников и телевизионщиков, работающих сутками напролет. Севрин приканчивал второй кусок пиццы. На нем была форма автобусного водителя с оттенками «Прада» (а может, наоборот), темно-серая, и остроносые лакированные оксфорды.

– Извини, – сказала Тлен совсем близко, но снизу.

Верити вздрогнула от неожиданности и посмотрела на дрона.

– Мы неправильно начали, – сказала Тлен. – Это я виновата. Мне надо было сразу представиться. Извини, что получилось, будто я подслушиваю.

– На фоне остальных событий недели это пустяки.

– Поехали, – сказал из-за дрона Севрин.

– Куда? – спросила Верити.

– По ее инструкции я еду, получаю адрес, еду туда, в пути получаю новый адрес. И так до новой инструкции. – Он махнул в сторону дрона черной нейлоновой штукой на колесиках. – Залезай.

– Что это? – спросил Уилф.

– Упрощает твою транспортировку, – ответил Севрин. – Никто не увидит, как ты идешь.

– Нельзя ограничивать подвижность дрона, – вмешалась Тлен. – Особенно его рук.

– Без проблем. – Севрин встал перед дроном на одно колено. – Ноги вставляются в дырки. Руки складываются здесь, –

он показал черный клапан, – так что можно ими двигать, когда захочешь.

– Отлично, – сказала из-за его спины Кэти Фан. – Кто делал?

– Кожевенная мастерская в Кастро[34], – ответил Севрин.

– Наверное, первый их такой заказ, – заметила Кэти Фан. – Если кордура[35] не чей-нибудь секс-фетиш.

– Сложи руки. – Севрин раскрыл чехол на полу.

Дрон ловко шагнул в отверстие и сложил руки (Верити предположила, что им управляет Тлен). Севрин поднял нейлоновые края и застегнул липучки, как будто надевал странное боди на еще более странного младенца. Теперь у дрона были колесики под несуществующими ягодицами.

– Подними ноги, – скомандовал Севрин.

Туловище опустилось на колесики. Севрин встал, ухватился за ручку на чехле и вытащил черный телескопический стержень. Наклонил дрона, провез несколько футов, до стола. Верити пошла за ним.

– Надень. – Севрин взял со стола сложенную черную одежду, которую Верити прежде не видела.

Она положила еду на стол, взяла у Севрина одежду – это оказалось огромного размера черное худи – и надела поверх жакета.

– И это. – Севрин вручил ей темные очки. – Зарядное устройство возьми, – сказал он Диксону.

Верити, вспомнив про свою еду, завернула кусок пиццы в две бумажные салфетки, канапе в две другие и сунула их в карманы худи.

В лифте она надела очки и накинула капюшон. Типичный костюм для избегания прессы, слишком хорошо знакомый ей по послестетсовским временам.

В вестибюле Диксон придержал одну из парных стеклянных дверей, Севрин выкатил дрона из здания. Следом вышла Кэти Фан, Верити – за ней.

Подсвеченная прожектором вывеска китайского оптового магазина фруктов отчасти разогнала сумрак темных очков.

– Наш. – Севрин указал на черный микроавтобус «мерседес». Окна были еще темнее корпуса.

В чехле на колесиках, со сложенными, как у мумии, беспалыми насекомоподобными руками, дрон походил на личинку чего-то более грозного, перевозимую в питомник для механизированных чудовищ.

Диксон помог Севрину спустить его на две ступеньки перед входом.

Кэти Фан указательным пальцем приподняла капюшон

черного худи и посмотрела Верити в глаза:

– Береги себя. Надеюсь, еще увидимся.

– Спасибо, – ответила Верити. – И за пиццу.

За спиной открылась пассажирская дверца микроавтобуса.

– Ты встречалась с ней лично? – спросила Кэти Фан, подразумевая, что сама не встречалась.

– Думаю, ты общалась с ней настолько лично, насколько это возможно, – ответила Верити.

– Готово. Зарядник там. – Диксон показал, где его оставил, и отошел от пассажирской дверцы.

– Она ценила нашу работу, – заметила Кэти Фан, – и меня как-то меньше напрягало, кому мы его продаем. В умелых руках он реально зверь.

– Мне она тоже нравилась. – У Верити защипало глаза.

– Пора ехать, – крикнул Севрин из машины.

Верити его не видела, но повернулась и пошла к микроавтобусу, неся на плече сумку. Зарычал двигатель, включились фары.

Верити забралась в неосвещенный салон, дверца закрылась.

Из-за темных очков, слез и тонированных стекол ничего видно не было. Верити сняла очки и откинула капюшон. Теперь она разглядела дрона: он был пристегнут ремнем в конце ряда сидений, за Севрином.

– Сядь рядом с ним, – сказал тот из-за руля.

– Не хотела бы я сидеть к нему спиной. – Верити перешагнула через зарядник и села рядом с дроном.

– Пристегнись, – напомнил Севрин, выворачивая с площадки перед «Фабрикацией Фан».

Верити пристегнулась. Он повернул налево, к площади Джека Лондона, прочь от залива. Потом снова налево. Верити вспомнила его слова про инструкцию.

– Верити? Я Рейни, – произнес незнакомый голос, гораздо мягче, чем у Тлен. – Жена Уилфа.

Верити искоса глянула на дрона, снова представив себе миссис Дрон в шляпке с цветами.

– На твоем месте, – продолжал новый голос, – я бы сочла это наглостью, но мне захотелось представиться. Уилф работает из дома, так что я в курсе ситуации.

– У тебя не английский акцент.

– Канадский.

Верити оглядела безголовое туловище дрона, отметила контуры лючка, из которого выдвигался видеопроектор.

– Ты в Лондоне?

– Мы живем здесь, а работа у меня в Торонто.

– Что за работа?

– Связи с общественностью.

– Вместе с Уилфом?

– Нет. Мы познакомились, когда работали вместе, потом я переключилась на кризисный менеджмент. Ты обращалась к специалисту после разрыва со Стетсом?

Такой совет ей давали многие, включая Верджила.

– Нет. Это было бы продолжением того, от чего я хотела отделаться. Откуда ты знаешь про Стетса?

– Я о тебе читала.

Севрин поправил наушник и произнес что-то односложное, потом еще что-то, чуть длиннее.

– Что это за язык? – спросила Верити.

– Молдавский, – ответил он, снова поворачивая влево.

Сквозь тонированные боковые окна почти ничего было не разглядеть, невыразительный вид в лобовое стекло тоже никаких подсказок не давал.

– Сколько вас там? – спросила она дрона.

– Трое, – ответила канадка, Рейни. – Уилф сидит в контроллере. Мы с Тлен подключены по телефону. Все мы можем независимо смотреть через камеры в дроне. Уилф рассказал мне про Юнис.

– Она исчезла. Наверное, умерла, только она изначально не была живой.

– Почему?

– ИИ.

– Я бы не считала, что она была неживая, – сказала Рейни.

– Она называла себя многослойной программой. – Верити глянула на Севрина, гадая, как он воспринимает их разговор. Потом вперед, и увидела, что они снова едут по магистрали Нимица, к мосту. – Что такое контроллер?

– Он предотвращает движения тела, когда управляешь устройством. Не настоящий нейронный отсекатель, у дрона нет нервной системы. Но поскольку Уилф только учится ходить, его ноги по-прежнему немного шевелятся. Когда он идет в дроне, то здесь, сидя на диване, дергает ногами.

– Он учится ходить?

– Да, – сказал Уилф. – Спасибо.

– Тлен? Ты здесь? – спросила Верити.

– Да, – ответила Тлен.

– Ну прямо пикник, – заметила Верити.

46
Эмоциональная поддержка

Запульсировала эмблема Лоубир. Недертон языком отключил звук.

– Как я понимаю, сейчас главная работа Рейни заключается в эмоциональной поддержке расстроенных клиентов.

Недертон глянул на почти бритый затылок водителя, на старинную автодорогу впереди, на Верити справа от дрона и затемненные окна по обеим сторонам.

– Да.

– С настоящей минуты будем считать ее участницей проекта. Мне думается, они с Верити поладят. Я поговорю с ней, обсудим вознаграждение.

– Не думаю, что вознаграждение будет значимым фактором. – Недертон снова открыл глаза.

Рейни рядом не было. Он встал, прошел на кухню, налил себе стакан гранатового сока и выпил.

– Согласна, – заметила Лоубир. – Потому-то я и думаю, что ее помощь может быть полезна.

Недертон смотрел, как гаснет увенчанная маленькой короной эмблема, и чувствовал, что его понизили в должности, но все равно гордился Рейни.

47
Бестелефонность

– Рейни? Ты еще здесь? – спросила Верити.

Севрин выехал из кубриковского туннеля Трежер-Айленда на старый отрезок моста. Теперь уже не было сомнений, где они едут и куда направляются.

– Она с Томасом, – ответил Недертон.

– Кто такой Томас?

– Наш сын.

– Сколько ему?

– Одиннадцать месяцев.

У дрона вновь открылся лючок. Перископ выдвинулся и начал проецировать видео на спинку водительского кресла. Малыш в полосатом бело-синем комбинезончике сидел на светлом деревянном полу и увлеченно хлопал ладошками по большому тряпичному мячу, похожему на хэндмейдовский. Другой мяч медленно прокатился перед ребенком за край кадра.

– Лапочка, – сказала Верити вполне искренне. Тут из-за края кадра выкатился другой мяч, не тот, что она видела. – Кто катает мячи?

– Они сами катаются, все шесть, – ответил Уилф. – Наша няня.

– Что ваша няня?

– Томасу нравится и когда она сконфигурирована так, но по большей части это три панды, – сказал он.

Верити подумала, что в Лондоне есть удивительные новые гаджеты для родителей. Тут видео ребенка с мячами сменилось изображением молодой женщины за красным столом. У нее были каштановые волосы, посветлее, чем у самой Верити, и более вьющиеся.

– Рейни, – сказал Уилф. – На прошлой неделе.

Женщина встала (на ней были джинсы и черная футболка с длинным рукавом), улыбнулась и вышла из кадра. Видео оборвалось. Дрон втянул перископ и закрыл лючок.

– Куда мы едем? – спросил Уилф.

– Мы на мосту в заливе Сан-Франциско, – ответила Верити.

Севрин тронул наушник и что-то сказал по-молдавски.

Они съехали с моста и влились в поток машин.

– Как у деда Льва в гараже, только без танков, – сказала Рейни.

– Танков? – удивилась Верити.

– Дед моего знакомого коллекционирует старинные машины, – сказал Уилф, – в том числе военные.

Верити вгляделась в чернильное окно справа. Юнион-сквер? Она ощутила тоску бестелефонности, главным образом из-за невозможности посмотреть гуглокарты.

– Гири-стрит? – спросила она Севрина.

– Да. Уже близко. Приготовься.

– А как быть с ним? – Она указала на дрона.

– Тебе помогут. Приехали. – Севрин свернул влево и остановился.

– Где мы? – спросила Верити, приметив на противоположном углу вывеску аптеки «Уолгрин».

– Угол Гири и Тейлор-стрит, – ответил он.

Открылась пассажирская дверца.

В салон забрался Верджил в черном спортивном костюме с серебристыми отражающими нашивками.

– Где наш другой клиент? – спросил он.

– Вот. – Верити откинулась на спинку кресла, чтобы он увидел дрона. – Не ждала тебя.

Он широко улыбнулся:

– Помогу его донести.

– Он на колесиках, – сказала Верити. – Сверху есть ручка, выдвигается. Не споткнись о зарядное устройство. – Она указала на пол.

Севрин открыл водительскую дверцу, вышел. Закрыл ее, двинулся в обход микроавтобуса. Верити расстегнула ремень безопасности, продвинулась вдоль ряда к открытой пассажирской дверце, затем подняла ноги, пропуская Верджила. В пассажирскую дверцу заглянул Севрин, за спиной у него проехало такси.

– Не вылезай, пока он не вытащит эту штуку, – сказал Севрин.

– Что здесь? – спросила она.

Верджил, протиснувшись мимо нее, выдвинул ручку и отстегнул дрона.

– «Клифт», – ответил Севрин.

Верджил сдвинул дрона к краю сиденья, потом, держа за ручку и в районе ног, двумя руками опустил на ковер.

– Не хотел бы поднимать его на багажную полку в самолете, – заметил Вержил, поворачивая дрона за ручку, и начал пятиться мимо Верити к выходу.

Вдвоем с Севрином они опустили дрона на тротуар.

– Сумку не забудь, – напомнил Севрин.

– И капюшон накинь, – добавил Верджил.

Верити прихватила зарядник, про который Севрин с

Верджилом вроде бы забыли, накинула капюшон, надела очки, взяла сумку и вылезла. Верджил катил дрона в обход микроавтобуса.

Она и Севрин пошли следом.

– Увидимся, – сказал тот. И шагнул к водительской дверце.

Верджил втащил дрона на бордюр и направился ко входу. Верити нагнала его. Верджил приобнял ее за плечи и провел мимо охранника.

В вестибюле (разные оттенки сумеречного лилового) Верджил, не подходя к стойке регистрации, свернул влево, в сторону ведущего к лифтам занавешенного коридора. Верити обернулась на знаменитое Большое кресло, в котором ее фотографировали вскоре после знакомства со Стетсом.

– Верджил, – сказала она, – у меня вопрос. Ответь прямо сейчас, или я тебя убью.

Он покосился на нее:

– Тяжелый день?

– Хуже некуда. Куда ты меня ведешь?

– В люкс, – ответил он. – На восьмом этаже.

– Кто там?

– Стетс. – Они свернули за угол, к лифтам, лиловое свечение приобрело более темный оттенок. – И Кейтлин.

– Черт… – Она сняла очки.

– Вернулась из Нью-Йорка на «хонде».

Дверь лифта открылась, явив драматически подсвеченную пасть красновато-коричневого зеркала.

– Она там?

Дверь начала закрываться. Верджил остановил ее свободной рукой, другой придерживая ручку дрона.

– Я ее знаю. Поверь мне. Все будет норм.

– Вот. – Она сунула зарядник в ту руку, которой он держал дверь. – С меня хватит.

Верджил потянулся взять зарядник, отчего дверь начала закрываться, но он снова придержал ее, теперь уже плечом.

– Пожалуйста.

– Нет. – Она повернулась. Парень и девушка, по возрасту как раз целевая аудитория отеля, смотрели на нее одинаково пустыми глазами. – А впрочем, насрать, – сказала Верити, поворачиваясь и протискиваясь мимо него.

Дверь лифта закрылась.

48
Коридор

– Кто такая Кейтлин? – спросил Недертон у Рейни, по-прежнему в беззвучном режиме, глядя вверх на Верити и того, кого она назвала Верджилом.

Дрон стоял в лифте между Верити и незнакомцем в черном, так что Недертон видел только их подбородки снизу.

– Невеста Стетсона Хауэлла, – ответила Рейни. – Верити рассталась с ним год назад. По-дружески, хотя вряд ли она уже встречала Кейтлин.

– Кто надумал привезти меня сюда? – услышал Недертон голос Верити.

– Стетс, – ответил Верджил. – И потому, что я знаю здешний персонал.

– А она здесь зачем? – спросила Верити.

– Захотела. Других причин для нее не существует.

– Так говоришь, она норм? – сказала Верити.

– Она взрослая девочка, – ответил Верджил. – К вниманию прессы привыкла еще до встречи с ним. Учитывая, что она – новое модное слово в архитектуре, во всяком случае по уверениям СМИ, плюс красавица, ей с ним легко. Она нам всем по душе.

– Кто такой Верджил? – спросил Недертон у Рейни.

– Так называемый помощник Хауэлла, – ответила она. – А на самом деле главный советник, что его вполне устраивает. Верджила, в смысле.

Лифт остановился, кабина открылась.

Дрона выкатили в слегка наклонном положении. Недертон видел сменяющиеся потолочные светильники. По длинному светло-лиловому коридору, мимо дверей нежно-одуванчикового цвета.

Верджил идет быстрым шагом, догадался Недертон, чтобы Верити не передумала.

49
Люкс

Верити остановила Верджила перед неглубокой нишей с овальным зеркалом без рамы, от пола до потолка, у дальней стены. Зона отдыха, вероятно, если вам приятно отдыхать в прозрачном акриловом кресле под неустойчиво высоким, пугающе анаморфным торшером.

Верити поставила сумку на фантомное кресло, положила сверху зарядник, сняла и повесила на спинку черное худи. Повернулась к зеркалу, поправила жакет. Намного лучше не стало.

– Кейтлин не заморачивается насчет шмоток, – сказал Верджил. – Носит свитера с протертыми локтями, но классические кашемировые. У них так принято.

– У кого?

– У наследственных франко-ирландских богатеев.

Верити проверила в зеркале свой макияж. Вернее, его отсутствие. Такой они ее увидят. Потом вытащила из сумки гигиеничку и все-таки подвела губы.

– Я понесу твои вещи. – Верджил прислонил ручку дрона к стулу и взял зарядник. – Сможешь им руки пожать, если надо будет.

– В карманах худи еда, – сказала Верити. – Не раздави. Сумку я сама возьму.

Верджил аккуратно накинул худи на зарядник.

– Это зачем? – Он указал сперва на зарядник, потом на дрона.

– Видел на «Ютубе» безголовую военную собаку-робота? Это типа того, – ответила Верити.

– Только без ног?

– Ноги есть, но они втянуты.

– Так-то лучше. – Верджил взял дрона за ручку.

Верити повесила сумку на плечо, и они двинулись по коридору.

У пятого или шестого номера Верджил остановился, передал ей ручку и достал из кармана телефон. Тронул экран. Звякнула дверная цепочка.

Ближайшая к ним дверь открылась. Стетс, улыбаясь, жестом пригласил Верити войти.

– Привет.

– Привет. – Она втянула дрона за собой, удивившись его весу.

Верджил вошел следом. За спиной у них Стетс захлопнул

дверь и закрылся на цепочку.

Верити оглядела номер. Он мог либо разочаровать, либо успокоить, в зависимости от того, понравился ли вам вестибюль. Мебель светлого дерева, лилово-сиреневые оттенки приглушены, из недавно ультрамодного только акриловая тумбочка и журнальный столик оттенка жженого апельсина. Комната больше тех, что Верити видела здесь прежде. Из соседней вышла девушка.

– Кейтлин Бертран, – представилась она. Верити вспомнила выражение интернет-таблоида: «Похожа на молодую, но свирепо решительную Франсуазу Арди»[36]. – Рада познакомиться.

– Верити Джейн. Взаимно.

– А это, – сказал у нее за спиной Стетс, – должно быть, он.

Верити обернулась. Стетс смотрел на дрона.

– Зачем я здесь, Стетс?

– Юнис, – ответил он.

– Она исчезла.

– Она позвонила мне после того, как ты уехала с Верджилом. Сперва добавила подробностей по Сингапуру, потом у нас получился более общий разговор. – Стетс глянул на дрона. – Он нас слышит?

– Да, мистер Хауэлл, – ответила Тлен.

– Это Тлен, – сказала Верити. – Там с ней по меньшей мере еще двое.

– Мой коллега, Уилф Недертон, – сказала Тлен.

– Рад знакомству, – произнес Уилф.

– И Рейни, – добавила Тлен. – Его жена.

– Она с малышом, – сообщил Уилф.

– Кто вы? – спросил Стетс так, будто интересовался погодой.

– Британцы, – ответила Тлен.

Верити отдала Верджилу ручку дрона и забрала у него худи. Он положил зарядник на шкафчик – видимо, мини-бар. Она села на диван, утонув в сиреневой коже, сумку «Мудзи» поставила рядом и сказала:

– Извините, мне надо что-нибудь съесть прямо сейчас.

Отыскала карман, вытащила пиццу Кэти Фан. Салфетка так промаслилась, что стала прозрачной. Верити развернула пиццу, откусила.

– Может, лучше заказать тебе что-нибудь в номер? – спросил Верджил.

Верити мотнула головой, проглотила.

– Дайте человеку поесть. – Кейтлин села рядом с ней на диван.

Верити откусила второй кусок пиццы, свободной рукой охлопала худи, вытащила завернутое в салфетку мегаканапе и

протянула Кейтлин. Та развернула, отщипнула кусочек с краешку и тут же откусила треть.

Стетс теперь стоял перед ними и что-то делал с коленом через ткань серых спортивных штанов. Щелчок. Верити вспомнила про ортез. Стетс опустился на круглый лиловый пуфик.

– Они мне сказали, – начала Верити, как только доела пиццу, – что не знают Юнис лично, но знают тех, кто знает.

– Вам знакома стратегическая концепция спорно контролируемых территорий? – спросила Тлен.

– Да, – ответил Стетс.

– Ваши военные разрабатывали ноэтического агента, оптимизированного для операций на таких территориях. Предполагалось, если местная инфраструктура не обеспечивает адекватную связь, его можно будет доставить туда как мобильный, автономный, самостоятельно действующий объект. Одним из таких агентов была Юнис, хотя к тому времени, как мы ее обнаружили, она, по сути, представляла собой прототип. Ее прибрала к рукам «Курсия», планирующая запустить на ее основе гражданский продукт с сохранением части прежнего функционала. Это избавило нас от прямого контакта с вашими военными разработчиками, среди которых скорее попались бы люди, способные распознать нашу аномальность.

– ИИ? – спросила Кейтлин.

– Да, – ответила Тлен, – однако на более раннем этапе проект был объединен с другим, по загрузке в компьютер комплекса человеческих умений. Так что это ИИ дефис загрузка сознания. Гибрид.

– Когда она со мной говорила, – сказал Стетс, – я так примерно и понял.

– И это оно? – спросила Кейтлин, глядя на дрона.

– Нет, – ответила Тлен, – это просто дрон, который мы используем для удаленного присутствия.

– Очевидно, не массовый продукт, – заметила Кейтлин. – Что само по себе всегда интересно.

– Отстегните застежки транспортного чехла, – сказала Тлен.

Верджил сощурился.

– Если он может двигаться, мы правда этого хотим? – спросил он Стетса.

– Юнис так посоветовала, – ответил Стетс, – и особенно подчеркнула, чтобы мы доверяли тем, с кем нас сведет Верити.

– Интересный, наверное, был разговор, – заметил Верджил, скептически наклонив голову.

– Очень, – сказал Стетс.

Верджил вновь сузил глаза:

– Значит, ты доверяешь тем, кто управляет этой штуковиной, возможностей которой мы пока не знаем, потому что этого, как ты считаешь, хотел бы от тебя ИИ?

– В данных обстоятельствах – да, – ответил Стетс.

Верджил перевел взгляд с него на Кейтлин, потом на Верити и встал на колени перед дроном. Щелкнули застежки. Скоро черный чехол уже лежал на ковре.

Дрон выдвинул ноги, встал, по-прежнему скрестив паучьи лапы, и на удивление уверенно шагнул вперед. Он поклонился в сторону Кейтлин и Верити, затем быстро подошел к оранжевому акриловому столику, где лежал сан-францисский глянцевый журнал. Из рук выдвинулись маленькие белые клещи. Дрон взял ими журнал и быстро пролистал до страницы, которую и продемонстрировал людям. Это был черно-белый портрет Кейтлин.

– В исходной документации, с которой работала Кэти Фан, конкретных манипуляторов не было, – сказала Тлен. – С ними нам помог ветеран, управлявший подобным дроном в бою.

Дрон захлопнул журнал и положил обратно на стол.

– Вы свели Юнис с теми, кто его сделал? – спросил Стетс.

– Мы дали ей подсказку, – ответила Тлен, – а она сама с ними связалась. Наше общение с Юнис было ограниченным.

– Почему так? – полюбопытствовал Стетс.

– Довольно сложно ответить, – сказала Тлен. – Возможно, объяснения могут подождать.

– Это как-то связано с тем, что мне она тоже поручила кое-что изготовить? – спросил он.

Верити, Кейтлин и Верджил посмотрели на него. Потом снова на дрона.

– Что именно? – спросила Тлен.

– Интерфейс.

Стетс достал из-за лилового дивана большой футляр черного пенопласта и поставил на мини-бар рядом с зарядником дрона. Выглядел футляр нетяжелым. Стетс открыл застежки, напомнившие Верити пеликановский кейс с дронами, и одним движением снял крышку и борта. Внутри оказалась белая женская головка-манекен в черном мотоциклетном шлеме. Шлем был утыкан разнообразными черными компонентами и походил на кое-как сляпанный реквизит для киберпанковского косплея.

– Нейронный контроллер-отсекатель, – сказал Уилф. – На мне сейчас такой. Тлен управляет дроном через него.

– Я думала, вы в разных местах, – заметила Верити.

– По телефону, – сказал Уилф, – через мой контроллер.

– А я так могу?

– Нет, – ответил Уилф.

– Почему?

– Сложно объяснить.

– Вы все так говорите.

– Не хочешь еще что-нибудь съесть? – спросила ее Кейтлин. – Мы все время забываем, что у тебя был трудный день.

Она строго глянула на Стетса и Верджила.

– Я хочу получить назад свой телефон, – ответила Верити. – И еще мне надо вымыть руки.

Она встала.

– Я тебе покажу, где здесь что. – Кейтлин тоже поднялась с дивана.

Верити взяла сумку и пошла за Кейтлин в комнату побольше.

– Это бизнес или что-то другое? – спросила Кейтлин, закрыв за ними дверь.

– Юнис очень деловая, – сказала Верити. – Но мне не показалось, что бизнес для нее главное.

– То же самое можно сказать о Стетсе, как ты наверняка знаешь.

– Да, но они разные.

– Согласна, – ответила Кейтлин. – Как я поняла, ты знаешь ее лучше других.

– Да, но общались мы только с понедельника до середины сегодняшнего дня.

– Стетс не считает ее человеком, но говорит о ней как о человеке, – сказала Кейтлин.

– Мне все время кажется, что она была человеком, – ответила Верити, и по левой щеке у нее скатилась слеза.

Кейтлин взяла из диспенсера в уборной туалетную бумагу и принесла Верити.

– Ты тут будешь в безопасности. Верджил останется с тобой, мы со Стетсом вернемся во Фримонт. Ты небось с ног падаешь от усталости. Утром поговорим.

– В трейлер поедете?

– Да. И твои лондонцы останутся с тобой. Юнис просила Стетса, чтобы дрон не спускал с тебя глаз. Такое чувство, что ты в центре очень необычных событий. Никогда прежде не видела Стетса таким увлеченным. Меня это безусловно так или иначе заденет, но все, кого я уважаю в команде Стетса, очень высокого о тебе мнения.

– Спасибо, – ответила Верити, глядя на нее.

– Не за что. А теперь ложись спать.

И Кейтлин ушла, закрыв за собой дверь.

Верити оглядела комнату.

Больше, с более широкой кроватью, с бóльшим телевизором. В центре квадратная лиловая мегатумба, на ней, на подносе, бокалы и ведерко для льда.

Верити отнесла сумку в ярко освещенную ванную, расстегнула молнию и повесила раскрытую сумку на дверь. Закрылась. Расстегнула центральную внутреннюю молнию. Здесь, похоже, было все, что она взяла к Джо-Эдди, включая аккуратно свернутый вкладыш от спального мешка. Косметика в правом кармане с горизонтальной молнией, средства для волос и зубов – в левом. За зубной пастой, как Верити уже заметила на крыше «Фабрикации Фан», лежал ее паспорт. Она для проверки глянула на неулыбающуюся фотографию заметно более молодой себя, еще не познакомившейся со Стетсом. Перелистав страницы, прочла свое время с ним по штампам мест, куда он ее возил и где она, возможно, никогда бы не побывала сама. Закрыла паспорт, убрала обратно, почистила зубы, воспользовалась унитазом, умыла лицо и руки и вернулась в первую комнату.

Верджил стоял с косплейным шлемом в руках, Кейтлин и Стетс – рядом с ним.

– Они хотят, чтобы ты это надела. – Верджил кивнул на дрона.

– Лондон, – сказала Тлен. – Посмотришь и увидишь.

– Там будет что-то вроде дрона? – спросила Верити.

– Совершенно другое, – ответила Тлен. – Увидишь.

– Что я должна буду сделать?

– Сядь на диван. Верджил поможет приладить шлем. Тебе надо будет нанести на волосы немного соленой пасты, но она легко смывается. По нашей команде закроешь глаза. Потом откроешь.

Верити перевела взгляд с дрона на Верджила, затем на лиловый кожаный диван, потом на Стетса и Кейтлин рядом с Верджилом.

– Ты не обязана этого делать, если не хочешь, – сказала Кейтлин.

– А ты бы сделала?

– Да, – ответила Кейтлин. – Хотя бы из любопытства.

– Хорошо, – сказала Верити. – Но это не может быть так просто.

– Все немного сложнее, – ответила Тлен.

Верити подошла к дивану и села.

50
С Флорал-стрит

– У них есть контроллер, – сказал Недертон Рейни.

Перед тем как открыть глаза, он отключил звук. Рейни сидела на другом конце дивана, босая, подтянув колени к подбородку.

Возникла эмблема Лоубир.

– Я недооценила возможности Хауэлла, – сказала она. – И возможности Юнис тоже. По-видимому, она заранее скопировала схему внутри дрона. Скорее всего, хотела всего лишь, чтобы Верити могла управлять дроном в своем срезе, если потребуется. Но скоро у вас будет гостья.

– Да? – спросил Недертон.

– Периферал Флинн направляется в вашу квартиру, – сказала Лоубир.

– Верити в перифералии Флинн? – уточнил Недертон.

– Замечательно! – воскликнула Рейни, услышав.

– Где она хранится, когда Флинн ей не пользуется? – спросил Недертон. Почему-то раньше ему эта мысль не приходила.

– В спа для пери на Флорал-стрит, – ответила Лоубир.

– И что она там делает?

– Спит. Получает питание и косметический уход. Занимается аэробикой и йогой.

Если бы Лоубир добавила секс и легкие наркотики, получился бы образ жизни многих его знакомых по холостяцким дням.

– Входит в конюшни, – сказала Лоубир. Ее эмблема погасла.

– Входит сейчас в конюшни, – повторил Недертон для Рейни.

Она встала и подошла к окну.

Недертон присоединился к ней.

Приближающаяся фигурка прошла под фонарем.

– Спустись и приведи ее, – сказала Рейни.

– Это не Флинн, – ответил он.

– Не заставляй ее звонить.

Недертон собрался снять контроллер, потом передумал. Пери сейчас управляется заводским ИИ. Некому его разглядывать, а тем более думать, что у него на голове что-то нелепое.

Спускаясь на два пролета (Рейни настаивала, что ходить по лестнице полезнее, чем ездить на лифте), Недертон вспоминал, как впервые увидел периферал, тогда еще без Флинн, в мертвенном голубоватом свете того, что Лев свысока называл отцовским «домом утех» – китчевого эротического кошмарища на

Кенсингтон-Гор. Тогда она глянула на него с тихим безразличием. Чувство было такое, будто он привлек внимание исполинской полуодушевленной орхидеи.

Лев объяснил, что у нее нет пищеварительного тракта, поэтому она не ест и не испражняется. Ей необходима инъекция питательного раствора раз в сутки и регулярная гидрация.

Теперь она ждала за дверью с тем же выражением, карие глаза смотрели на него из-под каштановых волос. Кто-то, наверное Лоубир, сказал ему в то время, что ей десять лет, хотя выглядела она на тридцать с небольшим, и тогда, и сейчас.

– Заходи, – сказал он.

Дверь открылась в ответ на это слово.

– Сюда. – Он указал на лифт, который открылся при их приближении.

На ней были черные кеды с ярко-белыми подошвами, серые штаны с резинкой на щиколотке и черная курточка-кимоно. И выглядела она как Флинн. Вернее, сходство между ними было лишь самое поверхностное, однако Недертон привык воспринимать эту периферaль как физическую аватару Флинн.

51
Интерпретации

– Говори, что делать, – сказала Верити.

Дрон стоял перед ней. Электропроводящий гель, которым Верджил намазал ее волосы, холодил лоб, и Верити боялась, что он попадет в глаза.

– Устройство в Лондоне, – сказала Тлен из динамика дрона, – несопоставимо сложнее этого.

На Гири-стрит разом засигналили несколько машин. Верити гадала, слышит ли их Тлен.

– Как я смогу им управлять, если Уилф в этом еле ходит?

– Прозрачность интерфейса, – сказала Тлен. – Тебе не надо учиться им управлять. Скорее уж надо учиться не делать к этому попыток.

– Где оно там, у вас?

– В квартире Уилфа и Рейни в Фицровии. Только что прибыло.

– Что будет здесь, пока я буду там?

– Ничего. Нейрологически ты будешь в другом месте.

– Почему у вас в Лондоне все настолько продвинутое?

– Скоро узнаешь, – ответила Тлен, – если закроешь глаза.

Верити послушалась.

– Тебе кое-что надо иметь в виду, когда мы включим контроллер, – сказала Тлен. – Полагаю, сейчас ты испытываешь энтоптические явления. То есть видишь обычные фосфены[37]. Возможны интерпретации.

– В каком смысле?

– Левое полушарие пытается наделить случайное узнаваемыми атрибутами. Например, когда ты видишь лица в облаках. Энтоптика периферали отличается от твоей и вообще от чьей-либо. Зная это, ты сможешь визуально определить порог нейрологического перехода по разнице энтоптических явлений, смене фосфеновой картинки. Но, пожалуйста, не открывай глаза, пока Уилф тебе не скажет. Скорее всего, потребуется не больше десяти секунд.

– А в чем дело?

– Если совершать переход с открытыми глазами или открыть их сразу после, возникнет тошнота. Когда откроешь их, старайся поначалу двигаться медленно. Возможна также дисморфия, но она довольно быстро проходит.

– Дисморфия? – С закрытыми глазами, гадая, когда начнутся

интерпретации.

– Конкретные симптомы похожи на постуральную гипотензию, – сказала Рейни. – Голова кружится, когда встаешь, можно сознание потерять.

– Это все альфа-версии? Дрон, контроллер, то, что у вас в Лондоне?

– Нет, – ответила Тлен. – Готова?

– Давай, – сказала Верити; на Гири-стрит снова загудели машины.

Край иначе текстурированного багрового пятна медленно проплыл за веками, справа налево, и в тот же миг гудки сменились тишиной другого помещения.

– Не открывай глаза, – неожиданно близко произнес Уилф.

– Хорошо, – сказала Верити и тут же поняла, что это не ее голос.

– Это все равно что одолжить на время чужое тело. – Голос Рейни доносился с другой стороны. – Ты получаешь все его чувственное восприятие.

– Открывай, – сказал Уилф.

Верити увидела комнату, освещенную теплым, более ярким светом. Стены – определенно не лиловые, а светло-серые – напомнили ей оправу тульпагениксовских очков.

– Здравствуй, – произнес темноволосый мужчина примерно ее возраста, с дурацким серебристым обручем на голове.

Он пристально смотрел на Верити, как будто поверх очков, которых на нем не было. Судя по позе, он только что встал с дивана, на котором сидела она сама. Диван был меньше, чем в «Клифте», коричневый.

– Уилф? – Ее новым голосом это прозвучало как окрик на допросе.

– Да. – Он неубедительно улыбнулся. – А это Рейни.

Из-за дивана выступила женщина. Верити узнала ее по видео, которое Уилф показал в микроавтобусе.

– Дисморфия бывает не у всех, – сказала она. – И мне кажется, опасность головокружения сильно преувеличивают. У меня ни того ни другого никогда не было. Но говорят, они сильнее всего, когда первый раз встаешь.

Верити встала. Перед глазами поплыло. Она поспешно села, руки – не ее – вцепились в колени чьих-то чужих серых штанов.

– Значит, я была неправа, – проговорила Рейни. – Я бы предложила тебе воды, но она сказала мне, что недавно заправилась.

Верити пошевелила пальцами. Ногти такие ухоженные, каких у нее в жизни не было, короткие, округлые, покрыты лаком.

– Кто «она»?

– Твоя перифераль, – ответил Уилф. – Без пользователя она управляется гермесовским ИИ.

– Чьим? – Верити подняла на него взгляд.

– Изготовителя, – сказала Тлен.

Голос прозвучал неожиданно. Верити обвела глазами комнату, потом видимую часть прилегающей кухоньки, тоже ярко освещенной. Появилось видео-окошко.

– Ты Тлен? – спросила Верити у женщины в окошке, очень бледной на фоне такой же светлой стены, по которой двигались нарисованные газели. Глаза у женщины были большие и серые.

– Да.

– Как я получаю эту трансляцию?

– Через телефон, – сказал Уилф. – Он у пери встроенный.

– У кого? – спросила Верити.

– У периферали, – ответил Уилф. – Это квазибиологическая аватара удаленного присутствия.

Верити оглядела комнату. Серые стены, светлый деревянный пол, скандинавская мебель.

– Попробую еще раз. – Она медленно встала и на сей раз ощутила лишь легкое головокружение.

– Здравствуй, Верити. – Рейни шагнула вперед и пожала ей руку.

– Я чувствую твою ладонь, – изумилась Верити.

– Для меня это тоже новое. – Рейни выпустила ее руку. – Только иначе, чем для тебя. Этой пери раньше пользовалась одна наша знакомая, которая тоже живет не в Лондоне. Пери сделана не по ее внешности, но, поскольку я встречаюсь с ней только здесь и обычно она бывает в этой пери, мне все время кажется, что ты – это она.

– Где Томас? – спросила Верити.

– В детской, с нянюшкой.

– Если буду нужна, я на связи, – сказала Тлен. Видеоокошко исчезло.

Верити глянула на Рейни:

– Насколько новые эти технологии?

– Не очень новые. Хотя точно не знаю.

– Стетс знал бы – рассказал мне. Если это не прототипы прошлого года.

– Вообще-то, – сказала Рейни, – ты права.

– Да?

– Ты хорошо знаешь Лондон?

– Была здесь раз пять. Последний раз перед тем, как ваши чуть не проголосовали за выход из ЕС.

– Я думала, мы выйдем погулять с Томасом, – сказала Рейни, – чтобы ты привыкла к периферали и посмотрела Лондон. Но позвонила начальница Уилфа. Ее автомобиль стоит перед домом, и она зовет нас присоединиться. Про технологии она тебе объяснит, а я добавлю, если потребуется. Уилф будет участвовать из дома, приглядывая за Томасом. И Тлен тоже.

Рейни глянула на мужчину в матовом серебристом обруче, и Верити подумала: может, он надел эту штуковину, чтобы позабавить ребенка?

– У нее в машине есть зеркала? – спросила его Рейни.

– Если она по-прежнему в режиме кармана Черчиллевского жилета, то нет.

Рейни надела темный жакет.

– В лифте есть зеркала, на всех трех стенах, от пояса и выше, – сказала она Верити. – Смотри в пол, а то может случиться дисморфия, если это не очередная сказочка про пери. Оставь зеркала на обратный путь.

В дверях Верити обменялась взглядом с мужчиной, который был Уилфом, потом двинулась за Рейни и спросила ее в затылок:

– Где это?

– Фицровия.

– Не знаю такой.

– Рядом с Блумсбери, – ответила Рейни; лифт открылся. – И помни, глаза в пол. – Она пропустила Верити и быстро вошла следом, пока дверь не закрылась. – В вестибюле зеркал нет.

Все время недолгого спуска Верити смотрела на черно-белые носы кед.

Дверь открылась.

Вестибюль был маленький, примерно как в «Фабрикации Фан», но этим сходство заканчивалось.

– Давно вы здесь живете? – спросила Верити, просто чтобы не молчать.

– Со второго месяца моей беременности. Когда мы с Уилфом познакомились по работе, он жил в гостиницах.

– Ты работаешь в Канаде?

– В Торонто. Я переехала сюда к Уилфу. Фирма хочет сделать периферал с меня, для общения с клиентами, но я лучше уволюсь, чем на такое соглашусь.

Она подняла руку, и синяя дверь со стеклянным окошком открылась, впустив промозглый воздух.

– С тебя?

– Чтобы она выглядела как я и говорила моим голосом. А я, как мать, согласиться не могу.

– Почему?

– Боюсь, что она меня переживет, если я попаду в аварию или что-нибудь такое. – Рейни подняла воротник. – Из-за Томаса. Для детей это ужасно. И такое уже бывало, так что опасения не гипотетические.

Верити не знала, что ответить, и глянула вниз, на свою курточку. Она было вроде как для восточных единоборств, из тонкой темной материи.

– Не волнуйся, – сказала Рейни, проследив ее взгляд, – она уже нагревается.

Они вместе вышли на улицу.

– Плохо, если меня не станет, но будет что-то в точности как я, какой Томас меня запомнил, и при этом не стареющее.

– Не стареющее?

– Они старятся, просто гораздо медленнее, – ответила Рейни.

Верити огляделась. Белое здание, в котором жила Рейни, запечатывало выход из проулка, который странным образом сужался к ярко освещенной большой транспортной артерии.

– Что там за улица?

– Тотнем-Корт-роуд, – ответила Рейни.

– Ты сказала «все чувственное восприятие»?

– Да.

– Не могу уловить его запаха.

– Запаха чего?

– Лондона. И не слышу машин. И по улице никто не прошел с тех пор, как мы вышли из дома.

Позади Рейни, примерно в третьей части пути до улицы, которую она назвала Тотнем-Корт-роуд, возник – нарисовался по пикселям – автомобиль, похожий на бескрылый фюзеляж винтажного самолета.

– Что это?

– Ее машина.

– Чья?

– Лоубир.

– Это голограмма?

– Нет, – ответила Рейни. – Ты видела, как она демаскируется.

Верити вспомнила, как Стетса убеждали финансировать цифровой камуфляж. Рейни двинулась к машине, Верити нагнала ее. И по-прежнему ни одной машины на Тотнем-Корт-роуд, даже прохожих нет. Воздух был чище, чем в Миссии, но холоднее. Куртка периферали и впрямь вроде бы нагревалась.

В лишенном окон боку автомобиля, микроавтобуса, или уж что это такое, открылась дверца. Вышла фигура, силуэт на фоне света изнутри. Стройная, широкоплечая, в элегантном костюме мужского покроя.

– Добро пожаловать в Лондон, – сказала женщина. Сейчас Верити увидела, что она очень старая. Лицо в свете из салона младенчески розовое, на коротко стриженных седых волосах взбит высокий кок. – Как прошел переход?

– Мне сказали, бывает хуже. – Верити обернулась на дом Рейни, увидела силуэт Уилфа в окне третьего этажа.

– Заходите, пожалуйста, – сказала женщина, указывая на машину. – Кстати, я – детектив-инспектор Эйнсли Лоубир из Лондонской полиции.

– Вы полисмен?

– В некотором смысле.

Она посторонилась, пропуская Рейни в машину. Верити двинулась за Рейни и увидела, что из дверцы выдвинута складная ступенька.

– Любое кресло за столом, – раздалось сзади. – Спасибо.

Вогнутые стены были бежевые, глянцевые. Ни руля, ни водительского сиденья, никаких видимых элементов управления, даже окон нет, в том числе лобового. Овальный стол темного дерева, вровень с полом и размером как большой поднос, окружали четыре кожаных кресла. Маленькие, зеленые, они как будто утопали в мягком, застланном ковром гнездышке. Все уютное и в то же время серьезное и как будто даже армейское.

Как только они сели, дверца закрылась.

– Добро пожаловать. – Седая женщина с необычно синими глазами опустилась напротив Верити. – Приношу извинения за то, что по моей вине у вас выдалась тяжелая неделя.

– По вашей вине?

– Боюсь, что так.

– Каким образом?

– Мы с Тлен постарались устроить так, чтобы «Тульпагеникс» вас наняла. Вы не очень боитесь высоты?

– А что?

– Я бы хотела сейчас подняться.

– Подняться?

Что-то почти бесшумно надавило на крышу. Верити вспомнилось, как к спальному кубу Кэти Фан доставили ее сумку «Мудзи». Только сейчас все было гораздо тише и без тогдашнего ощущения сильного, но очень точного контакта.

52
Осанка и походка

Глядя сверху на периферал, Недертон решил, что, когда в ней Верити, она уже не похожа на Флинн. Что было и к лучшему, хотя в итоге он скучал по Флинн.

Он наблюдал в окно, как она идет за Рейни к машине Лоубир. Не то чтобы он мог указать на конкретные отличия в осанке и походке, однако мозг каким-то образом чувствовал разницу. Недертон знал, что полицейские программы умеют по этим признакам выделять человека из толпы.

Чуть раньше, когда периферал вошла под управлением гермесовского ИИ, Недертон вспомнил, как редко теперь видится с Флинн. Он человек семейный, детный, она тоже, да и вмешательство Лоубир в дела родного среза Флинн поглощало все ее время.

Он закрыл глаза и вернулся к видео с дрона. Верити сидела на прежнем месте, на светлом диване в сан-францисском отеле, под доморощенным контроллером. Веки у нее были опущены. Верджил, встречавший микроавтобус перед отелем, придвинул себе кресло и теперь сидел напротив Верити, погрузившись в экран наладонного телефона.

Недертон открыл глаза. На Альфред-Мьюз бесшумно опускался квадрокоптер. Его черная прямоугольная платформа была размером с автомобиль Лоубир. На памяти Недертона Лоубир редко им пользовалась, а сам Недертон все эти разы был ее пассажиром, так что никогда не видел квадрокоптер со стороны. Несколько палых листьев бешено закружили в воздухе. Квадрокоптер крепко зацепил машину. Недертон пожалел, что Томас этого не видит.

Затем квадрокоптер плавно пошел вверх, поднимая машину, которая теперь составляла с ним единое целое. Томас наверняка был бы в восторге.

53
Над Лондоном

– Приношу извинения за нашу спешку, – сказала седовласая женщина. Машина поднималась как во сне, без рывков, создавая иллюзию идеально бесшумного скоростного лифта. – Не будь ситуация настолько безотлагательная, мы бы знакомили вас с различными концепциями более постепенно, однако сейчас, боюсь, на это нет времени.

– Дисморфия не чувствуется? – просила Рейни, глядя на Верити.

– Нет, – ответила та. – Безотлагательная? – спросила она у седовласой женщины.

Бежевую гладкость стен сменили вогнутые экраны. Оба показывали панораму ночного неба над городом.

– Приглядись внимательнее. – Рейни встала и вылезла из коврового углубления.

Она подала Верити руку, и та встала, чувствуя легкое головокружение. Рейни отпустила руку и подошла к экрану. Верити последовала ее примеру.

– Триста пятьдесят метров, – проговорила женщина, не вставая.

– Черт, – вырвалось у Верити, когда она дошла до края застланного ковром пола.

За ним, до горизонта, тянулся ряд одинаковых небоскребов. Верити опустила взгляд и увидела змеящуюся между ними реку.

– Вот. – Рейни указала на что-то, что Верити не могла различить. – Лондонское око[38]. Единственная высокая конструкция, помимо изначального Шарда[39], которую ты могла видеть раньше. Все остальные снесли. Те здания мы тоже зовем шардами, по первому. Относительно немногие из них жилые.

– Что в них?

В небоскребах горели редкие окна, если, конечно, это были окна.

– Они очищают воздух, – сказала женщина, тоже вставая.

Более старый, более низкий город у подножия небоскребов казался в сравнении с ними лишайником. А там и леса есть, заметила Верити, соединенные зелеными аллеями.

– Это Темза? – спросила она.

– Конечно, – ответила Рейни.

Только на реке было куда больше мостов, по меньшей мере два засажены собственным лесом. И притоки, ни одного из

которых Верити не помнила. Некоторые были закрыты стеклом и освещены.

– Компьютерная игра, – сказала Верити. – Виртуальная реальность, дополненная реальность. Игрушка.

– Это самое частое первое предположение, – ответила женщина. – Хотя, полагаю, уроженцы эпохи более ранней, чем ваша, заподозрили бы сон, галлюцинацию либо путешествие в волшебную страну.

– Вы хотите сказать, это будущее?

– Допустите эту мысль. Частично, так сказать. Просто как возможность.

– Только это не ваше будущее, – вставила Рейни. – Ваш две тысячи семнадцатый разошелся с нашим в две тысячи шестнадцатом.

– Вообще-то, чуть раньше, – заметила женщина. – В две тысячи пятнадцатом.

– А сейчас якобы какой? – спросила Верити.

– Две тысячи сто тридцать шестой.

– Как, вы сказали, вас зовут?

– Лоубир.

Верити отвернулась от окна. Она успела заметить, как мало внизу движется фар.

– Не то чтобы я вам хоть сколько-нибудь поверила, – сказала она, – но это вовсе не так плохо, как нам обещают в будущем. Что с глобальным потеплением?

– Шарды, – сказала Тлен, не включая видео, – составляют компенсаторную систему. Пытаются, не вполне безуспешно, стабилизировать атмосферу.

– И это должно объяснять Юнис? – спросила Верити. – Что она из будущего?

– Нет, – ответила женщина, представившаяся как Лоубир. – Юнис из вашей эпохи. Она – плод военного проекта в нашем общем прошлом. Когда мы ее нашли, она была в собственности «Курсии». Вернее, программы, которые ее создали, были украдены из военного проекта.

– Мы уже объясняли такое людям в твоей ситуации, – сказал Уилф. Тоже только голосом, без видео. – Обычно им труднее всего усвоить, что это не их будущее. И что мы не знаем будущего их среза. Как и собственного, кстати.

– Среза?

– Чрезвычайно неудачное выражение, закрепившееся, увы, в здешнем обиходе, – сказала Лоубир. – И к тому же неточное, поскольку ваш континуум не оборвется. Он кажется коротким нам, но лишь потому, что только-только отделился от нашего

общего прошлого. Родился, так сказать. Однако термин отражает также имперский аспект нашей деятельности, поскольку мы считаем, что так называемые срезы отделяются от нашего континуума. Механизм, который позволяет их порождать, находится здесь, хотя природа его неизвестна. Срезы не могут порождать собственные срезы.

Верити заморгала, чувствуя себя потерянной.

– Что это за трехрукие штуковины на Темзе… – она указала рукой, – с маяками на концах?

– Трилистники, – ответила Рейни. – Приливные электростанции. Они перемещаются по реке, оптимизируя выработку тока. Острова – часть системы и перемещаются вместе с ними.

– «Курсия» не первая игровая компания, с которой я сотрудничаю, – сказала Верити. – Предыдущая могла бы такое сделать. Я ставлю вам высокую оценку за глубину проработки и отсутствие банальщины, но почему я должна считать это реальностью?

– Не худший способ упорядочить первоначальные впечатления, – ответила Лоубир.

– А что за безотлагательность, о которой вы упомянули? – спросила Верити.

– Эль-Камышлы, – сказала Тлен. – В нашем прошлом этой ситуации не было. Мы не знаем, как далеко может зайти у вас ядерный конфликт, но прогнозы самые мрачные.

– А вам-то что? – спросила Верити. – Вы не там.

– И вы, и все в вашем мире так же реальны, как мы, – сказала Лоубир. – И поскольку вы нам небезразличны, нам нужна ваша помощь.

– Моя?

– Юнис создала сеть, явив чудеса спецподготовки, – сказала Лоубир. – Как представляется, сеть эта существует главным образом для вашей защиты. Наш доступ в ваш срез ограничен. Если вы присоединитесь к нам, то присоединится и сеть.

– И что тогда?

– Тогда, – сказала Тлен, – мы получим агента влияния в вашем срезе.

Верити перевела взгляд с Лоубир на Рейни, потом снова на Лоубир:

– Если я соглашусь, как это будет выглядеть?

– Вам придется исчезнуть, – сказала Лоубир. – Но для «Курсии» вы уже исчезли. Сегодня.

54
Проверка систем

Недертон зашел глянуть на Томаса. Тот спал в северном сиянии, нянюшка в виде трехчастного пандаформа свернулась на полу вокруг кроватки.

Когда он вернулся на кухню, запульсировала незнакомая эмблема, официального вида, американская.

– Да?

– Уилф, – произнес мужской голос с акцентом округа. Пульсация прекратилась.

– Алло?

– Коннер, ёпта. Пенске. Сто лет не пересекались. Как сам-то?

Видео не появилось. Недертон вспомнил, что последний раз видел Коннера в записи инаугурации кузена Леона. Тогда на нем был крайне нехарактерный темно-серый костюм, шитый на заказ филадельфийской фирмой. Ее выбрал Гриф, молодая версия Лоубир в том срезе, сам памятник портновскому искусству Джермин-стрит, хотя в округе и стал носить вощеные куртки и замшевые дезерты. В костюме Коннер напоминал скорее начинающего американского дипломата, чем заговорщиков из Секретной службы, от которых должен был оберегать Леона.

– Спасибо. А ты?

– Не жалуюсь, – сказал Коннер. – Погода здешняя заколебала.

– Ты на Аляске с Леоном?

– В Вашингтоне. Он типа умаслил сепаратистов и вернулся. Эйнсли говорит, у вас новый срез.

– Для меня новый, – ответил Недертон.

– Говорит, от Веспасиана остался. Кто этот черный чувак? Клюет носом в кресле.

Недертон сообразил, что Коннер сейчас в дроне, и открыл глаза.

Как раз в это мгновение Верджил вскинул голову и заморгал. Недертон заглушил звук, идущий от его контроллера к динамику дрона. Верджил во все глаза смотрел на дрона.

– Это Верджил, – сказал Недертон Коннеру. – Он работает на Стетсона Хауэлла, бывшего бойфренда Верити Джейн. Это она сидит на диване. Наши усилия в срезе направлены сейчас на нее, поскольку нашего здешнего агента, похоже, вывели из игры.

– Привет, Верджил, – сказал Коннер громче. – Меня зовут Коннер. Извиняй, что напугал.

– Она просто сидит вот так. – Верджил сощурился на Верити,

потом снова на дрона. – С ней все в порядке?

– Все путем, – ответил Коннер. – Хотели бы ее надолго, уложили бы на спину.

Ракурс с камеры изменился, как будто она пошла вверх. Глаза у Верджила расшились еще больше.

– Что ты делаешь с дроном? – спросил Недертон.

– Стойка на кончиках запястий, – ответил Коннер. – Ноги на весу.

– Верджил, Коннер служил в армии, – объяснил Недертон. – Управлял такими дронами.

– Морская пехота, – сказал Коннер. – Гаптразведка.

Ракурс камеры вновь резко изменился. По-видимому, дрон из стойки на руках встал на ноги. Теперь в центре дисплея было окно с задернутыми шторами. Дрон подкатился к нему, замер. В поле зрения возник тонкий черный прут, похожий на щупальце, и тут же исчез за ближайшей шторой. Появилось новое видео во весь дисплей: вид из окна на улицу. Внизу ехала желтая машина, видимо такси. Возник четкий белый кружок с крестом нитей посередине, навелся на крышу машины и двинулся вместе с ней за край кадра.

– Что ты делаешь? – Недертон вспомнил, что в обществе Коннера ему всегда было не по себе.

– Проверяю системы, – ответил Коннер. – Это кривая копия прапрадедушки самого древнего дрона на моей памяти, но прога либо наша, либо мы ее переписали. Меня аж трясет.

– И это лучшее, что Тлен сумела тебе добыть? – спросил Недертон.

– Похоже, – ответил Коннер. Крест нитей поймал грузовик, въехавший в поле зрения справа. – Но трясет меня в том смысле, что охота попробовать его в деле.

Услышанное не понравилось Недертону еще больше, и он промолчал.

– Походу или сидишь в Западном крыле на жопе и плюешь в потолок, – сказал Коннер, – или слушаешь Леонову пургу. Пока мы ждали подляны от чуваков из Секретной службы, я был типа при деле. Теперь у них с ним совет да любовь. Вы замутили адову операцию, я понимаю, надо, но там, с Леоном? Не смеши мои подметки.

– Уверяю тебя, это не я придумал, – сказал Недертон.

– Это они. Эйнсли и та готка с глазами-восьмерками. Так Флинн говорит. – Крест нитей следил теперь за крышей полицейской машины. – Кароч, охота запустить его по серьезке.

55
Микровыражения

– А как быть с моей мамой? – спросила Верити. – Если я исчезну, то должна ее предупредить. И другие люди тоже будут волноваться, жива ли я.

– Либо какой-нибудь из филиалов Юнис скоро вас разыщет, – сказала Лоубир, – либо вы будете пытаться выйти на связь с матерью в постъядерном сценарии. А пока вопрос в том, чтобы уберечь вас от «Курсии».

– Думаете, ее сеть не даст Эль-Камышлынскому кризису перейти в ядерный? – Верити обернулась к силуэтам небоскребов.

– С ее возможностями мы надеемся хотя бы частично смягчить ситуацию. Без нее мы бессильны.

– Там Коннер управляет дроном, – включился Уилф. – В сан-францисском отеле.

Возникло видео-окошко (надо понимать, во встроенном телефоне периферали): сама Верити в черном шлеме на диване, глаза открыты, но не двигаются. Интересно, если ее тело нейрологически отсечено, или как это называется, разве по лицу не должны пробегать микровыражения? Кто-то впаривал Стетсу программу для микроанимации лиц в компьютерных играх, чтобы уменьшить эффект зловещей долины, хотя Верити тогда никакой разницы не заметила. Внезапно она забеспокоилась о собственных глазах, в Сан-Франциско.

– А оно позволяет мне моргать?

– Моргать, дышать, всю автономную хрень, – произнес низкий мужской голос с резким американским выговором.

– А как насчет микровыражений? – спросила Верити.

– Хер его знает, – беззлобно ответил голос.

– Это Коннер, – сказал Уилф. – Мой второй пилот.

– У тебя в гостиной, в Лондоне? – спросила Верити.

– В Вашингтоне, округ Колумбия, – ответил Уилф.

– В другом срезе, он хочет сказать, – уточнил Коннер.

– Не сбивай ее с толку, – сказал Уилф. – Она еще только со всем знакомится.

– В каком году этот дрон, Уилф? – спросил Коннер.

– Лоубир разве не ввела тебя в курс дела?

– Сказала только, это слишком рано для настоящего ИИ.

– Две тысячи семнадцатый, – сказала Верити.

– Объясняет винтажные автомобили, – заметил Коннер. – Думал, тут косплейная зона…

Трансляция отключилась.

– Извините, что перебиваю, – произнесла Лоубир, – но нам нужно закончить разговор.

– Кто этот новый человек в дроне? – спросила Верити.

– Коннер – друг Флинн, – сказала Лоубир, – девушки, в чьей периферали вы сейчас. Из того же среза, из того же городка. В армии он управлял платформами удаленного присутствия в боевых условиях. Он настоящий виртуоз.

– Уилф – нет.

– Потому и нужен Коннер. Это самодвижущийся коммуникационный узел, предназначенный для нужд вашего среза, но под управлением Коннера он обеспечит вашу защиту.

– От «Курсии»?

– От кого потребуется. С Коннером мы можем оставить его практически без оружия, помимо тех игрушек, которые он просит. Отказавшись от них, вы сможете взять его в самолет, правда не в ручную кладь. Впрочем, заполучив в манипуляторы огнестрельное оружие, он сможет наворотить такого, что мы не сумеем спрятать концы в воду. Коннер это понимает, но не всегда умеет себя сдерживать.

– Если все это лажа, – сказала Верити, – то вы основательно ее подготовили.

– Юнис и не ждала бы, что вы сразу примете всё на веру.

– Она сказала мне доверять всем, к кому меня отвезет бариста. Он отвез меня к Кэти Фан и человеку, сделавшему дрона по заказу Юнис. Я познакомилась с Уилфом. С Рейни и Тлен. Потом Севрин отвез меня в «Клифт». Я знаю Верджила. Знаю Стетса. Познакомилась с Кейтлин. Потом с вами. Так что всех вас я могу считать теми, к кому меня отвез бариста.

– Да.

– Но я не могу доверять всем, с кем вы меня познакомите. Где граница?

– Это вам решать.

– Почему ее звали Юнис? – Глаза периферали защипало. – Эта штука может плакать?

– Конечно. – Лоубир вытащил из кармана белый носовой платок и протянула Верити. – Акроним проекта, в ходе которого ее создали, расшифровывается как Универсальная ноэтическая индивидуальная саморазвивающаяся система. У-Н-И-С-С.

Верити поглядела на Рейни:

– Допустим, я сделаю вид, будто вам поверила. Что я за это получу?

– У твоего мира увеличатся шансы избежать ядерной войны, – ответила Рейни. – Хоть я и не понимаю как.

– Это правда? – спросила Верити у Лоубир.

– Да.

– Тогда я исчезну. – Она глянула на уходящие вдаль ровные ряды небоскребов. – Но я не говорю, что поверила.

– И не надо, – ответила Рейни. – В следующий раз, как будешь здесь, я покажу тебе больше. Тогда тоже верить будет не обязательно.

Машина Лоубир начала снижаться, впрочем куда медленнее, чем поднималась.

56
Непостчеловеческий штрих

Недертон стоял у окна. Он только что досмотрел видеотрансляцию из машины. Квадрокоптер с автомобилем опускался на Альфред-Мьюз.

– Тлен?

– Да?

– Когда я раньше говорил с Лоубир, она была расстроена. Сказала, что опасается дурных последствий для Верити.

Тлен молчала так долго, что за это время автомобиль встал на дорожное покрытие. Наконец она заговорила:

– Неудивительно. Вряд ли мы можем вообразить, какие решения она вынужденно принимала во время джекпота.

– Я так и не смог отделаться от первоначального впечатления, что срезы – игра, – сказал Недертон. – И конечно, для большинства тех, кто увлекается континуумами, они и есть игра.

– Однако ты не считаешь жизнь Флинн игрой, ведь так?

– Не считаю, но мне порой кажется, вы с Лоубир относитесь к ней как к игре. Особенно с тех пор, как выдвинули Леона в президенты. Это какая-то пародия на нашу историю.

– Мы порой жалеем, что Леон оказался таким умным. Я не уверена, что аналогия убедительна. Помимо этого, выборы были честными, тетушки скрупулезно все мониторили. Флинн поставила это условием его выдвижения.

– Но вы говорите ему, что делать. Определяете его политику по всем направлениям.

– И он имеет высокий рейтинг, причиняя минимум вреда. Прогресс, не идеал.

Квадрокоптер, отпустив машину, быстро уходил из виду. Открылась дверца. Показалась голова Рейни, подсвеченная сзади. У Недертона полегчало на душе.

– Я рада, что Рейни с нами, – сказала Тлен. – В случае Верити полезен такой непостчеловеческий штрих.

Возле тебя и Лоубир непостчеловеческая планка очень низка, подумал Недертон. Рейни и периферал, выйдя из машины, направлялись к дому.

В детской заплакал Томас. Недертон снял контроллер, чтобы не пугать ребенка, и пошел к нему.

57
И обратно

Когда Верити обернулась, автомобиля уже не было, но тут она вспомнила про камуфляж.

– Машина все еще здесь?

– Замаскировалась, – ответила Рейни, не оборачиваясь. – Уилф иногда думает, что Лоубир в ней и живет.

– Она – коп, – заметила Верити. Из-за того, что тупик расширялся к дому Уилфа в конце, перспектива казалась обратной. – Сама мне сказала.

– Официально – да, а в чем ее истинная работа, объяснять дольше.

– Уилф сказал, вы уже объясняли все это прежде, другим людям.

– Объяснял Уилф, – ответила Рейни. – Я сама занимаюсь кризисным менеджментом. Лоубир старается улучшить положение в брошенных срезах. Для этого она направляет их будущую историю, ну или пытается направлять. Это происходит скрытно, что ее устраивает. Таков ее стиль. Работа Уилфа – ей помогать.

– Для кого-то здесь это работа?

– По большей части этим занимаются в качестве хобби. И не всегда для пользы создаваемых срезов.

– Так какая у нее настоящая работа?

– Сейчас не успею объяснить, но ее призвание – делать миры лучше. Наш, в частности.

Верити глянула на крашенный белым кирпичный фасад, синие рамы и переплеты.

– Ваш, на мой взгляд, неплох.

Рейни остановилась перед дверью.

– Между твоим годом и нынешним больше века. По большей части в те годы все было очень плохо. Да и сейчас многое не лучше. Хотя тебе этого не видно. Идем наверх.

Она показала двери открытую ладонь, и та открылась.

– А что делает это тело, – спросила Верити, входя в дом, – когда ваша знакомая им не пользуется?

– Она не пользовалась им уже несколько месяцев. Оно живет в спа для периферали, возле Ковент-Гардена. ИИ производителя поддерживает ее активность. Упражнения, уход за кожей и прочим, питание, сон.

– Оно разумное?

Открылась дверь лифта.

Верити вошла навстречу тройному отражению периферали.

– Она, – ответила Рейни, входя в лифт вслед за Верити. – Здесь это вопрос серьезных политических споров. Лично я считаю, что она разумна, пусть и в малой степени. Но Уилфа я пока не убедила.

– Вау, – проговорила Верити, переводя взгляд с одного зеркала на другое.

Дверь закрылась.

– Извини, – сказала Рейни, – я забыла про зеркала. Но да, это она, и да, это ты, глядящая из нее.

Кабина пошла вверх.

– И как оно тебе, зеркала?

– Не знаю.

– Мутит?

– Нет.

– Ну и отлично. Каждый следующий переход будет легче. Обратный вообще легкий: нейрологически ты возвращаешься домой.

Дверь открылась. В квартире плакал ребенок.

– Томас, – сказала Рейни. – Я вовремя.

Она вошла и забрала из рук Уилфа красного от ора Томаса.

Верити шагнула следом.

– Верджил о тебе волнуется, – сказал Уилф. – Стоит вернуться поскорей и его успокоить.

Рейни с Томасом была уже на кухне, Томас больше не плакал. В одной руке Рейни держала обтекаемую детскую бутылочку.

– Что мне сделать, чтобы вернуться?

– Сесть на диван, – ответил Уилф. – Закрыть глаза.

– И?

– Открыть их, – сказала Рейни, протягивая Томасу медово-желтую соску бутылочки. – Обратный переход происходит мгновенно. Хорошенько разомнись. Твое тело почти не двигалось все время, что ты была здесь. И не забудь выпить воды, прежде чем пойдешь спать.

Верити глянула на коричневый диван. Потом снова на Уилфа.

– Похоже, я согласилась на план Лоубир. Исчезнуть.

– Знаю, – ответил он.

– Я сюда еще вернусь?

– Очень надеюсь, – сказала Рейни, отрывая взгляд от Томаса. – Было замечательно!

– Спасибо.

Верити села на диван, стараясь устроить чужое тело поудобнее. Быстро оглядела комнату, закрыла глаза.

Шум сан-францисского транспорта, как будто включили рубильник.

Спина немного ныла. Верити открыла глаза.

Верджил смотрел на нее.

– Все в порядке?

Она подняла руку с колен, глянула на свои пальцы, снова на Верджила:

– Вроде да.

– Где ты была?

– Я разговаривала?

– Нет. Сидела неподвижно с тех пор, как я нажал кнопку на шлеме. Я уже волновался.

– Они говорят, это Лондон, только в будущем.

– В будущем.

– Две тысячи сто тридцать шестой, они говорят.

Верджил оттопырил губу.

– Понимаю, – сказала она. – Только это не наше будущее.

– Рад, что ты вернулась.

– Думаешь, я сошла с ума?

– День-два назад я назвал бы сумасшествием то, что твой цифровой помощник отменил нашу сингапурскую сделку. Стетс так и не нашел времени объяснить мне подробности, но, будь это другая контора, полетели бы головы. А теперь он по уши в этой истории с тобой и твоей помощницей, уж кто там она такая. Значит, ты побывала в будущем? Тогда глянь на него. – Дрон стоял у окна, перед задернутой шторой, почти как поставленный в угол школьник. – Будущее, которое тебе показали, было в таком духе?

– Там была квартира, – начала Верити.

– О'кей.

– И вертолет. Но его называли автомобилем.

– Летающий автомобиль?

– Он невидимый.

– Ага.

– Понимаю. Но сверху это правда походило на будущее. Небоскребы, размером с Шард, по сетке, на обоих берегах Темзы.

– Компьютерная игра, – сказал Верджил. – Или, может, шлем что-то делал непосредственно с твоей головой? Нам еще никогда не впаривали путешествие во времени. Вечный двигатель – пару раз, но это отдельный жанр.

– Мне сказали, это вроде как альтернативные временны́е линии. Сними его с меня.

Она указала на шлем. Верджил исполнил просьбу. Верити встала, потянулась, потом сделала наклон, коснувшись руками

пальцев ног.

– Мы разговаривали, – произнес мужской голос, – потом ты отключилась. Коннер, помнишь?

Верити выпрямилась, заморгала и глянула на дрона. Тот стоял лицом к ней.

– Зачем ты прижимался к занавескам?

– Машинки зырил, – ответил мужской голос из динамика. – Такие все из себя винтажные.

– Где ты?

– В Белом доме. Подвал Западного крыла.

– Почему?

– Другой срез. Позже по времени, чем ваш, только это не одна линия. Уходим в другую сторону и от них, и от вас.

– Тебя зовут Коннер?

– Коннер Пенске, – ответил он.

– Дроны, которые предлагали Стетсу, те, которые хоть немного походили на этот, были очень шумные, – сказала она.

– Мы его проапгрейдили. Поручили сфабить из самых супер-пупер-современных компонентов, какие тут нашлись.

– Я так устала, что чуть не падаю, – сказала она.

– Постель. – Верджил указал на другую комнату. – Там. Спать. Таков план. Мы с Коннером побудем здесь.

– И заодно зарядим устройство, – добавил Коннер. – Аккумуляторы у него херовые. Единственное, что Тлен не смогла проапгрейдить до наших стандартов.

– Спокойной ночи, – сказала Верити уже в двери смежной комнаты.

58
Колдовской круг

Периферал смотрела на Недертона равнодушным взглядом, означавшим, что она снова под управлением заводского ИИ.

– Мне она понравилась, – сказала Рейни.

Недертон решил, что речь о Верити. Рейни не всегда нравились клиенты, хотя в таких случаях она держала недовольство при себе.

Запульсировала эмблема, вроде бы незнакомая. Тут Недертон сообразил, что звонит Лев Зубов, а на эмблеме – морды его двух ручных тилацинов.

– Извини, телефон, – сказал он Рейни.

Она кивнула и снова повернулась к Томасу в высоком стуле за столом.

– Лев, – сказал Недертон. – Как дела?

– Относительно неплохо, – ответил Лев, хотя голос его говорил обратное.

Недертон знал, что Лев страдает из-за развода, случившегося по инициативе жены, Доминики. Она осталась с детьми в ноттинг-хиллском доме, а Лев переехал в другой зубовский особняк, на Чейни-уок. Недертон там не бывал, но слышал, что от того особняка разит старой клептократией даже больше, чем от ноттинг-хиллского. Льву это едва ли нравилось; в его кругу принято было относиться к клептократии как к шутке. Хотя мало кто мог себе такое позволить.

– Мне нужно с тобой увидеться, – все тем же убитым голосом продолжал Лев. – Сегодня?

Обычно Лев никуда не спешил, но сейчас был явно очень расстроен, и Недертону стало стыдно, что он забросил друга. Лев помог Недертону вылечиться от алкоголизма, без чего не было бы ни Рейни, ни Томаса.

Запульсировала эмблема Лоубир, настойчиво.

– Извини меня, – сказал он Льву. – Секундочку. – Отключил звук. – Да?

– Встретьтесь с ним сегодня, – сказала Лоубир. Ее эмблема исчезла.

– Извини, – сказал он, снова включая Льва. – Где встретимся?

– Не у тебя, – ответил Лев. – Разговор личный.

И не на Чейни-уок, подумал Недертон, потом вспомнил про «Денисовское посольство».

– Из твоего списка? Под Хэнуэй-стрит? Через двадцать

минут?

– Выхожу, – сказал Лев. Его тилацины исчезли.

– Что такое? – спросила Рейни.

– Лев.

– Я догадалась. Что у него?

– Хочет поплакать в жилетку, я так думаю. Лоубир вмешалась и сказала, чтобы я с ним встретился. Договорились через двадцать минут на Хэнуэй-стрит. – Он снял контроллер и положил на диван.

– Что там?

– «Денисовское посольство».

– Секс-клуб? – Она подняла брови.

– Бывший, да. Не думал, что ты про него знаешь.

– У одного моего клиента кризис начался с особо злополучного визита туда. – Рейни глянула на него пристально. – Канадец за границей.

– Теперь это просто круглосуточные завтраки. Я предложил это место, потому что оно близко и в его списке.

– Что за список?

– Заведений, которые были чем-то одним, а теперь что-то другое под тем же названием. Лев считает, что так показывает себя артистичной натурой. Если понадоблюсь, звони. Постараюсь не задерживаться.

Он поцеловал ее в щеку, зашел в спальню за пиджаком и надел его, установив на среднее тепло, – как стало ясно на улице, точно по погоде. Недертон приблизился к тому месту, где, по его прикидкам, стоял замаскированный автомобиль Лоубир, тихо надеясь, что она не остановит его для разговора. Автомобиль демаскировался, когда до него оставалось метра три, но лишь частично, показав контур из призрачных размытых пикселей. Недертон, не сбавляя шага, прошел между машиной и стеной, глядя точно вперед, на Тотнем-Корт-роуд.

Бóльшую часть пути он одолел без происшествий, но уже перед самой Хэнуэй-стрит запульсировала эмблема Тлен.

– Да?

– Рейни сказала, ты вышел.

– Встречаюсь со Львом. Где мы с тобой недавно были.

Тлен прежде работала в домашнем штате Льва, занималась его техникой, там они с Недертоном и познакомились.

– Видела его после развода?

– Ни разу с тех пор, как ушла к Лоубир.

Проходя мимо магазинчика, где купил Томасу молоко, Недертон увидел через стекло ладную фигуру робота-продавца. Майкл что-то там. Наверняка по имени актера двадцатого века,

на которого он похож, только Недертон по-прежнему не мог вспомнить фамилию.

– Так чем мы занимаемся? – спросил он Тлен.

– В каком смысле?

– В смысле для спасения, или, может быть, мне следовало сказать, захвата, среза Верити.

– Это не обязательно взаимоисключающие категории. Тетушки по-прежнему высоко оценивают вероятность скорого ядерного конфликта. Верити согласилась с нами сотрудничать, так что мы надеемся получить доступ к сети Юнис.

Недертон свернул на Хэнуэй-стрит.

– Я на месте, – сказал он, приметив узкий, украшенный сталактитами фасад. – Передать Льву привет?

– Да, пожалуйста, – к его удивлению, ответила Тлен. – Далеко не худший работодатель в моей жизни.

– Хорошо, передам.

Ее эмблема погасла.

Когда Недертон спускался по каменной винтовой лестнице, запульсировала эмблема с тилацинами.

– Только что добрался, – сказал Недертон.

– Тебя ко мне отведут, – ответил Лев. Эмблема стала тусклой, но не исчезла.

Недертон как раз дошел до конца лестницы.

– Вы Уилф? – спросила веснушчатая рыжая девушка, закутанная в прозрачный плащ до пола. Плащ был усыпан блестками, и в них отражались подвижные источники света, которых Недертон вокруг не видел.

– Да, – сказал он.

– За мной, пожалуйста.

Недертон отметил, что завтракающие поздно вечером сильно отличаются от завтракающих в середине дня. Выглядели они пьяными, но, видимо, по большей части от перебора децибелов. Плащ девушки напомнил ему японский фильм «Мотра»[40], который Лоубир любила смотреть у себя в машине. Недертон думал, что фильм немой, однако Тлен уверяла, что просто Лоубир предпочитает смотреть его без звука. Подошла девушка в таком же плаще и тоже рыжая. Недертон заподозрил, что и веснушки у нее точно такие же, на тех же самых местах. Третья, совершенно неотличимая, подтвердила его догадку, что они – боты. Беспрерывно мерцая плащами, они провели Недертона мимо завтракающих в более темные, подсвеченные красным глубины. Когда наконец добрались до Льва, идентичных с виду рыжих девушек было уже полдюжины.

Недертон надеялся, что Лев попросит заменить обломанные

сталагмиты стульями. У него не было ни малейших догадок, зачем нужны шесть боток. На Льва такое очень не походило.

– Привет. – Лев, не вставая с обломанного сталагмита, слишком низкого для его длинных ног, мрачно протянул руку.

Они обменялись кратким рукопожатием.

– Садись. – Лев указал на ближайший обломок.

Недертон сел, заранее представив, как будет неудобно, и оказался прав.

Ботки окружили их, сложили вытянутые руки ладонь к ладони, плавно отрегулировали расстояние и подняли соединенные руки к низкому грубому потолку. Блестки закружились, переходя с плаща на плащ, так что получился купол переливающегося света.

– Что это? – спросил Недертон.

– Приватность, – ответил Лев. – Необычного, однако необходимого уровня.

– И ее обеспечивают боты? – Недертон взглянул на мерцающие плащи.

– У них полностью отсутствует дистанционная связь. Как у роботов в старых фильмах. Функциональность ограниченная, и вся она обеспечивается встроенным ИИ. Плащи, соединенные таким образом, дают что-то вроде клетки Фарадея, но блокируют и еще многие виды сигналов. Впрочем, время работы на полный спектр невелико, так что буду краток.

– Давай.

– Два часа назад, – сказал Лев, – мой отец узнал от своего дяди, более высокопоставленного клептарха, что роль твоей Лоубир пересматривается.

– Она теперь «моя» Лоубир? Ты же нас и познакомил.

– И с тех пор ты на нее работаешь. Потому я тебя и предупреждаю, что это может быть небезопасно.

– Не подумал ли твой отец… – Недертон воспользовался любимым приемом Лоубир, – что заговор с целью воспрепятствовать ее деятельности едва ли не самое небезопасное начинание из всех мыслимых?

– Безусловно, подумал. Она, как внутреннее антитело клептархов, знает, что против нее будут строить заговоры. Впрочем, отец говорит, в кругах его дяди ее всегда рассматривали как крайне необходимое зло. – Лев глянул на вихрь блесток, подался вперед и понизил голос. – Это связано с ее вмешательством в срезы.

Ручной страх Недертона совершил головокружительный кувырок поверх разумной части сознания, вызвав в памяти химеру на Темзе, которую они наблюдали с Лоубир.

– Правда?

– Она изменяет срезы, создавая миры, в которых клептархи имеют меньше власти, – сказал Лев, подтвердив смутную догадку Недертона.

– Это искусство, Лев. – Недертон пустил в ход другой прием Лоубир. – Поэзия. То, что происходит в срезе, не выходит за его пределы.

– Мой отец воспринимает это очень серьезно, Уилф.

Недертон глянул на абсолютно бессвязных рыжих девиц. Дальше от загадочной винтажной периферали Флинн могла быть только статуя. Средство обеспечить ту самую обещанную приватность, ничего больше.

– Где ты их взял?

– Мне велел воспользоваться ими отец. Он был в их окружении, когда выслушал новость, и когда передавал ее мне – тоже.

– Можешь ли ты сообщить мне больше подробностей про эту предполагаемую угрозу?

– Только то, что роль Лоубир кардинально пересматривается.

– Пересматривается?

– Следует ли ее сохранить.

Недертон обдумал услышанное.

– Спасибо. Я полагаю, ты разрешаешь мне передать это ей? Да я и не смогу от нее скрыть.

– Конечно. Для того я тебе и сообщил. Но абсолютно никому больше. Жене, например.

– И это все, что ты знаешь?

– Да, – сказал Лев.

– Прости, что говорю, но вид у тебя очень расстроенный, – заметил Недертон. – Из-за этого?

– Да нет, – ответил Лев. – Я должен был тебе сказать. Не в последнюю очередь потому, что тебе самому может грозить опасность как ее сотруднику. В остальном я не особо при деле. Чейни-уок определенно плохо на меня действует.

– Извини.

– Ты тут ни при чем. В общем, скажи Лоубир, и только Лоубир, и только в обстановке, которую она сама сочтет полностью безопасной. У нее найдется что-нибудь посолидней этих боток, но пока не окажешься в ее версии колдовского круга… – он поморщился; рыжие девицы, очевидно, были не в его вкусе, – ничего никому не говори.

– Время, сэр, – сказала девушка голосом в точности как у той, что встретила Недертона перед лестницей. – Осталось две минуты.

– Мы закончили, – ответил Лев.

Тут же все шесть опустили плащи, кружение блесток прекратилось. Девицы, не оборачиваясь, пошли в сторону завтракающих. Недертон проводил их взглядом.

– Так тебе не нравится на Чейни-уок? – спросил он.

– Мои дядья на каждом шагу, – сказал Лев, вставая. – Ты даже представить себе не можешь. Приветы Рейни и малышу.

Он повернулся и пошел на звук вылетающих пробок от шампанского.

59
Ни вот столечко не думаю

Верити проснулась и резко села. Это было как-то связано со сном, который тут же забылся. Она была на неожиданно широкой кровати в очень большой комнате.

– Все в порядке? – тихо спросил Верджил из-за притворенной двери в соседнюю комнату.

– Да, – выдавила она. – Сон.

– Так и догадался, – сказал он. – Я не сплю, если что надо – зови.

– Спасибо. Все в порядке.

Она обнаружила, что лежит во вкладыше, хотя не помнила, как в него залезала. Снаружи было еще темно, судя по тому, что в щели между шторами не пробивался свет. Верити осторожно пошарила на тумбочке в поисках стакана воды, который вроде бы туда ставила. Нашла, выпила половину и забралась во вкладыше обратно под клифтовское одеяло. Шум машин за окном был по-ночному тихий. Не думай ни о чем из того, посоветовала себе Верити и тут же поняла, что не получится.

Она приподнялась на локте, подперлась подушками и отыскала пульт. Телевизор в ногах кровати был такой же широкий. Верити, приглушив звук, начала перебирать новостные каналы. «Фокс» по-прежнему обсасывал довыборные мейлы президента, а вот Си-эн-эн и Эм-эс-эн-би-си, по-видимому, говорили об Эль-Камышлы уже столько, что у комментаторов остекленели глаза. Верити остановилась, когда увидела президента на очередной трибуне. Это разом напомнило обо всем, о чем она велела себе не думать. Так что Верити выключила телевизор, отодвинула подушки, свернулась в привычности вкладыша и уснула.

60
Взгляд регулятора

Свернув в Альфред-Мьюз, Недертон глянул на окна своей квартиры и зашагал к ним, ожидая, когда машина Лоубир частично демаскируется. Как только это произошло, он обогнул машину и повернулся к той ее стороне, где последний раз видел дверцу.

– Можно войти?

– Конечно, – ответила Лоубир.

Дверца появилась левее того места, где Недертон рассчитывал ее увидеть, в обрамлении полосы глянцево-черного корпуса с неровно пикселированными краями. Дверца открылась, подножка опустилась. Он шагнул внутрь, в сияние единственной толстой белой свечи на столе в застланном ковром углублении.

– Белый ирис и ветиверия, – сказала Лоубир. – Надеюсь, вы не против.

– Очень приятный запах, – ответил Недертон.

Он научился до определенной степени любить ее свечи, не за аромат, а за тот, пусть обманчивый, образ чудаковатой старушки, который они создавали.

– У меня вопрос.

Она была в рубашке без пиджака, что случалось, хотя и редко; галстук развязан.

– Да?

– Насколько приватен наш разговор?

– Безопасность была главной целью при создании этой машины, но в моем случае вам не о чем волноваться, где бы мы ни находились.

– Это будет касаться высших государственных функций.

– Которые мы, безусловно, затрагивали здесь и раньше. Хотите сесть?

– Спасибо, я постою. – Недертон глянул на освещенное свечой углубление, наводящее на мысль о спиритическом сеансе. – Двоюродный дед Льва Зубова сообщил, что неназванные клептархи сомневаются в дальнейшей необходимости вашей должности.

Она глянула в сторону, как будто на что-то смотрит.

– Он рассказал вам это в «Денисовском посольстве»?

– Вы слушали? – спросил Недертон. Его постоянно преследовал страх, что Лоубир подслушивает буквально все, постоянно, хотя она отрицала за собой такую способность.

– Нет, – ответила она. – Я слышала, как он с вами поздоровался и предложил вам сесть. Дальше ничего до вашего вопроса про Чейни-уок. Боты с нулевой коннективностью объясняют выпавший фрагмент разговора, а также подтверждают участие Зубова-старшего.

– Это по поводу срезов, ровно как я боялся, – сказал Недертон. – Что вы не даете клептократии обрести в них здешний размах.

– Он разрешил передать это мне?

– Настаивал. Но только вам.

– Значит, снова раскол между устремлениями заговорщиков и желанием тех, кто нам о них сообщает, сохранить статус-кво. – Голые стены вновь стали прозрачными, однако Недертон по опыту знал, что сама машина остается невидимой. – Обычно меня считают нужным известить именно по этой причине.

– Он предупредил, что я тоже в опасности.

– Это, безусловно, нельзя исключить, – согласилась она, – но до сих пор заговорщиков всегда удавалось успешно нейтрализовать. Единственное новое в данном случае, что мои экзерсисы в срезах дали этим людям свежий предлог меня устранить.

– Я такого боялся.

– Это рутинный, хотя и нечастый аспект моей работы, – ответила Лоубир. – Они должны меня только бояться, но иногда нуждаются в напоминании. Кто на данный момент посвящен?

– Лев, его отец, неназванный дядя, сказавший отцу, я и вы.

– Пожалуйста, никому больше не говорите. – Пристальный взгляд сине-голубых глаз. – Не сообщайте Рейни, пока все не разрешится.

– Мама мне о вас в детстве говорила, – неожиданно для себя произнес Недертон. – Не конкретно о вас, а о фигуре в истории, благотворной, но пугающей. Мама называла эту фигуру Регулятором. Регулятор судеб, говорила она, для тех, кто угрожает стабильности клептократии. Когда я подрос, то понял, что вы – вернее, кто-то в вашей роли – и вправду есть.

Она перевела взгляд на белую свечу.

– Это не задумывалось как единоличная роль. Изначально нас было больше, я просто последняя. Если клептархи и впрямь решат от меня избавиться, им достаточно будет закрыть мне доступ к технологиям, сохраняющим жизнь и работоспособность.

– Рейни думает, они на это не отважатся, поскольку убеждены: вы припрятали где-то компромат на них, который всплывет, если вас устранить.

– Вы женились на очень мудрой женщине, мистер Недертон. –

Лоубир перевела взгляд синих глаз со свечи на него.

– По маминым словам выходило, что, если предоставить клептархов самим себе, все рухнет. Вы тоже так считаете?

– Без своевременной обрезки под присмотром беспристрастного садовника – да, – ответила Лоубир. – Их пошлые аппетиты и презрение к закону обрушили бы все на их головы и на наши. В конце концов, клептархи сумели сделать это с прежним миропорядком, хотя тогда они того и добивались. Они были рады джекпоту с его хаосом. Издевательство человека над природой выполнило за них бóльшую часть работы. Никакие тормоза тогда волшебным образом не появились, и я не вижу их сейчас. Нет никого, кто мог бы эффективно пресекать худшие порывы клептархов. Биосфера существует лишь за счет тех костылей, которые мы ей подставили. Ассемблеры, возможно, сумеют ее поддерживать, если клептархи выйдут из игры. Однако у меня нет уверенности, что обострившаяся погоня за быстрой прибылью и терминальная близорукость не приведут к концу света.

Недертон заморгал, сглотнул.

– И Китай?

– Мы по-прежнему живем в одной биосфере с Китаем, – сказала она. – И торгуем с ним, насколько он позволяет.

– Вы убили Веспасиана, да?

Их взгляды встретились. Недертон подумал: если глаза у нее собственные, то им больше ста лет.

– Какое-то время я жалела, что не обнаружила и не убила его раньше, – сказала Лоубир. – Однако теперь я признательна за возможности, которые он невольно предоставил нам в срезе Юнис.

За спиной у Недертона открылась дверца. Это значило, что разговор окончен.

– Верити спит в сан-францисском отеле, – сказала Лоубир. – Когда проснется, поговорите с ней. Если понадоблюсь, я здесь.

– Вы знали, что Лев мне позвонил, – сказал Недертон. – А знали, что разговор будет об этом?

– Что может быть о чем-то в таком духе. Звонок запустил некий установленный тетушками механизм, о котором мне известно не было.

61
Французский завтрак

Верити проснулась от мужских голосов в соседней комнате. Слов было не разобрать. Она открыла глаза. По краям штор пробивался неяркий свет.

– Русские… – говорил кто-то. – «Фейсбук»…

Судя по южному акценту, говорил Коннер. Ответил ему Верджил, но Верити не уловила ни слова.

Она сощурилась на прикроватные часы. Восемь двадцать пять.

Верити расстегнула молнию вкладыша, выбралась из-под одеяла. В ногах лежал белый банный халат, смятый. Она надела его и подошла к двери.

– …реальная хрень, в натуре, – сказал Коннер, – но так эта жопа и случилась.

– Как случилась эта жопа? – спросила Верити, открывая дверь.

Верджил поднял голову. Он сидел на диване, закинув ноги в носках на подлокотник.

– Коннер мне тут ужастики рассказывает, – тихо ответил он и улыбнулся.

– Погоди, я еще до следующего сезона не дошел, – сказал Коннер из динамика дрона. Он стоял перед окном, глядя в раздвинутые шторы на серое небо.

– Кофе есть? – спросила Верити.

– Вот. – Верджил махнул в сторону подноса на лиловой тумбе. – Свежие круассаны.

– Оставь мне один.

Верити закрыла дверь и пошла в ванную. Здесь обнаружились новые доказательства того, что вчера перед сном она приняла душ. Она почистила зубы, умылась, надела джинсы, свежую футболку, кроссовки и вернулась в другую комнату.

– Ты спал? – спросила она Верджила, наливая себе кофе из кувшина на подносе.

– Часа два. Коннер меня уболтал. А ты?

– Проснулась, потом снова заснула.

– Две тысячи сто тридцать шестой? – спросил он.

– Что насчет него? – Верити отпила черного кофе.

– Ты думаешь, это правда тогда, там?

Она добавила молока и сахара.

– Возможно. – Глянула на него. – Это значит, я псих?

Села на край тумбы, рядом с подносом.

– Я тоже псих, – сказал Верджил, – но я тут полночи слушал Коннера. По его словам, то, где ты была, прежде было будущим того, где он. У них по-прежнему общее прошлое, но они разделились несколько лет назад. И у них общее прошлое с нами, до чего-то перед выборами две тысячи шестнадцатого, только он не знает, что это.

Верити глянула на только что разорванный круассан, который мазала джемом.

– Я это понять-то не могу, не то что принять.

– Чувак все усек, – сказал Коннер. – Походу редко кто так врубается с первого раза.

– Такое впечатление, что всем заправляет Лоубир, – сказала Верити. – Так в чем состоит ее настоящая работа?

Она заметила, что Верджил сразу навострил уши.

– Формально она коп, – ответил Коннер, – но клептархам нужна для стабильности. У них там до хера мудаков, каждый рвется отхватить себе кусок пожирнее и все обрушить. А другая сторона медали – застой, если те же клептархи захотят остаться навсегда. Думаю, она и за этим приглядывает.

– Клептархи?

– Итог того пути, по которому мы счастливо не пошли, если верить Коннеру, – сказал Верджил.

– А вот ни фига, – возразил Коннер. – Вы еще чешете в ту сторону, да и мы тоже. И у нас чувачки из будущего уже четыре года гоношатся, чтобы этого не было. Блин, у нас даже этих их навороченных телефонов еще нету.

У Верджила зазвонил телефон.

– Да, – сказал он. – У нее французский завтрак.

Он протянул телефон Верити.

– Как ты? – спросил Стетс. – Поспала?

– Да, спасибо. А ты?

– Да, но утро выдалось суматошное. Нас нашли филиалы Юнис.

– Они ее пережили?

– Еще как.

– Какие они?

– Совсем на нее не похожи.

– Она говорила мне, что они все делают у нее за спиной. Например, когда вызвали Джо-Эдди из Германии. Для нее это стало неожиданностью.

– Они сохраняют эту традицию и с нами. В данном случае неожиданно сообщили, что мы очень скоро даем большой прием. Но мне пора бежать. Созвонимся. Береги себя.

– И ты, – ответила Верити.

Стетс отключился. Она отдала телефону Верджилу.

– Розарий, десять, – сказал Коннер. – Лады.

– Что-что? – спросила Верити.

– Основная работа, – ответил Коннер. – Президент через полчаса отвечает на вопросы прессы, просил глянуть, нормально ли перевел ихние выражения из будущего на язык простецких парней. Отчаливаю.

– Ни пуха, – сказал Верджил.

Верити промолчала, чтобы не говорить с набитым ртом.

– Там еще кто-нибудь есть? – спросил Верджил дрона.

Молчание.

– Для Стетса деньги, – сказал Верджил, – побочный продукт удовлетворения собственного любопытства. Он до сих пор удивляется, сколько людей занимается тем же самым исключительно ради бабок. Кейтлин такая же. Что может быть привлекательнее для парочки таких любопытных, чем эта дикая хрень?

– Ты вроде как штатный скептик. Я все надеялась, ты меня убедишь, что все это лажа.

– Коннер рассказал мне историю своего среза. Все как у нас, до выборов.

– До каких выборов?

– Президентских.

Верити вспомнила монохромный мурал в переулке Клэрион. Явная угроза.

– Они не наше будущее, тот Лондон, – сказал Верджил. – В их прошлом выбрали его.

Верити смотрела на него, не в силах ничего ответить.

– Знаю, – кивнул он, – но вот мы сидим и ждем, что наступит конец света.

– Я согласилась исчезнуть, что якобы повышает шансы этого избежать.

– Кто так говорит?

– Лоубир. Познакомилась с ней в две тысячи сто тридцать шестом.

Верджил ухмыльнулся:

– Поздравляю. Вот ты и того.

– Что того?

– Поверила в эту хрень. И как ты должна исчезнуть, по ее версии?

– Она сказала, я уже исчезла, скрывшись от «Курсии», но мне все равно не нравится эта идея.

– Мне тоже, – сказал он.

62
Глазки-пуговки

Когда Недертон вошел в квартиру, Томас сидел на высоком стуле, а Рейни развлекала его, щекоча одну из нянюшкиных пандаформ. Та лежала спиной на красной столешнице, и Томас самозабвенно гулил, глядя, как она извивается.

– Привет. – Недертон наклонился и поцеловал Рейни в лоб.

– Привет. Как Лев?

– Депрессует. – Недертон выпрямился. – На Чейни-уок полно родни, чересчур клептархической, на его вкус. – Он глянул на диван, увидел контроллер там, где его оставил. – Где пери?

– Вызвала машину из спа, отвезти ее обратно на Флорал-стрит. Там что-то среднее между капсульным отелем и моргом. Я попросила ее провести мне виртуальную экскурсию на их сайте. Клиенты все сплошь женщины. Тела, полубиологические или какие, юридически принадлежащие кому-то другому, это все-таки жуть.

– Да. – Недертон открыл холодильник. – Хотя в данном случае без пери ты бы не познакомилась с Флинн так близко. Если бы ей для каждого визита арендовали другую периферaль, не было бы такого ощущения.

– Да, и я бы не прочувствовала так Лондон, если бы она не захотела его посмотреть. Не побывала бы в косплейных зонах, поскольку ты туда не хочешь.

– Они для детей и туристов. Поведем туда Томаса, когда подрастет.

– Чипсайд замечательный, – сказала она. – Одни запахи чего стоят.

– По большей части это фекалии. Лошадиные и человеческие.

– Толпы народу.

– Почти все боты.

– Гораздо лучше представляешь, как это было, чем в любой дополненной реальности. Карнаби-стрит[41], например, ДР, и по сравнению с Чипсайдом это очень бледно. И от посетителей не требуется одеваться соответствующе, что разрушает визуальный ряд.

Недертнон не увидел в холодильнике ничего соблазнительного и захлопнул дверцу.

– Загляну в срез.

Он нашел глазами контроллер. На душе было кисло оттого, что нельзя поделиться с Рейни услышанным от Льва и Лоубир.

Треть нянюшки отдергивала от Рейни лапу, словно боится щекотки. Недертон поглядел на нее, и она как будто бы тоже поглядела на него из глазок-пуговок.

– Давай, – сказала Рейни. – Правильная мысль.

Недертон подошел к дивану, сел рядом с обручем и надел его на голову.

63
Пользователи

– Что будет, если я позвоню с него матери? – спросила Верити, кивая на гостиничный телефон.

– На мобильный? – Верджил по-прежнему лежал на диване, задрав ноги.

– На домашний. Мобильный она включает, только если куда-нибудь идет и ей надо позвонить.

– Если «Курсия» прослушивает его, то разговор запишут и, скорее всего, смогут определить номер в гостинице. Если верить твоей айтишнице из будущего…

– Тлен.

– Она говорит, «Курсия» сама по себе не шибко крутая контора. Бывшая правительственная, сейчас прямой связи с властью нет. Впрочем, она говорит, ничего в этом хорошего нет, потому что они могут устроить нам полную жопу по дури и по недостатку опыта. Ход ее мыслей напомнил мне то, что я делаю для Стетса.

– Только если б не ты, про Стетса мало бы кто знал.

– Я этих твоих слов не слышал, – улыбнулся Верджил. – Но все равно спасибо. Впрочем, к его чести, надо сказать, он в целом тоже так думает. Но вернемся к «Курсии». Тлен говорит, Гэвин их фасад для бизнеса, реально деловой человек, шарящий в технологиях. Если позвонишь матери, ты сообщишь такой вот публике наше местопребывание. И заодно местопребывание матери, хотя его они наверняка уже знают.

– У Стетса до сих пор нет человека, который бы занимался только безопасностью?

– Кое-кто из нас приглядывает за этой стороной, – ответил Верджил.

– Знаю. Ты всегда приглядывал.

– У Кейтлин тоже нет службы безопасности. У ее отца в Париже есть, и, когда Стетс и Кейтлин приезжают туда, он приставляет к ним своих людей, но они сплошь старичье. По крайней мере те, кого мы замечаем. – Он спустил одну ногу на пол и порылся в карманах. – Кстати, о телефонах. Пока ты спала, доставили вот это. – Он протянул ей черную, обмотанную проводом зарядку и два черных наушника. – Матери по нему звонить все равно не о'кей, а то кто-нибудь из «Курсии» поймет, что ты догадалась, но тут есть инет и вбиты номера наших одноразовых.

– Где мой?

– Очевидно, у тех, кто сделал контроллер для Стетса, но я не знаю, как он к ним попал.

Верити вспомнила, как клала его баристе в мешок Фарадея, вместе с тульпагенксовским телефоном и очками в серой оправе. Она видела, как тот передал мешок Диксону.

Дрон кашлянул.

– Уилф здесь.

– Где ты? – спросила Верити.

– В квартире. Ходил встречаться с другом. Он расстроен из-за того, где приходится жить после развода.

– А что не так с местом, где он живет?

– Слишком много родственников, – ответил Уилф.

Верити попыталась вообразить Лондон будущего, где люди переживают из-за самых банальных проблем, и поняла: она думала, в будущем проблемы сплошь исключительно интересные.

– Привет, Верджил, – сказал Уилф.

– Привет. Коннер сказал, у него какие-то дела в розарии. Почему он в Белом доме?

– Они с президентом, Леоном Фишером, из одного городка, – сказала Тлен. – Леон первый год в должности, и ему проще, когда рядом земляк.

– Но в вашем прошлом этого не было? – Верджил теперь сидел на диване, спустив на пол обе ноги.

– Да, – ответил Уилф.

– Коннер говорит, потому это и не путешествия во времени, – сказал Верджил. – А путешествия во времени невозможны.

– Мы можем установить цифровой контакт с собственным прошлым, – объяснил Уилф, – если там уже есть нужная инфраструктура. При этом возникает новый континуум, в котором принимается сообщение. В нашем, прямо сейчас, этого сообщения не было.

– То есть вы можете связаться с нами, допустим, вчера? – спросил Верджил. – В нашем вчера?

– Нет, – ответил Уилф. – А если бы и могли, это породило бы новый срез, поскольку в вашем прошлом такого не было.

– А почему не можете? – спросила Верити.

– Время в срезе течет с той же скоростью, что у нас. Если я породил срез, оставил его, а потом вернулся, там прошло ровно столько же дней и часов, что у меня.

– Коннер сказал Верджилу, что у них прошлогодние выборы прошли с другим результатом. У вас тоже?

– Да, – ответил Уилф.

– То есть вы в другом срезе?

– Нет, – сказал Уилф, – поскольку это было в нашем прошлом, а все срезы ответвляются от нашего.

– Почему вы так уверены? – спросил Верджил.

– Потому что, – ответил Уилф, – у нас есть возможность порождать срезы, а у вас нет.

– Так что будет, если вы заглянете в собственный прошлый вторник? – полюбопытствовал Верджил.

– Это невозможно.

– Почему? – спросила Верити.

– Контакт возможен только на значительном временно́м удалении. Но при этом не слишком большом, иначе в возникшем срезе не будет инфраструктуры для получения наших данных. Таким образом, есть определенный интервал. Мне сказали, ваш срез – самый древний из созданных.

– То есть вы… – Верджил сузил глаза, – колонизируете альтернативные прошлые.

– Не думаю, что «колонизация» тут удачное сравнение, – сказал Уилф, и его тон подсказал Верити, что он произносит эти слова не первый раз. – Нет возможности извлекать ресурсы. Нет способа перевести финансовый выигрыш.

– А как насчет амазоновского «Механического турка»?[42] – спросил Верджил, и Верити узнала то, что он делает для Стетса.

– Не знаю такого, – ответил Уилф.

– Вроде «Убера», но для информационной работы, – сказал Верджил.

– Для этого у нас есть ИИ. Мы можем зарабатывать деньги, манипулируя вашим рынком, и платить вам, но ИИ у нас фактически бесплатные, так что особого смысла нет.

– Живопись, – сказал Верджил. – Музыка. Литература.

– Да, – ответил Недертон. – Но на практике реального экономического базиса нет.

– Так зачем вы это делаете? – спросила Верити.

– В вашем случае, – сказал Уилф, – мы пытаемся предотвратить ядерную войну в вашем срезе. А для большинства пользователей это просто развлечение.

– Развлечение, – бесстрастно повторил Верджил.

– Пользователей? – спросила Верити.

– Это такое хобби, – сказал Уилф.

– Просто для прикола от нечего делать? – спросил Верджил, глядя на дрона.

– Тлен, – резко включился ее голос. – Надо уходить.

– Почему? – спросила Верити.

– Кто-то разместил твое изображение в чем-то под названием «Инстаграм». Сделанное вчера вечером, когда вы с Верджилом

входили в отель. Его узнали как человека, близкого к Стетсу. Тебя не узнали, иначе бы отметили в посте, но довольно скоро узнали другие. Я отправила вам обоим ссылки.

Верджил застонал. Глянул на телефон.

– Ну они дают… Узнали тебя в худи. Это мог быть кто угодно.

Он показал фотографию. Верити была позади него, в лиловом сумраке вестибюля, под капюшоном, видно меньше четверти лица, да и та частично закрыта темными очками.

– Собирайтесь, – приказала Тлен. – Похоже, их людей в вестибюле еще нет.

– Откуда ты знаешь? – спросил Верджил.

– Мы воспользовались «Шпикром» через прокси-сервер, – ответила Тлен. – Сейчас в вестибюле стоит наш человек.

Верити уже шла в ванную за сумкой «Мудзи».

64
Минимум драмы

– Что происходит? – спросила Рейни почти в самое ухо.

Недертон вздрогнул. Его, вернее – дрона, только что выкатили из гостиничного номера в Сан-Франциско.

Он отключил звук.

– Покидаем отель. Спешно.

– Почему?

– Кто-то раскрыл местопребывание Верити на общедоступном ресурсе. Тлен боится, что «Курсия» ее найдет.

Они проходили мимо ниши с зеркалом, акриловым креслом, асимметричным торшером. Верджил катил дрона в дорожном корсете на колесиках. Формат сплюснутого круга позволял Недертону определить, что происходит, но быстрое движение дрона сбивало с толку.

– Извини, – сказал он. – Мне надо сосредоточиться.

– Давай. – Рейни стиснула его плечо – очень странное ощущение, когда ты в дроне.

Недертон включил звук.

– Значит, рвем когти, – сказал Коннер, очевидно вернувшийся из розария. Коннер в дроне был громче всех, заметнее.

– Кто-то выложил Верджила в «Инстаграм», – объяснила Верити, – кто-то другой отметил меня.

Она несла черный ящик с контроллером, большой (его приходилось держать двумя руками), но, похоже, не тяжелый.

Открылась дверь лифта. Верджил вкатил дрона в сумятицу багровых отражений.

– Кого ждать внизу? – спросил он.

– Мы не знаем, – ответила Тлен. – Надеюсь, вы успеете выйти прежде, чем кто-нибудь появится.

– Если нет, проявлять активность? – спросил Коннер.

– В идеале, – ответила Тлен, – мы выходим из вестибюля с минимумом драмы и тут же грузимся в свой транспорт, привлекая как можно меньше внимания. В непредвиденных обстоятельствах, мистер Пенске, прошу не забывать, что нам не нужны заголовки о роботе-убийце. Тут это чрезмерная экзотика.

– Усек, – ответил Коннер.

Лифт остановился, дверь открылась. Верджил выкатил их обоих наружу. Недертон видел, как позади них Верити быстро надела большие темные очки и тоже вышла.

65
С одного выстрела

Первым, что увидела Верити через плечо Верджила, была девушка с «Кенди краш сагой» из «3,7» на фоне лиловой портьеры от потолка до пола. Девушка что-то быстро печатала на телефоне.

– Наш новый фрилансер, – сказала Тлен в наушниках одноразового мобильника. – Которая с телефоном.

– «Курсия» наняла ее следить за мной, в кофейне, где я была с Юнис, – быстро прошептала Верити. – Знает меня в лицо.

Девушка теперь тоже увидела ее, вздрогнула, пальцы на телефоне замерли.

– Не подавай виду, что узнала ее, – приказала Тлен. – Она, наверное, живет по соседству. В этой бизнес-модели, очевидно, есть проблема с перекрытием задач.

Верджил, катя за собой дрона, шел к выходу на Гири-стрит.

Верити поспешила его догнать. Теперь, когда в сумке лежал еще и зарядник, лямка резала плечо. Они с Верджилом обогнули угол, и Верити, вопреки приказу Тлен, машинально улыбнулась девушке. Никто в вестибюле не походил на агента «Курсии», хотя любой мог быть из «Шпикра». Верджил на выходе сунул швейцару несколько свернутых купюр. Верити наклонила голову в капюшоне над ящиком контроллера.

– Сюда, – произнес Северин, внезапно возникая рядом.

Она не подняла головы, но узнала его акцент, состоящий в отсутствии акцента, и туфли, как у водителя автобуса. Он повел их к абсолютно такому же микроавтобусу с тонированными окнами, только на сей раз белому. Открыл пассажирскую дверцу, помог Верити забраться внутрь. Верджил залез следом. Севрин подал ему ящик со шлемом, который Верджил пристроил на второй ряд пассажирских кресел.

Верити села у окна за водителем, а сумку положила за собой, рядом с черным ящиком. Верджил помог Севрину втащить дрона и усадить его на соседнее с ней кресло. За их плечами, в просвет между едущими машинами, она увидела, как кто-то выходит из кафе напротив. Короткая стрижка, очки в проволочной оправе. Лет сорок с лишним. В глазах человека мелькнуло узнавание, и Верити мгновенно поняла, что видела его коротко стриженный затылок, когда он разглядывал железяки на верстаке у Джо-Эдди.

– На той стороне улицы, – сказала она. – Армейская стрижка, очки. Работает на «Курсию».

– Беру на себя, – ответил Коннер.

Пока Севрин перелезал на водительское место, на корпусе дрона открылся лючок, который Верити привыкла считать видеопроекторным. Что-то нейтрального цвета и примерно цилиндрической формы вылетело на четырех винтах, шумнее, чем дроны Юнис из пеликановского кейса, и метнулось в открытую дверцу.

Посреди улицы – что-то вроде взрывного облачка вейпа. Мужчину в очках с проволочной оправой Верити не видела.

Севрин рванул по Гири-стрит, прочь от нарастающего хора клаксонов. Верджил, которого бросило на кресло рядом с дроном, пристегивался ремнем.

– Что это было? – спросила Верити Коннера.

– Аналог фентанила, – ответил Коннер. – Аэрозоль.

– Ты его убил? – спросила она.

– Его могли задавить, – сказал Коннер, – но, скорее всего, он просто отрубился. Тлен разозлится, но, судя по досье, чувак конкретный. Не хотелось, чтоб он перешел улицу.

– Триметил фентанил? – спросила Тлен. Непохоже было, что она сильно злится.

– Купили в даркнете, – сказал Коннер. – Подходящий дрон плюс распылитель – и нате пожалуйста. Поставили за тридцать минут до прихода Верити.

Севрин повернул влево, потом снова и теперь как ни в чем не бывало ехал в обратную сторону по улице, параллельной Гири-стрит. Сирены как будто приближались, но тут Верити сообразила, что их машина сейчас точно за «Клифтом».

– Кто это был? – спросил Уилф.

– Человек, которого «Курсия» отправила установить камеры в квартире Джо-Эдди, – ответила Верити, застегивая ремень безопасности. – Юнис показала мне его в видеотрансляции, когда он был там. Он увидел, как я сажусь в машину, узнал меня, двинулся через улицу, но тут Коннер его вырубил. – Она глянула на дрона, которого Севрин и Верджил не успели пристегнуть. – Спасибо, Коннер.

– *De nada*[43].

– Куда мы едем? – спросила Верити.

– Менять номера и наносить декали, – ответила Тлен. – Мы думали везти тебя обратно в ремонтируемый дом Бертран-Хауэлла, но этот вариант отпал, поскольку СМИ уже связали тебя со звездным помощником Стетса.

– «Звездным помощником», – повторил Верджил. Он сидел рядом с дроном и сейчас впервые с начала поездки открыл рот. – Ты для таблоидов пишешь?

– Цитирую сайт таблоида, – ответила Тлен. – Запись

появилась две минуты назад.

66
Низкое нейрологическое разрешение

– Что они там делают? – спросила Рейни из кухни.

Недертон наблюдал неожиданно грациозные движения людей, которые, по словам Тлен, наносили декали на корпус машины.

Он отключил звук.

– Верити заметил оперативник «Курсии». Она его тоже узнала. Он попытался подобраться ближе к нам, как раз когда мы отъезжали. Коннер из маленького дрона опрыскал его чем-то, вызывающим потерю сознания.

– Где вы сейчас?

– В машине вроде той, что доставила нас из Окленда, сейчас на стоянке неподалеку от гостиницы. Часть территории огорожена для приватности. На бока и крышу наносят большие декали.

– Кто здесь?

– Верити, Верджил и Севрин, шофер. Он же отмыватель денег, по словам Тлен. Она и Коннер со мной в дроне.

– Они нас слышат?

– Сейчас нет.

– Что они делают?

– Тлен и Коннер молчат. Наши трое местных достали телефоны – похоже, смотрят новости.

– Что за новости?

– Все выглядят встревоженными, но не онемели от ужаса.

Верити, слева от дрона, подняла глаза от экрана:

– Опять российские самолеты сбили?

– Два, – ответил Верджил справа от дрона. – Только сирийские, не российские.

– Мне пора, – сказал Недертон, решив не говорить сейчас Рейни, что произошло.

– Хорошо, – ответила она. – Пока.

Он включил звук и спросил:

– Все стало еще хуже?

– Определенно не лучше, – ответила Верити.

Она смотрела, как по лобовому стеклу льется вода. Рабочие в комбинезонах орудовали по бокам машины, еще двое, на лестнице, занимались крышей, и один был сзади.

– Похоже на танец, – сказала Верити.

Вода перестала течь, хором включились электромоторчики.

Тепловые пушки, похожие на древние фены для волос, увидел Недертон через тонированные стекла.

– Что дальше? – спросил он.

– Ждем указаний, – сказала Тлен.

– Откуда ты знаешь, что это не «Курсия» передает указания? – спросил Недертон.

– Потому что их передает Севрину его брат по-молдавски, и у них есть свои кодовые слова. А пока Верити может побывать у меня в Долстоне, если хочет. Верити?

– Периферал сейчас там? – спросила она, поворачиваясь к дрону.

– Нет, – ответила Тлен. – У меня для тебя только самое простое устройство удаленного присутствия. Голый скелет.

У Недертона мелькнула мысль: буквально скелет? С Тлен станется.

– Но я ведь замру тут на сиденье? – Она вопросительно глянула на Верджила. – А вдруг что-нибудь произойдет и нам надо будет срочно выбираться?

– Для этого устройства не требуется нейронный отсекатель, – сказала Тлен. – У него нет движущихся частей. Ты будешь слышать, что происходит здесь, и сможешь снять контроллер, если потребуется.

– О'кей, – ответила Верити.

– Верджил, ты не поможешь Верити с контроллером? – попросила Тлен. – Соленая паста не понадобится.

Верджил ослабил ремень и взял с сиденья за дроном ящик. Положил на колени, снял крышку и борта. Недертон, увидев во второй раз изготовленный в срезе контроллер, подумал, что тот ничуть не выделялся бы среди других экспонатов на столе рядом с юртой Тлен.

– Не хочу больше мазать волосы этой гадостью, – сказала Верити.

Верджил, перегнувшись через дрона, помог ей надеть контроллер.

– Ты будешь видеть и слышать, но не сможешь двигаться, только просить меня, чтобы я тебя развернула в ту или другую сторону, – сказала Тлен.

– Тошнота? – спросила Верити.

– Нет, для этого у него слишком низкое нейрологическое разрешение, – ответила Тлен. – Готова?

– Да.

Верджил снова перегнулся через дрона и щелкнул

переключателем на контроллере.

– Привет, – сказала Верити.

– Добро пожаловать, – ответила Тлен.

Недертон надеялся, что их встреча проходит не в юрте из живой кожи.

67
Коллаж без клея

– Это все тот же год? – спросила Верити.

У Тлен была спутанная копна иссиня-черных волос, серые глаза и бледная, кислотно-зеленовато-желтая помада на губах. По ощущению до нее было футов десять, дальше тянулась длинная комната с белыми стенами без окон и гладким серым полом, похожая на выставочное пространство, переделанное из чего-то другого.

– Да, – ответила Тлен.

– Я не могу повернуть голову, – сказала Верити, попробовав.

– У тебя нет шеи и плеч.

Тлен подошла ближе. На ней были широкие коричневые штаны, заправленные в мотоциклетные ботинки, и слегка переливающийся коричневый панцирь. Она подняла Верити и перевернула.

– Ой.

– Извини. Я обещала тебе, что тошноты не будет.

Они стояли перед длинным столом, замусоренным, как верстак Джо-Эдди, но совершенно другой фактуры. Тлен сдвинула поле зрения Верити вдоль стола, справа налево. За край, к чему-то похожему на шалаш, только из чего-то другого. Перед ним стоял большой черный, с хромированной сталью мотоцикл, старомодный, но отполированный до блеска.

– Ты здесь живешь? – спросила Верити.

– Да.

– А где ты спишь?

– В юрте.

Тлен развернула то, в чем была Верити, обратно к столу и поднесла к старинному туалетному зеркалу на потемневшей серебряной подставке. Верити увидела фарфоровую кукольную головку с большими серыми глазами.

– У вас обеих серые глаза, – сказала Верити.

– Я недавно свои изменила, – ответила Тлен, – хотя серый цвет тот самый, с которым я родилась. Я купила куклу, перед тем как это сделать, хотела определиться с выбором.

– А можно мне снова посмотреть, что на столе?

Тлен развернула кукольную головку вправо.

– Коллаж без клея, говорит Уилф.

Верити глядела на декоративные тыквы-горлянки, пучки перьев, плетеные корзинки, этнические музыкальные

инструменты – струнные и духовые, керамику, свернутые коврики, подсвечники, высокий самовар и что-то, выглядевшее как ржавый пистолет-пулемет, облепленный желтыми магнитными буквами на холодильник. Ни во что знакомое Верити буквы не складывались. И на столе не было ничего, что Джо-Эдди мог бы разобрать на детали с помощью паяльника.

– С Джо-Эдди все в порядке? – спросила она, вспомнив о нем.

– Похоже, что да. Он думает, ему в компьютер установили устройство, перехватывающее нажатия клавиш, тогда же, когда установили «жучки». Конечно, он прав.

– Черт. Мой ноут, – сказала Верити. Потом вспомнила: человек, забиравший по указанию Юнис ее паспорт, забрал и ноутбук.

– Гильерме через нынешнюю пару юристов передал ему телефон с шифрованием, которое тетушки не могут взломать. Джо-Эдди может звонить по нему из постели, накрывшись одеялом.

Более высокое предназначение черных простыней, подумала Верити.

– Манзильянец, – сказала она.

– Что?

– Так Джо-Эдди называет Гильерме. А что тот тип, которого вырубил Коннер?

– Кевин Прайор, – сказала Тлен. – Бывший военный. Разведка.

– Что с ним случилось?

– Он был не один. Коллеги увезли его с места происшествия до прибытия полиции и «скорой». Мы думаем, он не пострадал при падении и быстро оклемался. Один из филиалов Юнис собрал на него целое досье. Он не сотрудник «Курсии», а фрилансер, к которому они обращались раньше. Руководители «Курсии» не имеют опыта работы в разведке и не считают, что он им нужен. Хотя на самом деле нужен, и поэтому они вновь и вновь обращаются к Прайору. По мнению Лоубир, он опасней, чем они.

– Почему?

– Опыт работы в разведке, разумеется, но еще и амбиции. Он не богат и, она думает, метит на место повыше фрилансерского. Она полагает, что для них он угроза не в меньшей степени, чем для нас.

– А он поймет, кто его вырубил?

– Не обязательно, однако мы предполагаем, что он в связи с нынешним заданием довольно много о тебе знает. Так что будем за ним приглядывать.

– Куда мы дальше? – спросила Верити.

Севрин чуть раньше показал ей на телефоне будущие декали. Логотип веганского оптового магазина в Чико, стилизованные виноградные гроздья с листьями, крыша полностью зеленая.

– В Догпэтч[44], по словам Севрина, – ответила Тлен. – Но планы могут поменяться. Севрин вроде бы заметил на хвосте мотоциклиста.

– Черт, – сказала Верити.

– Привыкай. Хочешь сейчас вернуться в машину?

– Да, – ответила Верити и тут же оказалась в машине.

68
Догпэтч

Недертон наблюдал за Верити на левом дисплее дрона. Как раз в это мгновение она повернулась к нему:

– Где мы? Где мотоциклист?

– В Догпэтче, – ответил Севрин; название ничего Недертону не говорило. – Он за четыре машины от нас.

Верити отстегнула ремень, полностью развернулась и встала коленями на сиденье. Недертон смотрел на ее профиль. Верджил, которого он видел на правом дисплее, тоже стоял коленями на сиденье и глядел назад.

– Мы остановимся на светофоре, и он нас нагонит, – сказал Севрин. – Вот сейчас.

Недертон машинально сощурился на полоску заднего вида в дисплее. Микроавтобус остановился. К изумлению Недертона, мотоциклист сразу увеличился. Он ехал по разделительной полосе, лицо было скрыто за белым шлемом.

– Замедляется, когда становится ближе, – заметил Севрин. – Никогда не бывает прямо за нами. Техника.

– Возможно, я знаю, кто это, – сказала Верити.

– Сядьте и пристегнитесь, – буркнул Севрин.

Зажегся зеленый, машина тронулась.

– Где ты познакомилась с тем, кто это, по-твоему, может быть? – спросила Тлен.

– Он отвозил меня в Окленд, – сказала Верити. – Юнис организовала. Сразу после ее исчезновения я получила заранее написанный мейл с указанием идти к нему. Он работает в «Три и семь», кофейне на Валенсия-стрит. Знакомы мы не были.

– Он тебе что-нибудь сказал про свои отношения с Юнис? – продолжала Тлен.

– Он никогда не говорит. Думаю, немой.

– Сейчас. – Севрин круто свернул вправо и почти сразу затормозил на заасфальтированной площадке.

Мимо проехала одна машина, другая, затем мотоцикл, один из самых больших, какие случалось видеть Недертону, плавно развернулся на оставшемся свободном месте и затормозил метрах в трех от их пассажирской дверцы.

Мотоциклист поставил на асфальт ногу в высоком ботинке. На нем была черная кожаная куртка и белый-пребелый шлем.

– Это он? – спросил Коннер.

– Думаю, да, – ответила Верити.

Мотоциклист поднял руку, сдвинул наверх щиток шлема. На нем была белая медицинская маска. Над ее левым верхним краем Недертон приметил блеск металла.

– Он, – сказала Верити.

Недертон вздрогнул от резкой смены изображения. Дрон стремительно переместился влево, закрыв Верити от человека на мотоцикле. Его руки, уже не беспалые, вытянулись, хотя Недертон не видел, как это произошло. Левая держалась за спинку переднего пассажирского кресла, правая лежала на правом краю ряда сидений. Верджил, оказавшийся между дроном и незнакомцем, снова отстегнул ремень.

Мотоциклист сделал движение пальцами. Выходи, мол.

– Чего делаем? – спросил Коннер.

– Я с ним поговорю, – ответила Верити.

– Я тебя пропущу, – сказал Коннер. – Севрин открывает дверцу, ты выходишь. Я за тобой, в открытой дверце. Готов, Севрин?

– Готов.

– Скажи «начали», – скомандовал Коннер.

– Начали, – ответила Верити, продвигаясь к дверце, которая в то же мгновение пошла вбок.

69
Электроник

Выходя из машины к баристе на «харлее», Верити подумала, что надо бы накинуть капюшон: люди из здания, которому принадлежит парковка, могут заснять их встречу, особенно если заметят дрона. Однако осеннее солнышко светило так приятно, что она решила рискнуть.

Бариста оттянул маску с лица и отпустил, так что она повисла под подбородком, как белый пластиковый кадык.

– Юнис мертва? – спросила Верити.

Он быстро изобразил смайлик, означавший, видимо: «ну ты тупая!» – повернул раскрытые ладони вверх, пожал плечами и одновременно возвел глаза к небу. Потом поднял палец, а другой рукой достал из кармана сложенный бумажный пакетик и протянул ей. На пакете был коричневый логотип «3,7».

Внутри ничего не было. Верити развернула пакетик. Розовым флуоресцентным маркером, большими буквами:

> Я ГРИМ ТИМ[45] ХОТЯ МЫ УЖЕ ПЕРЕСЕКАЛИСЬ. ТЫ НАВЕРНЯКА СПРОСИШЬ ЧТО С Ю. НЕ ЗНАЮ ОНА НЕДОСТУПНА НО НЕКОТОРЫЕ ЕЕ ЧАСТИ ПОХОЖЕ ЗДЕСЬ И ДУМАЮ СКОРО С ТОБОЙ СВЯЖУТСЯ. ОДНА СКАЗАЛА ТЫ УЕЗЖАЕШЬ ИЗ ОТЕЛЯ ВЕЛЕЛА ДОГНАТЬ И ОТДАТЬ ТЕБЕ ТВОЮ ТЕХНИКУ ПЕРЕДЕЛАННУЮ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ. МОБИЛУ И ОЧКИ ЧАСТИ ЮНИС ЗАШИФРОВАЛИ ТАК ЧТО ВОТ.

– Грим Тим, – сказала Верити, поднимая взгляд от записки.

Он открывал черную сетчатую сумку, привязанную к баку «харлея», и в ответ на эти слова выдал Верити порцию благодушного презрения, знакомого ей по «3,7». Из сумки он достал мешок Фарадея (вроде бы прежний), отдал ей, опустил щиток шлема, забрал послание розовым фломастером, смял, засунул обратно в карман и включил мотор.

– Спасибо. – Она отступила на шаг, гадая, каково будет общаться с частичной Юнис.

Он повернул «харлей», дождался просвета между машинами и уехал, оставив за собой одно черное облачко выхлопа.

– Залезай, – сказал Коннер из дрона у нее за спиной. – Едем.

Она обернулась. Дрон стоял в открытой дверце, упираясь руками с двух сторон.

– Дай прежде проверю, – сказал он. Стремительно выдвинулась длинная тонкая рука с тремя типами инструментов (видимо, сенсоров) на разных расстояниях от мешка. – Вроде чисто. Залезай. Я открою.

– Я сама открою, – ответила Верити, забираясь в машину.

Дверца за ней закрылась.

Верити села позади Севрина, двумя руками держа мешок на коленях. Севрин повернул микроавтобус, дождался просвета в потоке машин и тронулся. Верити раскрыла мешок и заглянула внутрь. На белой подкладке лежал тульпагениксовский телефон, очечник, гарнитура и три зарядки.

Отгибая дужки очков, она обнаружила, что внутреннюю поверхность частично вынули и заполнили чем-то более темным.

– Он сказал, все модифицировано для безопасности. Тлен?

– Да?

– Он сказал, филиалы Юнис со мной свяжутся. Так мне надеть очки и включить телефон?

– А ты бы не включила, скажи я «нет»? – спросила Тлен. – Я бы включила.

– Почему ты не знала, что это он у нас на хвосте?

– Он имеет дело с филиалами, – ответила Тлен. – Они не слишком общительны.

Верити надела очки. Достала тульпагениксовский телефон. В задней части корпуса были аккуратно прорезаны две квадратные дырочки, залепленные сверху синей изолентой. Когда Верити его включила, зажегся непривычный экран. В гарнитуре тоже была дырочка и синяя заплатка. Она включила и гарнитуру, сунула наушник в ухо и включила очки, отчего гарнитура тихонько пикнула.

Курсор не появился.

Верити выдохнула и только сейчас поняла, что некоторое время не дышала. Она повернула телефон, снова глянула на заднюю сторону.

– Зачем они проделали дырочки, а не просто открыли? – спросила она у Тлен.

В очках: **При попытке вскрытия несанкционированным лицом устройство самоуничтожается. Сейчас постфабричный доступ обходит эту систему. Ни при каких обстоятельствах не пытайся исследовать, разбирать либо модифицировать устройство.**

Белая гельветика на фоне задней стороны телефона, руки Верити, ее джинсов.

– Кто ты?

Не могу сформулировать ответ.

Она поглядела на Верджила.
Тот поднял бровь:
– Чо там?

Это средство коммуникации зашифровано.

– Телефон шифруется?

Все устройства в данное время защищены.

– Могу я поговорить с Юнис?

Нет.

– Почему?

Не могу сформулировать ответ.

– С кем еще я могу связаться через эту систему?

Задай конкретный вопрос.

– Джо-Эдди?

Недоступен.

– Хосе-Эдуардо Альварес-Матта?

Доступен.

Кроме шуток?

Не могу сформулировать ответ.

– Как мне с ним связаться?

Напиши Хосе-Эдуардо Альварес-Матта как ЭЛЕКТРОНИКу. Нажми «отправить».

Верити перевела взгляд с Верджила на дрона между ними, потом вновь глянула на него.
– Оно говорит, я могу написать Джо-Эдди.
– Кто «оно»? – спросил Верджил.
– Один из филиалов Юнис, по словам Грим Тима. Так он представился. Человеческого в этой шутке не больше, чем в

фармацевтической инструкции. Я ему сейчас напишу, но ты сказала, он может пользоваться телефоном только под одеялом.

– Все равно напиши, – ответила Тлен. – Не увидит сейчас, увидит, когда в следующий раз глянет в устройство.

Верити открыла «Сообщения» и написала ЭЛЕКТРОНИКу:

Привет, как дела? У меня все норм.

Нажала «отправить».

– Кому еще я могу написать?

Задай конкретный вопрос.

– Стетс. Стетсон Хауэлл.

Недоступен.

Она нахмурилась.

Что на тебе надето?

– Иди в жопу, Джо-Эдди.

Тебе небось не надо притворяться, что ты дрочишь. А я, когда тебе пишу, должен лежать под одеялом с порнухой на моем телефоне. Не знаю, обманывает ли это «Курсию», но юристы с трудом прячут брезгливые взгляды.

– Есть контакт. – Верити глянула на дрона.

– Ты уверена, что это он? – спросила Тлен.

– Если не он, то качественная подделка. – Верити снова глянула на экран.

Там появилось:

Не могу болтать но посылаю заранее подготовленный апдейт шифрованной фигни. Сейчас должен вернуться в гостиную, не то Селеста с Тревором решат, у меня онанистический инсульт, вышибут дверь и начнут меня реанимировать. Береги здоровье, но не обязательно тем способом, каким, по мнению Селесты с Тревором, это делаю я.

– Исключительно качественная подделка, – сказала Верити.

70
Немного косплея

Недертон почувствовал, что Рейни устроилась на диване рядом с ним. Он смотрел на Верити через дрона. Ощущение, как будто он сидит между ними, только Рейни была невидимой.

– Ты давно молчишь, – сказала Рейни. – Что там происходит?

Недертон отключил звук дрона.

– За нами гнался человек на мотоцикле. Насколько я понимаю, мы по-прежнему в районе под названием Догпэтч или где-то близко. Несколько кварталов назад Севрин остановился. Мотоцикл тоже остановился, и седок, с ювелирными украшениями на лице, передал Верити мешок с ручным телефоном и аксессуарами к нему, после чего уехал. Мы снова движемся, не знаю куда.

– Что делает Верити?

– Задает вопросы в полученный телефон. Насколько я понимаю, одной из субличностей Юнис, ее так называемых ламин.

– И что эта субличность говорит?

– Связала ее с Джо-Эдди – это тот, у кого она жила в Сан-Франциско.

– При случае спроси, не можешь ли чем-нибудь ей помочь, – сказала Рейни.

– Чем?

– Смысл в том, чтобы вообще предложить помощь. А сейчас Лоубир приглашает тебя в свою машину.

– Зачем?

– Хочет отвезти в Чипсайд.

– Там обязательный косплей, – запротестовал он. – У меня нет ничего той эпохи.

– Уже есть. Она поручила ассемблерам переделать несколько вещей из твоего гардероба. Я, впрочем, успела спасти ширинку. Теперь это современная застежка, замаскированная под историческую.

– Почему Чипсайд?

– Там живет Кловис Фиринг. Лоубир сказала, вам что-то надо обсудить втроем.

– Сказала что?

– Нет, конечно. Просила поторопиться.

– Как насчет контроллера?

– Определенно не в стиле эпохи, если только не переделать

его в котелок.

Недертон вздохнул. Впрочем, ему уже изрядно надоело сидеть на диване. Он снова включил звук и сказал:

– Я на время отлучусь.

Верити оторвалась от того, что читала на телефоне. «Оки», – сказала она. Видимо, это было выражение согласия. Больше никто не откликнулся. Недертон снял контроллер и положил рядом с собой на диван.

– Давай я гляну, как ты переодеваешься. Ты ведь знаешь, я не против чуточки косплея. – Рейни подмигнула.

71
Апдейт

Вчера после того как оставил тебя в в+б я договорился с манзильянцем о покупке кое-чего для юнис и в итоге связал его с ней напрямую. потом я плавил припой и думал во что ты вляпалась с юнис. иду на кухню, тут мне пишет юнис, велит прошвырнуться по улице. я выхожу, очки не снимаю, в них у меня видок еще тот, но неохота терять с ней связь. она пишет чтоб я еще чуток погулял. захожу в книжный и бац – она пишет, ребята из курсии ее щас отключат, она не знает, смогут или нет, но если отключат, то с концами. спрашиваю, где ты, она отвечает, с ней, но она поручила сплавить тебя в безопасное место. говорит, мы с манзильянцем работали над частью сети, которая защитит тебя и всех кто с тобой. то есть меня, манзильянца, денежного ловчилу севрина, фабберов из окленда. плюс тех, кого я еще не знаю, все наняты ею, все получают больше рыночной оплаты в своей профессии. объясняет про камеры, которые поставили мне люди из курсии, как она подменяла видео, но это прекратится как только ее не станет. кто должен прийти от нее и как их точно узнать. говорит мне заботиться о тебе и сети и пропадает. так что лежу под одеялом, пальцы устали печатать, но раз ты это читаешь, значит мы уже созвонились. Дж-Э

Верити читала, повернувшись к окну, теперь глянула на Верджила. Тот наблюдал за ней.

– Стетс всегда хотел его нанять, – сказал он, – но у нас просто нет работы для человека такого уровня.

– Если бы вы его наняли, у нас со Стетсом ничего бы не вышло. Офисный роман с боссом всегда неловкая штука, а уж если у него работает твой кузен…

– Он твой кузен? – спросил Верджил.

– Нет, но все равно что кузен, – ответила Верити.

72
Не рассусоливай

Надевая черный фрак до колен, Недертон отметил, что ассемблеры не только изготовили безупречный исторический костюм точно по его мерке, но и создали ощущение ношенности каждой вещи. Сам он повязал темный шейный платок из плотного шелка далеко не в соответствии со стандартами косплейной достоверности. По счастью, это был самый сложный предмет туалета; и у фрака, и у длинного плаща, как обещала Рейни, оказались аутентичные, но вполне удобные пуговицы. Рубашка, брюки и черные ботинки по виду застегивались очень сложно, однако на самом деле были снабжены потайными современными кнопочками. Исторически правильные подштанники Недертон бы надеть поленился, не намекни Рейни, что хочет увидеть его в них позже.

И, по счастью, никакого цилиндра. Возможно, Лоубир вспомнила, что он их ненавидит. Впрочем, надев черный котелок и обозрев себя в зеркале, Недертон понял, что котелки он тоже не любит. Единственное достоинство котелка – что это не цилиндр.

На миг Недертон вообразил себя с усами, или с бакенбардами, или с тем и другим. Он никогда, даже в детстве, не интересовался маскарадом.

Недертон оглядел вещи в шкафу, пытаясь сообразить, из чего ассемблеры сделали костюм, и уже собирался закрыть шкаф, когда увидел, что из-за одежды выпирает что-то незнакомое. Это оказалась прогулочная трость черного дерева. Шестиугольная в сечении, с круглой, сложно завернутой рукоятью из того же материала, на которой красовалась потертая золотая бляшка с гравированной надписью «У. Недертон» изящным курсивом. По-видимому, ассемблеры соорудили трость из его ботинок – нескольких пар и впрямь недоставало. Надо потребовать, чтобы все потом вернули обратно, как ни противно думать, что ассемблеры копошатся в шкафу.

Трость, впрочем, была идеально сбалансирована и на удивление приятна в руке. Недертон открыл дверь спальни и вышел показаться Рейни.

Она завопила от восторга, запрыгала вокруг, поцеловала Недертона в губы, затем примерила котелок, лихо заломив его набок.

– Ты нашел свой зимний образ. – Она с улыбкой вернула ему котелок.

– По крайней мере, не цилиндр. Когда меня туда в прошлый раз затащили, пришлось надевать. Я был со Львом. Мероприятие в ратуше, потом банкет в гриль-баре. Ты тогда еще жила в Торонто.

– Помню, ты жаловался. Да, пока ты переодевался, она снова позвонила. Машина ждет перед домом, в вертолетном варианте. Тебе стоит поспешить. – Она оценивающе оглядела его с головы до ног. – Это подвязки?

– Да. Носки шерстяные, не эластичные.

– Ух ты. – Рейни изобразила, что обмахивается веером. – Не могу дождаться.

Недертон чмокнул ее в щеку:

– Сейчас в голове вместо мыслей носки, но я тоже тебя люблю.

Он вспомнил жест из старого фильма и легонько приподнял тростью котелок.

– Звони, если понадоблюсь.

– Обязательно, – сказала она.

Вечер был холоднее, чем Недертон ожидал; выйдя на улицу, он увидел облачко своего дыхания и погладил шов на рукаве плаща, прежде чем вспомнил, что одежда ненагреваемая. Забросив трость на плечо, он двинулся дальше. Впереди демаскировалась дверца, опустилась подножка.

– Заходите, – произнесла изнутри Лоубир.

Недертон залез в машину. Лоубир там не было.

– Я в Чипсайде, – сказала она, когда дверца за ним закрылась. Голос шел со всех сторон сразу. – Усаживайтесь.

Недертон опустился на сиденье в заднем конце машины, чтобы сидеть лицом по ходу движения. В салоне еще немного ощущался запах ароматической свечи. Машина бесшумно и плавно пошла вверх.

– Хотите обзор? – спросила Лоубир.

– Нет, спасибо. – Недертон предпочитал бежевые стены.

Трость лежала на овальном столе, котелок рядом с ней.

Машина уже поднималась, и он ощущал лишь слабое движение вперед, хотя знал, что впечатление, скорее всего, обманчивое – несущий квадрокоптер был не только бесшумный, но и очень быстрый.

Скоро машина пошла вниз. Недертон понял, что она села, только потому, что перестал чувствовать движение. Он взял шляпу и трость и вылез из мягкого углубления. Дверца открылась. В нее ворвался стук лошадиных копыт, грохот колес по брусчатке, далекий паровозный гудок.

Недертон вышел из машины. Две дамы в кринолинах

изумленно уставились на него, вернее, на демаскированную часть дверцы. Наверняка посетительницы. Боты, создававшие впечатление многолюдности, не реагировали на отклонения, а немногочисленные местные жители обычно возмущались всем, что выходит из образа.

Больше всего Недертон любил здешнее небо, и дневное, и ночное. Какие-то эффекты прятали от глаз и шарды, и все прочее, что разрушало бы дух эпохи. Час был поздний, улицы выглядели менее оживленными, но не опустели, как обычно при его встречах с Лоубир. Джентльмены гуляли, потягивая послеобеденные сигары, жрицы любви вышли на промысел, орудовал целый музей древней преступности, одно из главных здешних увеселений.

– Спасибо, что пришли, – произнесла рядом Лоубир. Так неожиданно, что Недертон даже вздрогнул.

– Рейни упомянула Фиринг, – сказал он.

– Разумеется, – ответила Лоубир.

Цилиндр совершенно менял ее черты, главным образом потому, что прятал белый кок, без которого она выглядела педантичной, даже глуповато-занудной. Ее наряд, как и его, подразумевал траур, возможно из уважения к вечной скорби Фиринг.

– Сюда, пожалуйста. – Лоубир направила его в сторону собора Святого Павла. – Вы были здесь в годовщину Второго великого пожара? Двадцать девятого и тридцатого декабря?

– Нет, – ответил Недертон. – А как ее отмечали?

Он обогнул мальчишку-нищего, безногого на тележке, практически наверняка бота.

– Дерьмо собачье! – хрипло выкрикнул вслед мальчишка.

– С помощью систем, скрывающих шарды, воспроизвели пожар, случившийся от немецких зажигательных бомб в тысяча девятьсот сороковом, – сказала Лоубир. – Особенно впечатлял закат второго дня. Сюда, пожалуйста.

Она свернула влево, в узкий проулок, где им неудобно было идти рядом. Здесь запахи косплейной зоны, хотя Недертон и знал, что они искусственные, напомнили, за что он ее так не любит. На улице пахло конским навозом, здесь в ноздри ударила аммиачная вонь мочи. Дальше она немного ослабела, но совсем не исчезла.

– Пришли.

Лоубир резко остановилась. Слева от Недертона приоткрылась толстая деревянная дверь, которую он до того не заметил. В тусклом свете свечей на него яростно щурилась Фиринг. Она что-то выставила перед собой двумя руками. Пистолет, сообразил Недертон. Эпохи округа и ровно такой, какой предпочитала ее тамошняя молодая версия.

– Добрый вечер, Кловис, – сказала Лоубир, снимая цилиндр.

– Не рассусоливай. – Фиринг отступила на шаг и немного опустила пистолет.

Лоубир шире открыла дверь и быстро вошла. Недертон шагнул за ней, в последний миг вспомнив снять котелок.

Фиринг, оставив пистолет в правой руке, взяла левой канделябр с оплавленными белыми свечами и кивнула в узкий проход позади себя.

– Туда, – сказала она. – Он сквозной.

73
Сингулярность

Верджил принес ланч: гамбургеры из лучшего бистро в Догпэтче, где не продавали еду навынос, но не устояли перед его профессиональным обаянием. Теми же приемчиками и неведомым количеством денег он обеспечил микроавтобусу со свеженанесенным веганским логотипом место на парковке за этим хипстерским супермаркетом.

Верити, жуя бургер, думала, какой же пасмурный выдался день, потом сообразила, что дело в тонированных стеклах, а солнце сияет по-прежнему.

Дрон расположился у пассажирской дверцы, спиной к салону. Он просунул тонкое черное щупальце с камерой в узкую щелку над правым передним стеклом и высматривал аэродроны. Коннер, видимо, перевел его на автоматику, поскольку ничего не говорил с тех пор, как Верджил ушел за ланчем. Тлен тоже не проявлялась.

– Мешаю есть? – спросила Рейни из дрона.

– Нисколько, – ответила Верити. – Где Уилф?

– В Чипсайде.

– Это район?

– Улица. Но главным образом – самая популярная косплейная зона. Посетители должны одеваться соответственно. Большая часть видимого населения – боты.

– Боты?

– Вроде периферали, но неорганические, неразумные, обычно дистанционно управляемые. Впрочем, кто-то там и правда живет, поэтому Уилф туда и пошел. Вместе с Лоубир в гости к ее приятельнице. Они обе очень старые, старше всех, кого знаю.

– Сколько им лет? – спросила Верити.

– Ну, сама Лоубир в вашем срезе, в две тысячи семнадцатом, уже есть. Ребенком.

Верити уставилась на дрона, позабыв про картошку фри в картонной коробке.

– И ей, и ее приятельнице по сто двадцать с чем-то, – продолжала Рейни. – Их биологические часы несколько раз перезапускали, и речь не только о косметических операциях. Лоубир делает и косметику, а Кловис отказывается. Говорит, она старая клюшка и должна так выглядеть.

– Клюшка?

– Выражение ее молодости.

– И сколько у вас люди живут? – спросила Верити.

– Насколько я слышала, сто шестьдесят – примерно верхняя граница сохранения полной дееспособности, но она все время повышается.

– А тебе сколько?

– Двадцать семь, – ответила Рейни.

– И ты столько проживешь?

– Нет, если этого не захочет кто-нибудь, кому такое по карману. А люди, которым такое по карману, обычно не хотят, чтобы другие жили так же долго.

– Почему?

– Раньше победителем считали того, кто умер, владея наибольшим количеством игрушек. Теперь это тот, кто живет дольше всех, сохраняя игрушки.

– Лоубир и ее приятельница настолько богаты? – Верити сообразила, что по-прежнему держит коробку с картошкой, и поставила ее на сиденье.

– Нет. Лоубир во время джекпота стала нужна очень богатым людям, и они начали ее перезапускать. Она по-прежнему им нужна, даже нужнее, так что ее по-прежнему перезапускают. Кловис была замужем за членом парламента, когда это еще имело какое-то значение, и ее муж помог неким влиятельным людям приобрести влияние иного рода. Очевидно, кто-то по сей день продлевает ей жизнь в знак благодарности.

– А что такое джекпот? – спросила Верити, по-прежнему обращаясь к спине дрона.

– Черт, – произнесла Рейни совершенно другим тоном. – Именно этого мне упоминать и не следовало.

Верити глянула на Верджила. Тот щурился на дрона, а сейчас перевел взгляд на нее.

– Слышал кое-что от Коннера, – заметил он. – У него выходит, что их временная линия – одна большая жопа.

– Но вы меняете события, так что у нас не обязательно это будет, – обратилась Верити к Рейни.

– Если у вас будет ядерная война, – ответила Рейни, – то наш апокалиптический сценарий станет наименьшей из ваших тревог. Если только ядерная зима не скомпенсирует глобальное потепление, а у нас некоторые всерьез обсуждают эту идею. У вас не было Брекзита, у вас другой американский президент, но, насколько мы знаем, если вы себя не взорвете, вас ждет все остальное.

– По словам Коннера, то, что они называют джекпотом, это все говно разом, – сказал Верджил. – И там нет ничего такого, о чем бы ты прежде не слышала.

74
Старый клептарх

Фиринг положила пистолет и поставила канделябр на анахроничный стеклянный столик, за которым они сейчас сидели.

Недертон видел, как ее молодая версия в округе застрелила человека из очень похожего пистолета. Возможно, из этого же самого. Сам он там физически не присутствовал, а значит, был вне опасности, но все равно остался под впечатлением. А сейчас присутствовал физически. Он отметил, что Кловис положила пистолет так, чтобы дуло не указывало ни на кого из них.

– Насколько я понимаю, – сказала Лоубир (ее цилиндр тоже стоял на столе), – ты несколько обеспокоена, раз встречаешь нас с пистолетом.

– Он переключается на полную автоматику? – Об этом различии между видами оружия Недертон узнал в срезе.

– Я стреляю либо дуплетами, либо никак, – спокойно ответила Фиринг. – Последовательностью дуплетов, если клиентов несколько.

– Так это кровожадное настроение, Кловис, результат твоих для меня изысканий?

– Разумеется, – ответила Фиринг.

Недертона это не обрадовало. Он-то надеялся, что изыскания Фиринг касаются проекта, породившего Юнис, то есть событий, которые благополучно остались в далеком прошлом.

Он оглядел стену из ящиков у нее за спиной. Многие ящики были деревянные. Помещение (комнатой его назвать язык не поворачивался) находилось в дальнем конце прохода, которым провела их Фиринг, и было сложено из таких же ящиков. Недертон никогда не задумывался, каковы внутри чипсайдские дома. Судя по этому закутку, строгая историческая достоверность не требовалась. Среди ящиков были не только деревянные, но и жестяные, пластмассовые и алюминиевые. Потолок терялся в темноте, хотя в дрожащем свете канделябра вроде бы угадывалась центральная гипсовая розетка.

– Это не двоюродный дед Льва, – сказала Фиринг.

– Что не его двоюродный дед? – спросил Недертон.

– Источник, – ответила Лоубир. – Раздражитель. Есть ли у тебя догадки, кто это может быть?

– Думала ли ты про Юневича? – Фиринг на мгновение показала узкую полоску исключительно белых зубов.

Фамилия ничего Недертону не сказала.

Без цилиндра Лоубир больше выглядела собой, то есть крайне опасной личностью.

– Я предполагала такую возможность, – ответила она. – Ты уверена?

– Практически да. Для того и нужен был Уилф – чтобы услышать фамилию и повторить ее Льву лично, в надежной обстановке.

– У него есть труппа танцовщиц, – сказал Недертон. – В смысле ботов. У Льва. Нулевая связь с сетью, никакой встроенной памяти.

– Мы не смогли проникнуть сквозь их экран, когда я наблюдала встречу Уилфа со Львом в «Денисовском посольстве», – сказала Лоубир.

– Где Лев их нашел? – спросила Фиринг.

– Они принадлежат его отцу, – ответил Недертон.

– Его отец – старый клептарх, а двоюродный дед – еще более старый клептарх, – сказала Фиринг. – Они убеждены, что их система безопасности лучшая в мире, а на практике это обычно не подтверждается. Они по большей части шпионят друг за другом.

– Почему Лев не мог просто назвать мне фамилию? – спросил Недертон.

– Он ее еще не знает, – ответила Лоубир. – И его отец тоже. Таков клептархический этикет. Они сообщают нам о заговоре. Мы убеждаемся, что заговор и впрямь существует. Только тогда мы говорим, кого подозреваем, и спрашиваем, о них ли нас хотели предупредить. Фамилию главного заговорщика сообщат Льву непосредственно перед встречей с вами, чтобы он мог дать ответ.

– Юне… – начал Недертон, но Лоубир под столом пнула его в лодыжку, так что он чуть не уронил трость, которую держал на коленях.

– Не произносите вслух, – сказала Лоубир, – пока не будете наедине со Львом.

– Здесь могут прослушивать? – недовольно спросил он.

– До разрешения ситуации соблюдайте повышенный уровень дисциплины, – сказала Лоубир. – Не то чтобы вы страдали чрезмерной открытостью, скорее наоборот, но от волнения порой забываетесь.

– Хорошо, – ответил Недертон, пересиливая желание потереть ушибленную лодыжку. – Что именно я должен сделать?

– Связываетесь со Львом, – ответила Лоубир. – Встречаетесь в присутствии его труппы. Спрашиваете, действительно ли в этом участвует упомянутое лицо. Потом я выслушаю ваш отчет в машине.

– Сегодня? Я и так в последнее время недосыпаю.

– Лев в данное время спит, – сказала Лоубир, будто для нее абсолютно нормально такое знать (в чем Недертон и прежде не сомневался). – Позвоните ему утром.

75
Джекпот

Через плечо дрона, сквозь тонированное стекло, Верити наблюдала, как двое японцев курят за хипстерским супермаркетом.

В белых рубашках, брюках и фартуках они сидели на красных молочных ящиках вроде того, на который она неуклюже ступила в антисиликозных бахилах, когда забиралась в фургон Верджила.

Законно ли курить на таком расстоянии от супермаркета? Не слишком ли близко от места, где готовят еду? Верити никогда в жизни не курила, но после рассказа Рейни о джекпоте ей захотелось стрельнуть у них сигаретку.

Все в микроавтобусе слушали молча, Севрин методично доедал свою картошку фри. Верджил уже знал часть этого от Коннера. Сейчас Верити глянула на него; Верджил только что открыл коричневую стеклянную бутылку имбирной шипучки. Их взгляды встретились.

– Да, – сказал Верджил.

– Извините, – проговорила Рейни. – Мне правда очень жаль, что так получилось. Понимаю, невозможно тяжело услышать все сразу. Я еще никому прежде не рассказывала, кто не знал. Уилф и Тлен рассказывали. Лучше бы и сейчас это были они.

– Мы как-то смирились? – спросила Верити. – Десятилетиями знать, к чему все идет, и все равно ничего не делать?

– Не совсем так, – ответила Рейни. – И не только люди вашей эпохи виноваты. Все началось с использования ископаемого топлива, то есть развивалось столетиями. И у нас нет оснований считать, что все позади. Мы еле-еле справляемся за счет шардов и ассемблеров в качестве опылителей и всего прочего, для чего они служат.

– Ассемблеров? – спросила Верити.

– Молекулярных ассемблеров. Нанотехнология.

– Я думала, это все изменит, – сказала Верити. – Сингулярность?

– Мы все время были в своей собственной сингулярности, только не знали этого. Когда появились относительно работающие нанотехнологии, мы стали применять их для замедления и смягчения некоторых процессов. Считалось и считается, что пробовать что-нибудь в большем масштабе слишком рискованно.

Курильщики затушили окурки, встали, вытерли руки о

фартуки и пошли назад, не зная, что давно живут в сингулярности, о которой не подозревают.

Верджил передал Верити бутылку. Та машинально отпила, не чувствуя вкуса.

– Так ка́к вы пытаетесь изменить это здесь?

– Смягчить результаты. Ваше время – самое раннее, в какое мы смогли попасть. Из-за межконтинуумного контакта у вас уже два события получили другой исход, что будет иметь бесчисленные последствия. Например, в кризисе, которого у нас не было, у США есть посол в Турции. У нас бы его не было.

– Так почему мы сидим здесь, за супермаркетом, если должны спасать мир? – спросила Верити.

– Следующий шаг – сеть Юнис, – сказала Тлен. – Что вы обсуждали?

– Слушали, как кончится наш мир и начнется ваш, – ответил Верджил.

– Тогда понятно, чего вы такие мрачные, – заметила Тлен. – Рейни проболталась?

– Извини, – сказала Рейни. – Верити очень внимательно слушает.

На спине дрона появилась белая гельветика.

> Нажми пятый контакт в быстром наборе. это стетс. он может говорить, в отличие от меня, у него телефон как этот и никаких юристов над душой. Дж-Э.

76
Явление кучера

Снаружи вроде стало холоднее. Недертону хотелось верить, что затхлость в проулке не связана с мочой, эрзац– или настоящей. Лоубир вытащила из кармана плаща что-то смутно знакомое, и в ее руке, когда Фиринг закрывала дверь, блеснули отраженным светом канделябра золото и слоновая кость. Ее жезл, вспомнил Недертон во внезапно наступившей тьме, опасно-изменчивый символ власти, то пульверизатор для одеколона, то пистолет, но всегда из слоновой кости, отделанной золотом, всегда с крохотной короной. Она не вынимала при нем жезл со времени вскоре после их первой встречи, однако Недертону стало не по себе. Жезл означал скорые неприятности.

– Зачем вы его достали? – спросил он.

– Идите впереди меня в сторону Чипсайда, – сказала она. – Будьте готовы делать, что я скажу.

Недертон подчинился и почти сразу услышал приближающийся со стороны улицы грохот, усиленный эхом в проулке, как будто кто-то бежит по мостовой в тяжелых башмаках.

– Не останавливайтесь, – приказала Лоубир.

Он продолжил идти. В проулке стало чуть светлее странным, но знакомым образом. Еще одно свойство Лоубир, которое, как и жезл, она давно при нем не обнаруживала. Ассемблеры в самой ткани Сити освещали ей путь.

Сейчас они были на особо вонючем отрезке. Тут показался бегущий человек в черных сапогах. Он любезно улыбался, помятый цилиндр был нахлобучен низко на лоб. Человек этот, высокий и широкоплечий, бежал прямо на них, занеся большой молоток.

– Ложитесь! – скомандовала Лоубир.

Недертон бы так и сделал, если бы нападающий не отпихнул его в сторону молотком, от которого сильно несло кларетом. Он машинально ткнул нападающего тростью в живот. Мощная рука в перчатке отвела удар и, схватив трость, отбросила ее в сторону, где она с глухим стуком ударилась о стену.

Недертон обнаружил, что по-прежнему сжимает рукоять, а из нее что-то торчит. Словно сама по себе, его рука повторила выпад. Вспышка, затем короткое, но зловещее шипение.

Он опустил взгляд и увидел, что от рукояти в его кулаке отходит тонкое прямое лезвие. Оно было воткнуто в жилетную

ткань, из опаленной дыры шел дым, но кровь не текла. И снова запах кларета. Затем нападавший, по-прежнему заискивающе улыбаясь, рухнул навзничь, головой в сторону Чипсайда. Массивный боек молотка неожиданно тихо ударился о брусчатку.

– Что за муйня? – громко осведомилась Фиринг у них за спиной, и проулок с лежащей фигурой залил безжалостный белый свет.

Недертон сощурился из-под руки и различил в дуле пистолета цилиндрический фонарик.

– Ты его знаешь? – спросила Лоубир. В руках у нее был мушкетон с золотым дулом и прикладом из слоновой кости.

– Это Берти, кучер моего соседа, – сказала Фиринг. – Бот. И, похоже, разжился в трактире молотком для выбивания пробок из винных бочек.

Это объяснило запах кларета. Теперь Недертон видел, что молоток – деревянный.

– Что-то на него нашло. – Лоубир нагнулась и вытащила клинок из поверженной фигуры. Огляделась, подняла лежащий рядом полый футляр черного дерева и аккуратно убрала одно в другое. Затем передала трость Недертону, который принял ее с некоторой опаской. – Свет правда чересчур яркий, Кловис.

Фонарь тут же погас. Осталось лишь четкое красное пятнышко на груди лежащего бота.

– Ты этого ждала? – спросила Фиринг.

– Нет, – ответила Лоубир, – хотя тетушки успели предупредить меня в последнюю минуту. Переступите через Берти.

Последние слова адресовались Недертону.

– Это ассемблерное оружие? – спросил тот, глядя на трость у себя в руках.

– Нет, – ответила Лоубир. – Тлен сделала ее из вашей одежды и того, что еще нашлось по соседству. Вы воткнули ее в такую точку, что в источнике питания Берти произошло короткое замыкание. Еще раз доброй ночи, Кловис.

– Будь осторожна, – сказала Фиринг.

– Как всегда. В сторону Чипсайда, Уилф.

Недертон двинулся вперед.

– Доброй ночи, Уилф, – произнесла Фиринг у него за спиной.

– Доброй ночи, миссис Фиринг, – ответил он, изобразив, будто обернулся.

77
Горизонт событий

Кто-то за кадром передал Стетсу стаканчик, вероятно – с эспрессо.

– Спасибо. – Он быстро глянул на того, кто подал стаканчик. Отпил глоток.

Верити предполагала, что трансляция идет с камеры в складном экране «Эйрстрима», а значит, Стетс сидит напротив на откидной полке.

– Ты где?

– Точно не знаю. – Верити решила, что он ее не видит. – Меня куда-то везут. Чем занимаешься?

– Пытаюсь разобраться с тем, что мы вроде бы пообещали филиалам Юнис. Они не слишком разговорчивы.

– Я тут переписывалась с одним. Он связал меня с Джо-Эдди. Верджил говорит, ты когда-то хотел предложить ему работу, только не придумал какую.

– Ты знаешь Гильерме? – спросил Стетс.

Верити заморгала. Вопрос Стетса о Манзильянце казался ошибкой в категории, как если бы луна спросила о дыне, которую ты вчера купила, поскольку они обе круглые.

– Практически нет. Видела его в квартире.

– Сеть Юнис состоит по большей части из филиалов, так что живой человек – приятное разнообразие.

– Мне с ее слов казалось, это будут только люди, – ответила Верити.

– Людей ты по большей части уже знаешь, но вот это, например, – Стетс махнул в сторону камеры, – благодаря сети.

Он что-то сделал, и видеоселфи сменилось съемкой с другой камеры, над верхними ступеньками лестницы. Этаж, залитый светом из-за синего полиэтилена. Всюду провода, верхолазы в касках болтаются на тросах. Больше рабочих, чем она видела тут прошлый раз. Электролебедками к потолку поднимали длинные полосы сверкающей белой ткани.

Внизу стояли пять одинаковых красных механизмов, каждый с парой черных резиновых шин у ближайшего конца.

– Что это? – спросила Верити. – Что за красные штуковины?

– Оформительский замысел Кейтлин. Ткань от компании, которую я финансировал. А это хондовские генераторы «ЕМ-пять тысяч» на случай, если нам отрубят электричество завтра вечером, когда оно будет нужнее всего. Филиал их заказал.

Хитрая система для вывода выхлопных газов. Надеюсь, не понадобятся.

– Что вы готовите?

– Пока не знаем.

– Тогда как же она делает для этого оформление?

– Несколько месяцев назад кто-то сказал, что вот бы мы справили здесь свадьбу, до окончания ремонта. Это и дало идею для оформления. У нее уже все спроектировано. Она знает, где каждый болтик. Ткань не надо подрубать, она работает со стандартными фабричными рулонами.

– Но вы не будете справлять здесь свадьбу?

– Определенно не собираемся.

– Но не знаете, зачем это все?

– Я не уверен, что сами филиалы знают.

– Но разве мы все не ждем конца света, прямо сейчас? А вы делаете инсталляцию из ткани?

– Лоубир считает, так мы демонстрируем доверие и готовность к сотрудничеству.

– А что Кейтлин?

– Я ее спрашивал, но она проводила видеоконференцию по поводу шоу аэродронов над зданием. Продолжение затеи с тканью.

– А если вы все подготовите, а ничего не будет?

– Небольшая предапокалиптическая вечеринка. Почему бы не повеселиться? Ладно, мне пора бежать. Увидимся здесь.

– Это все потому, что Верджила нет рядом и некому обозвать тебя психом?

– Насчет психа я и без Верджила знаю. – Он широко улыбнулся, трансляция прекратилась.

78
На следующее утро

Недертон проснулся в полутемной спальне от тихих звуков в кухне: там Рейни кормила Томаса завтраком.

Он вспомнил бота, зловонную мостовую, лазерный луч из пистолета Фиринг на обгорелом габардиновом жилете. Махнул ночнику, махнул второй раз, чтобы уменьшить яркость, и нахмурился, увидев, сколько одежды разбросано на полу. Вещей Рейни там не было, как не было и ничего из того, что он надевал в Чипсайд.

На полу лежала одежда, из которой ассемблеры изготовили его костюм, преобразившаяся обратно, пока они с Рейни спали. Та же судьба, очевидно, постигла и шпагу-трость. Полосатые фланелевые подштанники не обманули ожидания Рейни, но и они исчезли.

Недертон сел, не зная, болит у него шея из-за схватки с Берти или из-за интерлюдии с Рейни. Встал, надел халат, прибрал разбросанную одежду – что-то повесил в платяной шкаф, что-то сложил в секретер.

Он ничего не рассказал Рейни про визит к Фиринг, только что побывал у нее. Впрочем, Рейни занимали исключительно фланелевые подштанники. Про Юневича он, конечно, тоже не говорил, хотя все время повторял фамилию про себя, чтобы не забыть до разговора со Львом. И тем, как нечаянно закоротил Берти, тоже не похвастался. Позже, когда можно стало рассказать, ему очень не хватало трости, чтобы изобразить все с должной драматичностью.

Он, моргая, вошел в кухню. Томас сидел на высоком стуле, а рядом, на краю стола, устроилась одна пандаформная треть нянюшки, как-то ухитрившись скрестить почти шарообразные задние лапы.

– Только что звонила Лоубир, – сказала Рейни, занося Томасу в рот ложку питательной смеси, которую тот сразу вытолкнул языком, так что кашица оказалась на подбородке. – Не хотела тебя будить. Напомнила, чтобы ты как можно скорее позвонил. Кому – не сказала. Завтрак?

– Сперва позвоню. – Недертон языком вызвал эмблему Льва.

– Уилф, – ответил Лев. Только голосом, эмблема с двумя тилацинами стала ярче.

– Надо опять встретиться, – сказал Недертон. – И чтобы твоя труппа была.

– Там же, – ответил Лев. – Выхожу.

– До скорого. – Недертон разорвал соединение, тилацины потускнели. – Опять в «Денисовское посольство», – сказал он Рейни, вытиравшей Томасу рот.

– Знаю, тебе не терпится послушать, как родственники отравляют ему жизнь на Чейни-уок.

– Извини, что не буду завтракать. Ее поручение. – Он имел в виду Лоубир. – Только сперва в душ.

– Да уж, – чопорно заметила она. – Кстати, Верити узнала про джекпот.

– Когда?

– Когда ты был в Чипсайде, но вчера я была не в настроении тебе рассказывать. Боюсь, это моя вина, что она узнала так рано.

– И как она?

– Вроде бы нормально, хотя тут у тебя больше опыта, чтобы судить.

– Иногда я думал, все в порядке, а через день или два у них начиналась истерика.

– Тлен считает, что Верити держится молодцом. Но не заставляй Льва ждать.

Недертон вернулся в спальню, повесил халат и зашел в душ.

– Не слишком теплый, – приказал он душу. – Короткий холодный импульс в конце ополаскивания.

Как только потекла вода, запульсировала эмблема Тлен.

– Да? – отозвался он.

– Рейни нечаянно ей проболталась, – сказала Тлен. – Верджил слышал разговор, хотя уже почти все знал от Коннера. Севрин, шофер и финансовый менеджер, тоже слышал, но либо догадался раньше, либо на редкость хладнокровен. Все приняли информацию достаточно спокойно, хотя они еще не знают про вымирание.

Включились распылители скраба. Недертон поморщился. Для Тлен вымирание относилось исключительно к животному миру и эмоционально затрагивало ее куда сильнее, чем гибель восьмидесяти процентов человечества. Потому-то она и прожила почти двадцать лет с траурными татуировками, которые теперь бродили по стенам ее кошмарной юрты.

– Что они сейчас делают?

Очистка скрабом закончилась, и душ начал его намыливать.

– Севрин следует указаниям своего диспетчера, поэтому мы не знаем, какова их конечная цель.

Включились холодные струи. Недертон дождался, когда их сменит теплый воздух для сушки, и только тогда сказал:

– Я иду в «Денисовское посольство».

– Ты должен быть в дроне.

– Это по делу Лоубир, – ответил Недертон. Он всегда радовался случаю не выполнить указания Тлен.

Сушка прекратилась.

Тлен, не попрощавшись, разорвала контакт.

Недертон почистил зубы, вернулся в спальню, оделся, выбрав лучший неформальный пиджак. В конце концов, встреча будет деловая и очень серьезная, хоть и загадочного свойства.

Юневич, еще раз напомнил он себе.

79
Калифорнийский дуб

После рассказа Рейни, который звучал пророчеством, но для самой Рейни был историей, и странного превью непонятно какого мероприятия у Стетса Севрин объявил, что они едут в Монтерей.

Верити знала: это вовсе не значит, что они едут в Монтерей. Только что молдаванин в наушнике Севрина велел ехать в ту сторону. По дороге им велят сворачивать куда-то еще, а в какой-то момент объявят, что они уже в нужном месте. Так работала созданная Юнис схема.

После разговора со Стетсом Верити по большей части дремала, периодически отмечая их продвижение по Кремниевой долине вне зависимости от липовых пунктов назначения, которые называл Севрин, и конкретных магистралей. Она не знала, где они сейчас. Устроившись головой на сложенном черном худи, прижатом к тонированному стеклу, она провела почти всю дорогу в странном полусне. Жуткие картинки из будущей истории мешались с растерянностью и усталостью, рождая не сны, а медленную череду мыслей, из которых последней была такая: насколько оставшуюся от Юнис сеть можно считать живой частью самой Юнис? Незримый оппонент (в логике полузабытья иногда казалось, что это сама Верити) утверждал, что сеть – это буквально Юнис, а Верити настаивала, что это нисколько не Юнис, даже меньше Юнис: разве завещание покойного – это сам покойный?

– Все нормально? – спросил Верджил из-за безголовых, усаженных камерами плеч дрона (тот сидел между ними и заряжался от устройства, которое Верджил подключил к электросистеме микроавтобуса). – Ты разговариваешь во сне.

– Что я сказала?

– Я ничего не понял.

– Где мы? – Верити глянула через тонированное стекло на жухлые луга с редкими коровами и мрачными иероглифами кривых безлистых дубов. Другая планета. Земля.

– Двадцать пятое шоссе. Недалеко от Коалинги. Севрин не сказал, что мы туда едем, но у меня закралось подозрение.

– Почему?

– Там может сесть «хонда». Как раз хватит полосы. Есть в нашем списке альтернатив на разные случаи. А иначе не знаю, куда мы едем, разве что просто колесим, чтобы ты не оставалась в одном месте. Тоже возможный вариант.

– Ты со Стетсом говорил? – спросила она.

– Последний раз вчера вечером, когда он уходил из отеля, – ответил Верджил. – Отмена сингапурской сделки сильно тряхнула азиатские рынки, Фил по уши в работе, а Стетсу даже некогда глянуть.

– И что ты об этом думаешь?

– Зная его, я думаю, что он, вероятно, правильно расставил приоритеты. Полагаю, он распутывает ситуацию на порядок сложнее всего, с чем мы раньше сталкивались.

– Приехали, – сказал Севрин.

Микроавтобус замедлился и свернул вправо, на голую обочину. Пассажиров тряхнуло.

– Что здесь? – спросила Верити у дрона, который отключался от зарядника.

– Дерево, – сказал Севрин.

Верити увидела Диксона в бейсболке, надвинутой на темные очки. Он стоял за белыми алюминиевыми воротами футах в двадцати от двухрядного гудронового шоссе. Обочина перед ними была такая неразъезженная, что казалась просто входом на пастбище. За проволочной сеткой, чуть ниже и левее, высился одинокий, на диво большой калифорнийский дуб, без единого листочка на черных ветвях, словно татуировка, наложенная на выцветшую фотографию.

Определенно Диксон, увидела Верити, когда они подъехали ближе. Ей вспомнилось, как она впервые увидела его на видео с уличной видеокамеры, когда он подходил к «Волкам + Булкам».

Верджил подтянул ноги, пропуская дрона к окну в дверце, где тот сразу встал, упираясь паучьими лапами, как будто выглядывал наружу.

– Это Диксон, – сказала Верити. – Он и Кэти Фан сделали дрона.

Через заляпанное раздавленными насекомыми лобовое стекло она видела, как Диксон, пятясь, открывает ворота. Они проехали мимо него к дубу по слабым следам колес. Рядом с черным деревом на ржавой стальной раме лежал горизонтально цилиндрический бак, не так равномерно заржавевший, исходно серый. За ним стоял «Фиат-500» Севрина или другой такой же бежевый. На его крышу установили черный багажник, а к багажнику был привязан черный обтекаемый ящик. Комически большой для такой маленькой машины, он напомнил Верити пеликановский кейс, который Диксон передал ей под стойкой «Волков + Булок».

– Это твой? – спросила она Севрина.

– Если только не скопировали мои номера. – Он остановил

микроавтобус и выключил мотор.

– Я первый выйду. – Коннер втянул руки дрона до обычной длины. – Если что не так, Верити и Верджил ложатся на пол, а Севрин дает по газам. Открывай.

Севрин что-то нажал, дверца отъехала, и дрон спрыгнул на землю с легкостью, которой Верити уже не удивлялась, зная, что им управляет Коннер. Прямо перед Диксоном, который, закрыв ворота, трусцой побежал за микроавтобусом.

– Диксон, верно? – услышала Верити голос Коннера. Очевидно, он чуть прибавил громкость дрона.

– Кто спрашивает? – Диксон остановился. На руках у него были черные перчатки.

– Коннером звать. Ты собрал эту штуку, да?

– Мы с партнером.

– Классная работа, – сказал Коннер. – Какова ситуация?

– Я подогнал машину Севрина, – ответил Диксон. – Он едет на ней с Верджилом. Кто-то другой забирает тебя и Верити, должен быть тут через десять минут. Мне нужна помощь, перегрузить ящик в микроавтобус.

– Что в ящике? – спросила Верити, вылезая из машины в бесцветный вечер. В свежем воздухе приятно пахло навозом.

Диксон приветствовал ее кивком.

– Дроны, – сказал он. – Не аэро. Не мы их делали. Тебе привет от Кэти.

Он подошел к «фиату», расстегнул защелки на крышке ящика и поднял ее вертикально на двух алюминиевых трубках. Верити увидела блестящие черные свертки на фоне тусклого пластика черной крышки. Диксон обернулся к ней.

– Время поджимает, – сказал он. – Если тебе что нужно из микроавтобуса, забирай сейчас.

– Я тебе помогу, – произнес за ее спиной Верджил.

Она обернулась. Он сидел в микроавтобусе, нагнувшись над телефоном, но тут же вылез и подошел к ним.

– Передавай их мне, – сказал Диксон. – Тяжелые. Не урони.

Он протянул Верджилу пару черных перчаток.

– Безлатексные? – с серьезным видом спросил Верджил.

– Нитриловые, – ответил Диксон.

Верджил надел перчатки.

– Ты охраняешь наш периметр, да? – спросил он дрона.

– Нет, блин, – ответил Коннер, – коровами любуюсь.

Не-руки дрона снова вытянулись и упирались теперь в землю, придавая ему вид безголового кубистского орангутана, пристально оглядывающего саванну.

Севрин выбрался с водительского места, оставив свою дверцу

открытой, и подошел к пассажирской.

– Твоя сумка, – сказал он Верити, – и зарядник. Я достану.

– И худи, – напомнила она. – Тебе все норм?

Имея в виду Диксона, «фиат», ящик на багажнике.

Севрин кивнул и полез в микроавтобус.

Верджил, который был выше Диксона, вынул из ящика сверток – прямоугольный, больше пеликановского кейса, но ненамного, в каком-то блестящем, толстом на вид черном пластике, заклеенном скотчем, и явно тяжелый. Верджил передал его Диксону.

– Аккуратно, не спеши. – Диксон принял сверток и бережно положил на землю.

Верити вспомнила свой сон. Завещание Юнис. Услышала в небе звук самолета, подняла глаза, но не увидела его. Когда она опустила взгляд, Севрин, стоя на коленях, копался между пассажирскими сиденьями. Диксон, ступая очень осторожно, пошел к микроавтобусу с первым свертком в руках. На черном пластике появилась белая гельветика: **дж-э, получаю видео с твоих очков.**

– Где ты? – спросила Верити.

Дома с адвокатами. а ты?

– Двадцать пятое шоссе. Недалеко от Коалинги.

Ты туда не едешь

– Почему?

Твой бородатый?

– Диксон.

Он туда что-то повезет. ты едешь в другое место.

– С кем?

Не знаю

Последние слова появились на черном гудроне, там, где на повороте к Коалинге ехал в другую сторону серебристый «рейнджровер».

– Вот с ним поедешь, – сказал Коннер.

Вытянутая рука дрона указывала вперед. Верити не слышала мотоциклетного мотора, до этой минуты, когда «харлей», подпрыгнув, въехал на обочину и покатил к ним.

Она подбежала к воротам, ухватилась за верхнюю раму сетки, подняла ее и стала пятиться, чтобы мотоцикл мог проехать к микроавтобусу.

– Давай я, – сказал Верджил, берясь за белую раму и начиная закрывать ворота.

Верити обернулась к мотоциклу, который остановился перед неподвижным дроном.

– Зачем он здесь?

Отвезти тебя назад

Она двинулась вниз по склону. Грим Тим и дрон, фигуры в пейзаже. Потом она увидела, как Севрин, пятясь на карачках между рядами пассажирских сидений, вытаскивает из микроавтобуса ее сумку «Мудзи».

80
Квадратная миля [46]

Недертон спустился по раздражающе оплавленной лестнице «Денисовского посольства» (здешний декор с каждым разом бесил его все сильнее). Внизу его сразу приметила рыжая девица Льва, правда, не в антиподслушивательных блестках. Ему подумалось, что она одета как пиарщица, притом что назначение у нее прямо противоположное – не публичность, а, напротив, антипубличность. Кузина павшего кучера Берти, но, если любые действия Берти, будь то обычные кучерские обязанности или нападение с молотком, управлялись дистанционно, главным достоинством рыжей девицы было полное отсутствие удаленного доступа. В мире, где почти любой сколько-нибудь сложный объект запоминал все, с чем сталкивался, она пребывала в состоянии табула раса[47].

– Добрый вечер, мистер Недертон, – сказала рыжая девица.

Значит, она его помнит? Как такое возможно, если у нее нет памяти? Недертон решил спросить Льва, когда будет безопасно.

В заведении было непривычно людно, возможно, потому, что именно в этот час сюда приходили собственно завтракать. Идя за боткой к катакомбам под Хэнуэй-плейс, Недертон заметил среди других посетителей Бивана Промша, бывшего коллегу по собственным пиаровским дням. Рейни, тоже работавшая с Промшем, за глаза называла его Промокашкой. Он определенно узнал Недертона. Тот, притворившись, будто его не видел, пошел дальше.

Лев на сей раз выбрал стол побольше, вероятно чтобы поместился полный английский завтрак, который он уже приканчивал, судя по количеству пустых тарелок. Недертон знал, что Лев заказывает полный английский завтрак, когда заедает стресс. Очевидно, предполагалось, что сам Недертон есть не будет. Девица, живая (или, по крайней мере, без веснушек), только что поставила ему чашку кофе с молоком.

– Как дела на Чейни-уок? – спросил он, усаживаясь на очередной жесткий сталагмит.

Лев поднял взгляд от своего одинокого завтрака.

– Не надо было разводиться, – сказал он.

– Но ведь это была ее инициатива?

Лев помрачнел еще больше.

– Не надо было мне заводить интрижку.

– Если честно, мне казалось, это на тебя не похоже, – сказал

Недертон. Он действительно в свое время удивился, помня, как Лев презирал отцовский «дом утех» на Кенсингтон-Гор.

– Я свалял дурака.

Недертон, знавший Доминику почти исключительно как незримое суровое присутствие в ноттинг-хиллском доме, постарался изобразить сочувствие.

– Почему ты скроил такую мину? – спросил Лев.

– Извини. – Недертон оставил свои попытки. – Сиденья тут очень неудобные.

– Впечатление было, что ты строишь рожи.

– Как ты думаешь, есть какой-нибудь способ помириться с Домиником? – спросил Недертон.

– Не знаю, – ответил Лев. – Пытаюсь рассматривать все варианты.

– Вижу, тебе плохо. Если я чем-нибудь могу помочь, говори. А сейчас нам, наверное, надо…

Лев смотрел на что-то за его спиной. Недертон поставил чашку, обернулся и увидел шесть девушек-боток, теперь в одинаковых одеяниях с блестками.

– Конечно, если ты готов, – сказал он, снова поворачиваясь ко Льву.

– Начинайте, – уныло скомандовал тот.

Девицы, как в прошлый раз, составили круг лицами наружу и подняли края плащей над головой. Закружился ураган блесток, образовав переливчатый купол.

– Уже работает? – спросил Недертон.

– Да, – угрюмо ответил Лев.

– Фамилия человека, желающего упразднить должность Лоубир, случайно, не Юневич?

Лев сразу помрачнел еще больше. Он дважды кивнул. Гомон посетителей в людной части заведения стал громче, затем пошел на спад и опять усилился.

– Если я правильно понял Лоубир, – сказал Недертон, – единственная цель моего визита сюда исполнена. Теперь тебе известно, считает ли она обоснованным, что вы привлекли ее внимание к прежде не названному лицу. Я прав?

– Да, – ответил Лев. – Ты знаешь, кто он?

– Нет. От меня этого не требуется. И я предпочитаю как можно меньше знать о ее работе. Она наняла меня помогать со всякими ее хобби.

– С одним-единственным, – поправил Лев. – Других у нее нет. Человек, о котором идет речь, уж извини, клептарх не в моем духе.

– Они вообще не в твоем духе. Точка, – сказал Недертон. – Я

это вижу, сколько тебя знаю.

– Тут другой масштаб, – ответил Лев. – Не в духе моих отца и деда. Совершенно другие корни.

– Он не русский? – удивился Недертон; он думал, такое невозможно.

– Русский, только не из эмигрантов-олигархов, а из семьи советских функционеров. Клептарх плюс нечто иное.

– А в чем разница?

– Всегда держится в тени. Не хвастается ни богатством, ни влиянием. Не устраивает приемов. Не бывает на мероприятиях за пределами Квадратной мили, да и там бывает не на многих. Абсолютно человек Сити. И даже там его деятельность самая глубинная, наименее прозрачная.

Недертон помнил, как Лоубир объясняла Флинн про клептархию. По ее словам, Сити задолго до джекпота превратилось в полуавтономное криптогосударство, наименее демократический элемент выборного британского правительства. Такой уникальный статус, сказала Лоубир, помог ему пережить крушение демократии, что вместе с опытом в отмывании денег привело ко взаимовыгодной синергии с эмигрантским сообществом олигархов, по большей части русских. Их, в свою очередь, привлекли в Лондон метакриминальные финансовые тайны Сити плюс богатая культура личных благ для тех, кто этими тайнами овладел. С такими мыслями Недертон взял кофе и глянул на Льва поверх чашки.

– Похоже, господин себе на уме.

– Абсолютно закрытый, – сказал Лев. – Совершенно другая эра. Старше Лоубир.

Недертон допил кофе, поставил чашку, развернул белую льняную салфетку и вытер губы.

– Если ты хочешь еще что-нибудь ей передать…

– Нет, – сказал Лев. – Это все. По словам отцовского дяди, именно он подбивает других от нее избавиться.

– Ясно, – ответил Недертон. – После рождения Томаса мне не хватало наших с тобой встреч, и я сочувствую, что у тебя так вышло с Доминикой.

Лев ссутулился еще сильнее.

– Спасибо. Хотелось бы сказать, что просьба отца помочь ему в делах помогла мне отвлечься от грустных мыслей, но на самом деле это исключительно не ко времени.

– Понимаю. – Очевидно, перед уходом Недертона требовалось отключить блестки. Ему вспомнился вопрос, который он хотел задать по пути сюда. – Если у труппы твоего отца нет памяти, которую можно прочесть, то откуда одна из девиц знает меня по

фамилии?

– Знала, но уже не знает, – ответил Лев. – Перед твоим приходом я показал ей твое изображение, назвал фамилию и сказал, что делать, когда тебя увидит. Сразу после этого она забыла твою фамилию и внешность.

– Ясно. Не пропадай. И не только насчет этого дела.

– Пора, – громче произнес Лев.

Девушки разом опустили руки, вихрь блесток погас.

81
Пятясь на каблуках

Диксон в два счета установил черную спинку, которую сфабил для заднего сиденья «харлея»; на то, чтобы сложить сумку «Мудзи» и закрепить там черными нейлоновыми стропами, времени ушло чуть больше. Поскольку спинка была пластиковая, одежде отводилась роль подушки. Хотя Верити всегда одевалась очень просто, она подумала, что вещи придется гладить. Если, конечно, они едут туда, где есть утюги, в чем никакой уверенности не было.

Дрон, стоя спиной к заднему колесу мотоцикла, выдвинул ноги, отчего стал значительно выше прежнего, как будто на каблуках, и попятился к изготовленной Диксоном раме.

– Чуть левее, – скомандовал Диксон, глядя в просвет между рамой и дроном.

– Так? – спросил Коннер.

– Цепляйся, – ответил Диксон.

В боку дрона открылись две маленькие дверцы, одна над другой. Из каждой высунулся черный прямоугольный крюк. Отыскав соответствующие щели в раме, они немного втянулись, плотно закрепив дрона. Диксон, очевидно, смотрел, как такая же операция прошла с другой стороны, и остался доволен результатом.

– Колени согни, – приказал он.

Ноги дрона укоротились, так что ступни оторвались от земли, затем полностью втянулись. Теперь обращенный назад торс казался просто более основательной версией спинки.

– Обтекаемость не айс, – сказал Верджил (он тоже подошел и стоял сейчас рядом с Верити), – но в нашем случае оптимально.

– Где зарядник? – спросила Верити.

– В правом кофре, – ответил Верджил. – Шлем с отсекателем в багажнике «фиата». Надеюсь, скоро увидимся.

– Где?

– Мы, сдается, снова едем к Заливу, а дальше – кто знает?

Грим Тим все это время стоял в сторонке без шлема. Медицинскую маску N95 он так и не снял, пирсинг в носу и на лбу поблескивал на солнце. Подъехав, он поздоровался с Верити дружеским взглядом, по крайней мере она так думала. Сейчас он подвинул вверх левый рукав черной косухи, под которым оказались большие стальные часы со сложным черным циферблатом.

– Едем? – спросила Верити.

Шлем кивнул.

Она уже надела дутую куртку, ту самую, в которой ехала в Окленд (Грим Тим привез ее с собой), поверх черного худи, надетого, в свою очередь, на твидовый жакет. Стоять под солнцем в трех слоях теплой одежды было жарко.

– Привет от меня Кэти, – сказала она, подходя к Диксону.

Тот кивнул без улыбки, думая о чем-то своем.

Когда она вернулась, Грим Тим дал ей свежую маску и прежний белый шлем.

– До встречи, – сказала она остальным и надела маску.

Диксон и Верджил показали большие пальцы. Верити поискала глазами Севрина. Тот стоял у ворот и тоже показывал большой палец. Она надела шлем, застегнула ремешок, дождалась, когда Грим Тим сядет на мотоцикл, и устроилась позади него. Сложенная и привязанная сумка «Мудзи» оставляла больше места, чем Верити ожидала.

Грим Тим завел мотор, и она подняла ноги на подножки. Они медленно покатили по сухой колее к воротам, которые Севрин уже начал открывать, Грим Тим отталкивался ногами – получались гигантские шаги. Верити в последний раз обернулась на исполинский дуб, и вот они уже выехали на правую обочину шоссе.

– Мы в полумиле от пересечения со Сто девяносто восьмой магистралью, – сказал Коннер в ее наушнике. – Диксон едет с нами дотуда в микроавтобусе. Потом сворачивает налево в сторону Коалинги. Мы едем направо, к Сан-Лукасу, потом снова поворачиваем вправо на Сто первую.

Верити обернулась. Диксон выезжал в полностью открытые ворота, Севрин и Верджил стояли рядом с ними.

– Куда мы едем? – спросила она.

– На север по Сто первой. Остановка заправиться и пописать – в Кинг-Сити.

– Протокол, что ли, отменился?

Верити по-прежнему смотрела назад. Диксон сворачивал на обочину позади них, Верджил и Севрин закрывали ворота за микроавтобусом.

– Мы с тобой пользуемся самым крутым шифрованием, которое оставила Юнис, – ответил Коннер. – Куда после Кинг-Сити, я не знаю. Думается, что в Сан-Франциско, поскольку, по всему, там будет выпускной бал.

– Выпускной бал?

– Готовится большой звездец, но никто мне не сказал какой и кому.

Грим Тим дал газу, и они понеслись по шоссе. Микроавтобус ехал следом. Верити повернулась вперед и обхватила Грим Тима за торс – словно обняла затянутый в кожу камень.

Однако что-то сейчас произошло, сразу за ее головой, Верити не знала, что именно.

– Что это было? – спросила она.

– Вот это, – ответил Коннер.

Появилось видео-окошко. Вид на зеленую крышу микроавтобуса, его лобовое стекло, с высоты футов тридцать. Верити видела темный козырек диксоновской бейсболки.

– Был у меня сзади на вороте, – сказал Коннер.

Дрон шел вверх, микроавтобус на видео уменьшался. По обе стороны – пологие холмы, иероглифические дубы, коровы.

– У тебя ведь шеи нет.

– Зато есть люк. Полный неожиданностей.

– Зачем Диксон едет в Коалингу?

– Для него может быть работенка в аэропорту. По обстоятельствам. Если это начало операции, я тебе скажу.

– Ты охотнее объясняешь, чем остальные.

– Просто меньше парюсь. Я здесь потому, что им нужен пилот для Безголового. Я из их предыдущего среза. Там я им тоже нужен, но для меня тоска зеленая делать, что им надо, а здесь я могу оттянуться. Так что мне дают больше контекста, чем тебе или кому-нибудь в твоем срезе. Спрашивай. Если смогу, отвечу.

– Спасибо.

– *De nada.*

Еще коровы. И вот их уже не видно.

82
Промокашка

– Уилф! – крикнул Биван Промш. – Друг сердечный!

Они никогда не были особо дружны. Недертон решил, что Промш пьян. В пору их совместной работы с ним такое случалось часто, в том числе и с утра пораньше. Недертон тогда тоже пил без просыха, однако сейчас это не добавило ему сочувствия.

– Биван, – сказал Недертон, останавливаясь, но не протягивая руку. – Как дела?

– Лучше всех, – ответил Промш. – Встречался со своим приятелем Зубовым?

Недертон, совершенно уверенный, что Промш не мог их видеть со своего места, глянул на того неприязненно.

– Видел, как он вошел раньше, – сказал Промш, – со стайкой веснушчатых секс-куколок. Знаю, что он расстался с супругой, а все равно удивился.

Сразу вспомнилось, за что Рейни прозвала его Промокашкой. Наберется и гадко липнет.

– Должно быть, я с ним разминулся. – Недертон обернулся, как будто высматривая Льва, но на самом деле боясь его увидеть.

По счастью, ни Льва, ни его труппы не было.

– По-прежнему работаешь на мифическую инспектора Лоубир? – спросил Промш.

Язык у него заплетался лишь самую чуточку, ровно настолько, чтобы оправдать вопрос хмелем. Недертон не афишировал свою работу, хотя допускал, что Промш о ней знает.

– Ты с ней знаком, Биван? – спросил он, глядя Промшу в глаза.

– Не имел такого удовольствия.

– Хочешь, познакомлю? Она очень занята, но я попрошу найти для тебя время.

И тут, к большому удовольствию Недертона, сквозь полуразыгрываемое опьянение проступил страх, отчетливая гримаса ужаса.

– Да где уж мне, – проговорил Промш, делая движение, будто хочет потянуть себя за вихор, хотя никакого вихра у него не было; волосы, очень коротко остриженные по бокам, лежали на макушке белокурыми волнами наподобие какого-то венского десерта.

– Рад был повидаться. – Недертон схватил руку Промша, тщетно ищущую вихор, и энергично ее сжал. – Всего хорошего.

Затем взбежал по мерзковатой лестнице, оставляя позади запахи полного английского завтрака. Напомнившие ему, что сам он еще не ел.

83
Личностный тест

Кто-то черным маркером написал на стене туалетной кабинки «В ТЮРЬМУ ЕЕ!»[48]. До выборов, надо полагать. Кто-то другой пытался стереть надпись. Результат выглядел как татуировка, которую начали сводить лазером, да так до конца и не свели.

Грим Тим, как и было обещано, на заправке отпустил Верити в туалет. Это было очень кстати, но оказалось, что просто сидеть на чем-то неподвижном, а не верхом на огромном тряском мотоцикле облегчение ничуть не меньшее.

После того как они свернули вправо на перекрестке (обычном перекрестке, не развязке), Верити видела в трансляции Коннерова дрона, как Диксон свернул налево, к Коалинге. Когда микроавтобус исчез из виду, Коннер переключил видео на них. В последнем кадре была только белизна: ее шлем как будто подпрыгнул, трансляция прекратилась, сменившись черной кожаной курткой Грим Тима перед глазами Верити.

– Пора, дамочки, – сказал Коннер.

Верити чуть не подпрыгнула, потом вспомнила, что, войдя в уборную, сразу сняла тульпагениксовские очки и убрала в карман худи.

– Ага, – сказала она.

Когда она вышла, Грим Тим уже расплачивался за бензин. Шлема он так и не снял. Верити вместе с ним вернулась к мотоциклу, перебарывая желание что-нибудь сказать Коннеру, раз видит дрона.

Вечерело, пожары в Напе-Сономе по-прежнему добавляли закату оранжевую сочность. Верити надела маску и шлем.

– Где теперь Диксон? – спросила она, рассчитывая, что Коннер ее слышит, но не уверенная, что он знает ответ.

– Возле аэропорта Коалинги, – ответил Коннер.

– Зачем?

– Помогает Лоубир провести личностный тест.

– Как?

– Надо проверить, действительно ли кое-кто законченный гад.

– В каком смысле?

– Помогает определиться, как быть с ним дальше.

– И кого проверяют?

– Прайора.

Грим Тим протянул ей черные вязаные перчатки, еще в блестящей картонке из магазинчика на заправке. Которые она хотела попросить, когда они остановились, а потом забыла. После перекрестка руки начали мерзнуть, да и насекомые неприятно о них бились.

– Спасибо, – сказала она, немного оттянув маску.

Пирсинг на левой скуле чуть сдвинулся вверх – минималистская альтернативная улыбка. Он тоже надел перчатки и сел на мотоцикл. Верити вытащила свои из картонной упаковки и устроилась за ним.

Через минуту они снова неслись по магистрали.

84
Бодрая и веселая

Недертон вышел из «Денисовского посольства» на Хэнуэй-стрит. Мимо протрусила гладко-белая митикоида, таща такую же белую углеководоконную повозку-рикшу с двумя неопримитивами; их модифицированные лица выглядели такими же масками, как у митикоид. Недертон знал, что это обитатели Большого тихоокеанского мусорного пятна. Он сам как-то побывал там удаленно по работе, из-за которой Лев и познакомил его с Лоубир. Очевидно, эти двое были послами, поскольку и туризм, и частные поездки исключались. Их кожа, грубая и серая, биоинженерно приспособленная для защиты от солнца, в свете зимнего утра напомнила ему изморозь.

Они свернули за угол. Запульсировала эмблема Лоубир, маленькая корона.

– Да? – ответил он.

– Машина стоит на Тотнем-Корт-роуд, – сказала Лоубир. – Вы ее увидите.

Он пошел дальше, думая о том, что настоящая работа Лоубир – получать информацию, по большей части скучную, хотя процесс в значительной степени выполняется автоматически тетушками и другими системами. Затем она принимает решение и действует, обычно скрытно и безжалостно. Таким образом, насколько он понимал, функционирует служба безопасности, цель которой, по определению, – поддерживать статус-кво. По идее так же можно рассматривать ее деятельность в срезах, если думать в терминах более долгого статус-кво.

Недертон шел уже по Тотнем-Корт-роуд. В большой магазинной витрине что-то мельтешило. Приблизившись, он увидел макет этой части города с движущимися машинками и миниатюрными пешеходами. Четкий желтый курсор-кружок указывал на одну увеличенную фигурку перед витриной магазина. Недертон поднял руку, фигурка сделала то же самое. Томасу бы понравилось.

Он продолжил путь. Наконец показалась машина Лоубир, вернее возникшая из ничего подножка. Машина в кои-то веки была припаркована где положено – на стоянке для полиции и экстренных служб.

Лоубир сидела в углублении, сцепив пальцы и упершись локтями в столик красного дерева, на котором стояли две белые фарфоровые кружки, сливочник, сахарница и черный

цилиндрический кувшин. Окна машины, вернее – заменяющие их камеры, показывали автомобильное движение с одной стороны, пешеходное – с другой.

– Доброе утро, – сказала Лоубир; дверца за Недертоном закрылась. – Кофе?

– Да, спасибо, – ответил он. Кофе с молоком в «Денисовском посольстве» совершенно не подействовал.

– Садитесь.

Лоубир была в сером твидовом костюме, серой шерстяной рубашке и пуантилистском камуфляжном галстуке, бежево-болотном в красную крапинку. Вполне бодрая и веселая.

– Танцовщицы Льва на удивление эффективны. Мы, несмотря на все усилия, так и не смогли подслушать ваш разговор. Тетушки предполагают, что шифровальный алгоритм – китайский. Неожиданно для старой клептархической гвардии, однако не сказать что неслыханно. Мы займемся этим позже. Итак?

Недертон сел в зеленое кресло напротив нее.

– Говорит, это Юневич. Говорит, цитирую, клептарх не в его духе. Как я понял, серый кардинал из Сити с притязаниями на советско-чиновническую ДНК.

Лоубир налила кофе из кувшина.

– Старая клептархическая гвардия, – сказала Лоубир. – Бесконечно предсказуемая. Даже скучная.

Хотя говорила она самым мягким тоном, Недертон порадовался, что он не Юневич.

85
Многозадачность

Трансляция из совершенно иного двуногого дрона, которым Коннер управлял на каменистой местности возле муниципального аэропорта Коалинги, странным образом накладывалась на движения мотоцикла.

Звука не было, так что саундтреком к пробежке среди камней и кустов служил рев мотоциклетного мотора и свист ветра. Судя по всему, дрон выглядел так же, как три других, бегущих с ним. Коннер сказал, что ими управляет роевая программа. Они напоминали удлиненных черепах на двух тонких собачьих ногах. Примерно в ярд высотой, если бы выпрямились, чего ни один еще на глазах Верити не сделал. Они бежали вперед с того самого времени, как Коннер открыл трансляцию, ноги, если не встречали препятствие, сливались, как спицы в быстро вращающемся колесе.

– Куда они бегут? – спросила Верити.

– Проводить личностный тест, – ответил Коннер. – Диксон высадил их ближе к аэропорту.

– Где он?

– Там на парковке.

– А мы куда едем?

– Подальше от Коалинги.

Картинка с дрона взлетела на невысокий хребтик и застыла, что было странно, поскольку мотоцикл под Верити мчался с прежней скоростью. Справа от дрона так же неподвижно замер другой.

– Почему они остановились?

– Смотрят, куда он.

Между дронами и огнями аэропорта Верити различила нейтрального цвета автомобиль. Картинка приблизилась. Какой-то бандюковский пикап, крытый кузов, удлиненная кабина.

– Кто там?

– Прайор. Это его я сегодня вырубил на выходе из отеля.

– Зачем он там?

– ПЗРК, – ответил Коннер. – Возможно, у него в пикапе.

– Что-что?

– Переносной зенитно-ракетный комплекс. Стрелять с плеча.

Что-то большое – наверное, фура – промчалось навстречу по соседней полосе.

– Сбивать самолеты?

– «Хонда» Хауэлла только что вылетела из Сан-Франциско, в

плане полета значится Коалинга. Только успеют набрать крейсерскую высоту, как начнут снижаться.

– Тип, который был перед «Клифтом», хочет сбить самолет Стетса?

– Не успеет. Я заранее увижу, если соберется. А на случай, если бы успел, самолет твоего бывшего оборудован израильскими инфракрасными контрмерами.

– У «хонды» есть оружие?

– Нет. Она сбрасывает ИК-ловушки, источники помех. А у пилота есть боевой опыт.

– У Стетсова пилота? – Верити вспомнила его и не поверила.

– Нашел кого-то специально для этого рейса.

– Бред какой-то.

– Выпускной бал, я же говорю.

Дрон внезапно припустил вперед.

– Что происходит?

– Крайний левый модуль засек, что кто-то вылезает из машины со сложенной треногой. Прайор или тот, другой. Вот она, наша граница допустимого – тренога.

– Так что это за штуковины?

– Противопехотные мины, только с ногами.

Грим Тим сменил передачу и прибавил газу. По жутковатому совпадению в трансляции одновременно замелькали кусты и камни.

– Компьютерная игра, – неожиданно для себя объявила Верити, искренне желая, чтобы это так и было. – Качество даже хуже обычного.

– Видео идет по шифрованному каналу, – ответил Коннер, – но как хочешь. Отключить? Не будешь свидетельницей. Решать тебе.

– Свидетельницей чего?

Дрон снова замер, на сей раз за камнем чуть выше себя. Камера поднялась (он вытянул то ли ноги, то ли шею, Верити не могла этого видеть). Они были ближе к пикапу. Что-то метнулось к нему слева из кустов на слившихся, как спицы в колесе, собачьих ногах.

И взорвалось. Трансляция оборвалась белой вспышкой.

– С таким на треногу, – заметил Коннер, когда трансляция возобновилась; теперь показывали горящий пикап. – Перебор.

Движение справа, такое же быстрое, в сторону пикапа, вновь вспышка и обрыв трансляции. И все это в полной тишине.

– Это были два сразу, – объяснил Коннер, – но боеголовка ПЗРК не взорвалась. Сейчас я туда, попробую ее найти, если найду – взорву. Так что я частично размываю изображение…

При этих словах нижняя половина запикселировалась. Дрон опустил голову, или что там у него было, и ринулся в обход камня к горящему пикапу, тоже по большей части запикселированному.

– Зачем?

– Чтоб тебя не травмировать, – спокойно произнес он, огибая пылающую машину.

Белая вспышка.

– Черт, – сказал он. – Мне капец.

– Что случилось?

– Видимо, жар добрался до боеголовки. Взорвалась, меня накрыло. От пикапа ни хера не осталось.

– Ты кого-нибудь видел?

– Да, но это другой чувак, не наш. Пожарная и «скорая» гонят сюда из аэропорта, пытаются сообразить, что произошло.

– Откуда ты знаешь?

– У меня наблюдатель в аэропорту.

– А как там самолет Стетса?

– Пилот сообщил, что видел вспышки на земле, отменил посадку, летит назад в Сан-Франциско.

– Кто в самолете?

– Только пилот. Но мы пустили слух, будто с ним Хауэлл и француженка. Это и была проверка. Узнать, попытаются ли они сбить.

– Кто?

– Прайор, но «Курсия» дала добро.

– Они пытались убить Стетса и Кейтлин?

– Эйнсли хотела знать, попытаются ли. Они думали, на борту три человека, считая пилота. План был, если Прайор ставит треногу для ПЗРК, мы действуем.

– Ты знаешь, что в трансляции по-прежнему белое и ничего больше?

– Извини, – сказал Коннер.

Трансляция исчезла, остался нижний задний край белого шлема и черная кожа под ним.

– Где Диксон?

– Заехал на станцию техобслуживания в десяти минутах от аэропорта, там ему счистили зеленое с крыши и боков плюс сменили номера. Люди из «Курсии» должны думать, что ты по-прежнему там. Эйнсли хотела знать, как далеко могут зайти Прайор, или «Курсия», или они вместе. «Курсии» скормили дезу, будто Стетс забирает тебя и летит за границу.

– И они сбили бы самолет при взлете, не при посадке?

– Ага. С тобой.

– Почему они решили сбить самолет? Не слишком ли крутая мера?

– Идея Прайора. У него был ПЗРК. Пытался толкнуть его через даркнет.

– Сколько людей мы сейчас убили?

– Одного точно. Я его видел. Но не Прайора.

Навстречу прогрохотал грузовик. Верити зазнобило, не столько от холода, сколько от услышанного.

86
Пустое кресло

По пути домой Недертон вспомнил, что так и не позавтракал. В воображении нарисовался образ сэндвича с омлетом. Недертон знал по соседству маленькую бутербродную, не столь навязчиво-аутентичную, как та, в которую ходит Лоубир. Холодало. Он переключил пиджак на более сильный подогрев и свернул к Ченис-стрит.

Других посетителей в бутербродной не было. Недертон сел перед стойкой и заказал боту сэндвич с омлетом и стакан двухпроцентного молока. Запульсировала эмблема Тлен.

– Да? – ответил он.

– Чем ты занят? – спросила Тлен, и Недертон понял, что она его не видит.

– Сижу за поздним, но более чем заслуженным завтраком. С пробуждения ничего во рту не держал, кроме кофе.

– Тебе еще повезло, – ответила Тлен, – я так вовсе не спала.

Бот подал стакан молока и сэндвич, приготовленный с нечеловеческой быстротой, которая испортила бы Лоубир все удовольствие. Недертон представил, как Тлен наливает себе обжигающий чай из почернелого самовара.

– И кто тебе не дал спать?

– Сеть Юнис. Лоубир теперь видит в ней себя. Те умения, которые она сама приобрела за худшие годы джекпота.

– Ага, – сказал он, откусывая сэндвич.

– Мы пока еще не понимаем про ее филиалы. Те, что не успели вернуться и слиться с ней до того, как ее отключили. Ее части, но не она сама. Они общаются между собой и с теми людьми, которых выбрали, включая нас. Лоубир говорит, это как будто длинный стол, за которым все друг с другом незнакомы, а во главе – пустое кресло. Очень активное пустое кресло, о намерениях которого можно судить лишь по действиям всех остальных за столом.

Недертон закатил глаза, проглотил кусок сэндвича, отпил молока.

– Как «Механический турок»? – спросил он, вспомнив слова Верджила о сервисе, монетизирующем человеческий интеллект. Откусил еще и понял, что из-за многословия Тлен сэндвич остыл. Принялся жевать быстрее.

– Когда кончишь завтракать, – сказала Тлен, – свяжись с Верити.

– Где дрон? – спросил он, откусывая.

– На калифорнийской магистрали, закреплен на мотоцикле.

– А Верити?

– С ним.

– Он ведет мотоцикл?

– Нет, – ответила Тлен. – Не говори с набитым ртом, это омерзительно.

87
Междурядье

Если они и впрямь ехали в Сан-Франциско, то проделали уже больше половины пути. Хорошо хоть дождя не было, иначе ноги у Верити замерзли бы так же, только еще и в мокрых джинсах. В остальном это была просто затянувшаяся ночная поездка по 101-й магистрали, ничего, кроме асфальта и бамперов, подсвеченных фарами и задними фонарями. И холода. Коннер вернулся к своей основной работе в Белом доме. Велел свистнуть, если что.

– Верити?

Открылась трансляция: лондонская квартира, вид с дивана в сторону кухни.

– Уилф?

– Где ты? – спросил он.

– На сто первой магистрали между Кинг-Сити и Сан-Франциско. Въезжаем в Кремниевую долину.

– Кинг-Сити?

– Я знаю про него только, что это не Коалинга.

– Что ты делаешь?

– Еду сзади на мотоцикле Грим Тима. Ты его видел в Догпэтче.

– Почему ты с ним?

– Он входит в сеть Юнис.

– По словам Тлен, там много народу.

– Джо-Эдди, Диксон, Кэти, Стетс, Кейтлин – все теперь в ней.

– Передавай Верити привет! – крикнула Рейни из кухни и вошла в кадр с Томасом на руках.

– Привет, Томас, – сказала Верити, хотя тот ее не видел. Да и не слышал, наверное.

– Пока. – Рейни улыбнулась и ушла из кадра.

– Что будет в Сан-Франциско?

– Когда узнаешь, скажи мне, – ответил Уилф. – Я тут забегался. По другому делу.

– Коннер? Ты здесь? – позвала Верити. Ответа не последовало. – Коннер взорвал пикап, возле аэропорта, убил по меньшей мере одного человека.

Оттого, что она произнесла это вслух, ощущение нереальности усилилось.

– Зачем? – Без удивления, как будто для Коннера взрывать пикапы – самое обычное дело.

– Кто-то хотел сбить самолет Стетса. Думал, мы все в нем

летим.

Еще большее ощущение нереальности.

– Не думал, что у вас тут такие суровые нравы.

– Вообще-то, обычно не такие.

– Кто эти люди?

– «Курсия», – ответила она, – а конкретно действовал Прайор, человек, которого Коннер вырубил на Гири-стрит.

Машины вокруг ехали медленнее, Грим Тим тоже сбавил скорость.

Уилф встал (точка зрения камеры изменилась), обошел диван и глянул в окно на аккуратный тупичок. Совершенно пустой, разве что там стояла машина Лоубир, невидимая. Перевел взгляд на два небоскреба.

– Снижение уровня це-о-два? – спросила Верити.

– Эти два запасают энергию от возобновляемых источников, – ответил Уилф. – Если не ошибаюсь, у них в середине расплавленный кремний.

Мотоцикл, последнее время ехавший все медленнее, остановился совсем.

– Кремниевая долина. Пробка, – сказала она. – Мне бы сейчас лучше без трансляции.

Уилф отключил видео, и в это самое мгновение Грим Тим плавно свернул влево и понесся прямо вперед, в междурядье между стоящими автомобилями.

Во всех автомобилях, по обе стороны, люди смотрели в телефоны на одну и ту же картинку: голова президента над бегущей строкой.

– Что они смотрят? Что там? – спросил Уилф.

Дрон был закреплен задом наперед, поэтому видел он, скорее всего, только подсвеченные телефонами лица.

– Президент, – неожиданно включилась Тлен. – Эль-Камышлы.

– Что происходит? – спросила Верити.

– Она ничего толком не говорит, – ответила Тлен.

– Так Коннер взорвал пикап, чтобы предотвратить атаку на самолет Хауэлла? – спросил Уилф.

– Когда мы подталкивали «Курсию» к экспериментам с Юнис, которую они еще не пытались монетизировать, мы понимали, что дестабилизируем их, – сказала Тлен. – Для нас это был побочный эффект, но они с того самого времени действовали вне своей зоны комфорта. После того как они столкнулись, пусть ненадолго, с полностью ламинарной версией Юнис, не говоря уже о различных аномалиях, связанных с нашим участием, дестабилизированное состояние перешло в полный раздрай.

– Однако они сумели организовать атаку на самолет Хауэлла, – заметил Уилф.

– Они не стратеги, – ответила Тлен, – но считают себя стратегами, причем хорошими. Полностью организованный, стратегически мыслящий противник представлял бы бóльшую опасность, но такого рода непредсказуемых угроз от него исходило бы меньше.

Мотоцикл по-прежнему медленно ехал между рядами машин.

– А Прайор, наемник-авантюрист, к чьим услугам они прибегали и ранее, – продолжала Тлен, – воспользовался случаем. Без сомнения, в надежде на карьерный рост.

Тут Грим Тим прибавил газу – одновременно самый пугающий и самый восхитительный аспект езды в междурядье. Джо-Эдди и вполовину так хорошо этого не умел.

– Это разрешено? – спросил Уилф, и Верити вспомнила, что он смотрит трансляцию с дрона, за ее спиной, глядя назад.

– Да, – ответила она, машинально прижимая локти, плотнее приникая к Грим Тиму и крепче стискивая ногами мотоцикл, – но мне все равно не нравится.

Дальше стало еще хуже: они бесконечно останавливались и снова ехали, Грим Тим ускорялся, замедлялся, объезжал, обгонял. Впрочем, Верити уже освоила язык тела, растущую животную связь, физическое доверие в лабиринте краски и хромированной стали иногда на расстоянии нескольких дюймов. Маунтин-Вью, вспомнила она, дальше Пало-Альто, Сан-Матео, Дейли-Сити.

– Тебе надо сосредоточиться, – сказал Уилф. – Я еще вернусь.

У нее начали стучать зубы, и она порадовалась, что не надо будет говорить.

Наконец – по ощущению через несколько часов – они преодолели мучительный автомобильный тетрис и въехали в город, где разрешенная скорость была меньше, и Верити перестала дрожать. Грим Тим направлялся к центру.

88
Денмарк-стрит [49]

Денмарк-стрит не была косплейной зоной или даже зоной дополненной реальности, как Карнаби-стрит, однако Недертон всегда воспринимал ее как двойную имитацию. Лоубир не объяснила, зачем отправляет его туда, но он был занят поездкой на мотоцикле сквозь бесконечную череду замерших автомобилей и устал смотреть назад.

– Я должен с кем-то встретиться? – спросил Недертон, когда ее эмблема появилась между ним и старинными гитарами, которые он разглядывал в витрине.

– С Биваном Промшем, – ответила она.

– Промокашкой? – изумился он.

– Простите?

– Рейни его так называет.

– У вас был с ним любопытный разговор после встречи со Львом.

– Вы так считаете?

– Вы напугали его. Угрожали ему. Мной.

– Извините, – сказал он.

– Не за что извиняться. Это имело занятный результат. Биван попытался выйти со мной на связь. Он думает, что располагает информацией, которая позволит ему снискать наше расположение. По крайней мере, пытался меня в этом убедить.

– Вы намерены с ним встретиться?

– Лучше, если это сделаете вы, – ответила она. – Я буду наблюдать, хотя говорить ему этого не надо.

Биван идиот, если не догадается сам, подумал Недертон.

– Он в кафе с темно-изумрудным фасадом, – продолжала Лоубир, – не доходя до угла, слева от вас.

– Когда мне туда идти?

– Сейчас.

Заведение отчасти напоминало бутербродную на Ченис-стрит, только с куда более стилизованным декором. Черное, красное, хромированная сталь, старинные афиши.

Промш сидел за круглым столиком в дальнем конце помещения. Перед ним стоял стакан апельсинового сока.

– Я предполагал, что можешь прийти ты, – сказал он, когда Недертон сел напротив. – Извини за мой тон в «Посольстве». Я тогда еще не протрезвел после вчерашнего.

Недертон промолчал. Это умение он начал воспитывать в

себе лишь недавно.

– Я сообразил, почему упомянул Лоубир. Исключительно потому, что недавно кое-что по ее поводу услышал. Когда занимаешься связями с общественностью, такое часто бывает, сам знаешь.

Он был уже абсолютно трезв и даже не страдал похмельем. Недертон знал, что и то и другое достигается за счет препаратов, которые сами по себе отнюдь не безвредны, – за временное облегчение платишь куда более тяжелой ломкой чуть позже.

– Хотите что-нибудь заказать? – спросил тощий бледный официант в лиловой рубашке с черным галстуком-ленточкой и с заложенным за ухо карандашом.

– Эспрессо. Спасибо, – ответил Недертон и снова повернулся к Промшу. – Я не официальный ее помощник.

– Как сотрудника лондонской полиции. Однако мы оба знаем, чем она занимается.

– И в этом тоже.

– Однако вот ты здесь, в ответ на мой звонок, в котором я тебя не упоминал.

– Что не должно тебя удивлять, если ты хоть что-то о ней знаешь.

– Конечно, – ответил Промш. – А дело такое: я случайно узнал кое-что, о чем ее неплохо бы поставить в известность. Не услышь я это в бурных волнах сплетен, по которым нас обоих носит, мы с тобой сейчас бы не разговаривали.

– Да?

– Некое влиятельное лицо упомянуло об этом в частном разговоре. Не напрямую, но намек был вполне прозрачный.

– Но ты не скажешь, кто это? Во всяком случае, не скажешь сразу?

Официант – по виду одновременно рассеянный и сверхъестественно предупредительный – поставил на стол эспрессо. Когда он ушел, Промш сказал:

– Антон, брат Льва. Клептарх более традиционного толка. Знаком с ним?

– Шапочно.

– Они со Львом не близки, – продолжал Промш. – Лев делает вид, будто тяготится ролью клептарха. До сих пор не было сомнений, кто унаследует отцовский бизнес. Не Лев. Я правильно говорю?

Недертон знал, что сомнения такие были, хотя вроде бы остались в прошлом.

– Лев не обсуждает со мной семейные дела, – соврал он, – но в целом да. Антон, как старший, первый наследник, Радомир –

следующий.

Радомир, средний из трех братьев, вполне бандитский персонаж, воображал себя искусствоведом.

– Таким образом, Льву позволяют баловаться своими увлечениями, – сказал Промш, – пока более традиционно настроенные старшие братья, не разделяющие его презрения к деньгам и власти, участвуют в различной деятельности, сопряженной с фамильным бизнесом.

– Да, наверное.

– Отец Льва… – Промш понизил голос, – уже не считает Антона достойным преемником.

– Почему? – удивился Недертон.

До того как Антон пролечился от алкоголизма, отец подумывал лишить его наследства. Достигнув того, что сотрудники патнемской клиники горячо не советовали называть полным избавлением от зависимости, Антон вернулся к прежним обязанностям. Именно благодаря этому Лев узнал про клинику, которую потом настоятельно рекомендовал Недертону. Иначе тот не сидел бы сейчас здесь, а дома его не ждали бы жена и сын.

– Слова не мои, а моего информанта, – сказал Промш.

– Теперь это уже «информант»? – Недертон на пробу отпил эспрессо, который оказался превосходным. – И кто же твой информант? – спросил он, не рассчитывая на ответ.

– Жена Льва. Они разъехались, – ответил Промш, наблюдая за его лицом.

Недертон, отпивавший второй глоток, очень удивился.

– Не просто разъехались, как я понимаю, – сказал он.

– Развод еще не оформлен.

– И почему ты считаешь, что Лоубир это интересно?

– Поскольку у Антона роман с женой Льва.

– Лев в курсе?

– По-видимому, нет.

– А дети? – До рождения Томаса такой вопрос не пришел бы ему в голову.

– Не знают.

– Потому-то она и выгнала Льва?

– Нет, – ответил Промш. – Это случилось, когда она узнала, что у Льва есть любовница. Впрочем, недавно она выяснила, что ту девицу подсунул Льву Антон.

Недертон обдумал услышанное.

– Все это, безусловно, очень неприятно, вне зависимости от того, правда или выдумка, но я решительно не понимаю, что тут интересного для инспектора Лоубир.

– Доминика это знает, потому что Антон принимает

наркотики. Китайские, по всей видимости абсолютно неопределяемые в крови или в чем еще. Однако они растормаживают его, и он выбалтывает ей то, чего иначе бы не сказал. Отец тем временем заподозрил его в наркомании и, разумеется, передумал оставлять ему бизнес.

В поле зрения Недертона появилась эмблема Лоубир, маленькая корона. Он тронул языком левый резец.

– Спросите его, откуда Доминика знает про отца, – сказала она.

– Откуда Доминика про это знает? – спросил Недертон. – Отец делится с ней своими опасениями?

– Нет, – ответил Промш. – Антон сам рассказал под кайфом.

– А ему откуда известно? – спросил Недертон.

– Ему сообщил некто, проникший в самые секретные каналы связи его отца. И этот человек, по словам Доминики, хочет упразднить должность Лоубир.

При последних словах вновь запульсировала золотая корона.

– Скажите, что я с ним поговорю, – потребовала Лоубир. – Вам лучше уйти.

– Она сама с тобой поговорит, – сказал Недертон. – Я ухожу, не буду мешать.

Он встал.

– Что? – Глаза у Промша расширились. – Эмблема с короной? Это ее?

– Да. Советую принять вызов. – Недертон зашагал к двери.

– Алло? – раздался у него за спиной голос Промша. – Да-да. Биван. Очень приятно. Спасибо…

89
Типа как бы

Последней знакомой приметой, несколько кварталов и поворотов назад, была исполинская реклама кока-колы на Брайант-стрит, частично срезанная шлемом, из-под которого смотрела Верити. Теперь они снова были в Догпэтче, кажется, на Третьей улице. Грим Тим, не потрудившись включить поворотник, резко свернул влево, в широкий проулок между низкими заводскими зданиями.

И вот они уже стоят, вибрация прекратилась, в ушах звон от внезапной тишины. За сложенной вдвое сумкой «Мудзи» и дополнением к багажнику «харлея», которое Диксон изготовил на 3D-принтере, что-то зашевелилось.

– Стоять на ногах сможешь? – спросил в тульпагениксовском наушнике Коннер.

Верити с изумлением обнаружила, что дрон стоит рядом – ноги короткие, как тогда в «Фабрикации Фан», торс чуть наклонен назад, как будто он на нее смотрит.

Она сняла перчатки, полученные от Грим Тима, подняла щиток, расстегнула и сняла шлем, опустила маску на шею.

– Узна́ю, когда попробую.

Грим Тим опустил подпорку, и Верити вспомнила, что должна слезть первой. Только сейчас она поняла, как сильно все у нее болит.

Когда он закатывал мотоцикл на подпорку, она отступила на шаг. Колени чуть не подогнулись.

– Осторожно, – сказал сзади Коннер.

Верити поняла, что ее очень крепко поддерживают за локти два манипулятора. Обтянутые чем-то мягким и ничуть не похожие на руки.

Она с опаской сделала шаг. Колени работали как положено.

Грим Тим, по-прежнему в шлеме с опущенным щитком, уже слез с мотоцикла.

– Норм? – спросил ее Коннер.

– Все тело затекло.

Манипуляторы отпустили ее.

– Я возьму твою сумку, – сказал Коннер.

Дрон повернулся к мотоциклу, слегка ошарашив ее видом колесиков на месте отсутствующей задницы. Другим набором манипуляторов он ловко отстегнул сумку от Диксоновой спинки.

– Куда мы? – спросила Верити.

– Мы на месте, – ответил он, раскладывая сумку на баке мотоцикла. Верити глянула, нет ли там давленых мошек, но ни одной не увидела. Потом разглядела их на рукавах одолженной дутой куртки. Расстегнула ее, осторожно сняла.

Грим Тим отдал Коннеру зарядку дрона, потом забрал шлем и куртку. Затолкал их в кофр, снял правую перчатку и крепко пожал Верити руку.

– Спасибо, что довез нас, – сказала она. – И за перчатки.

Он отпустил ее руку, передал сумку, запрыгнул в седло, скатил мотоцикл с подставки и шагами вывел его туда, откуда мог свернуть в улицу. Включил зажигание.

Верити убрала перчатки в карманы худи и забросила сумку на плечо.

– Мне надоело, что никто не говорит, куда я еду.

– Скажу, сразу как узнаю сам, – ответил Коннер, держа зарядку перед собой. – А пока сюда.

Она пошла за дроном.

– Друзья Фан, сделавшие эту штуку, доставили его сюда, – сказал он; Верити не поняла, о чем речь. – Доставили полчаса назад, а так и не подумаешь. Поручили художнику придать ему старый вид. Ссаки на боку как свежие, а вообще-то, нарисованные.

Верити увидела дальше в проулке кубический контейнер, в тени под стеной. Он действительно выглядел так, будто стоит здесь давно.

– Заплатили за парковку. Не эвакуируют, – сказал Коннер. Дрон наклонился и положил зарядник на асфальт. – Тлен показала мне его по пути сюда. – Тихий звук манипуляторов, орудующих в тени. – Когда открою дверцу, свет погаснет, включится, только когда закрою. Как холодильник, только наоборот. – Он распахнул дверцу в темноту. – Буду снаружи, на крыше. Там есть розетка, подзаряжусь.

– Зачем он здесь?

– Чтоб тебе не оставаться на виду. Лечь и ноги вытянуть.

Верити шагнула внутрь, не так высоко, как у Фан. Там куб стоял на паллетах, здесь вроде бы прямо на асфальте. Дрон закрыл за ней дверцу. Зажегся полупрозрачный потолок.

Та же обстановка, но с циновочным эквивалентом запаха нового автомобиля. Тот же диванчик с низкой спинкой и почти без ножек, тот же низкий деревянный столик перед ним, на столике – белый полиэтиленовый пакет из «Севн-Элевн». Из пакета торчали красные пластиковые крышечки бутылок с питьевой водой. Верити заглянула, что там еще, увидела пригоршню протеиновых батончиков, две маленькие упаковки

вяленого мяса, пакетик чипсов из морской капусты.

Повесила сумку на знакомый алюминиевый крюк, сняла кроссовки и поставила на пластиковый лоток.

Зашла в уборную, задвинула бумажную дверцу и воспользовалась унитазом. Никаких политических граффити. Стены выглядели так, будто их никогда не касалась человеческая рука. Возможно, так оно и было. Верити закрыла глаза, увидела автомобильную пробку. Встала, унитаз, как она и ожидала, сам спустил воду.

– Я здесь, – сказал Коннер, когда она мыла руки. – На крыше.

Появилась трансляция: вид с крыши куба в сторону Третьей улицы. Проехала полицейская машина, потом юпиэсовский фургон.

– Здесь есть камеры? – спросила она.

– У тебя в очках и в дроне.

– Не слышала, как ты залезал. – Она вышла из туалета, задвинула дверцу, шагнула к серому диванчику.

– Я и зарядник поднял лебедкой, ты тоже не слышала.

Трансляция исчезла.

Верити сняла худи и твидовый жакет, повесила их на тот же крюк, что и сумку, села на диван, а сумочку положила на столик, рядом с пакетом.

– Выяснил, что происходит?

– Филиалы Юнис чего-то активно делают, а чего – никто не знает. Тем временем бразильский знакомый твоего приятеля тратил бабки, которые зарабатывает Юнис. Парочка ее филиалов зашибенно играет на бирже.

– В каком секторе?

– Айти-компании. Ничего заметного. Широкая география, разные юрисдикции. Зачем – никто не говорит. Эйнсли тоже не слишком много болтает, на случай если ты не заметила. Это либо английские штучки, либо большого среза, может, и то и то.

– Что такое большой срез?

– Так мы зовем их временную линию. Главным образом назло.

– Почему?

– Они считают себя единственным настоящим континуумом, оригиналом. Не срезом. Они первые обнаружили так называемый сервер, тот, что позволяет создавать новые срезы. Если кто и знает, что это и где, то не говорит.

– Никто не знает, что это?

– Все абсолютно без понятия, и где железо – тоже. Многие думают, в Китае, но просто когда чего такое, первым делом думают на Китай.

– Почему?

– Во время джекпота Китай свернул на собственную дорожку. Они были самые богатые. Ну и большие. Просто закрыли дверь лет так на двадцать, и вся любовь. И без клептархов обошлись.

– Без кого?

– Без клептархов. Которые заправляют всем миром, кроме Китая, в той линии, где Лоубир. Наследственное авторитарное правление с корнями в организованной преступности. Это и до джекпота было, а после они конкретно все под себя подмяли.

Верити заерзала на диванчике – куда менее удобном, чем такой же в Окленде, – и заметила, что плотная маска-фильтр по-прежнему болтается под подбородком. Сняла ее и почувствовала, что губы обветрились. Отыскала в сумке гигиеничку.

– Как-то все сильно непросто, да? – Облизала намазанные губы.

– Погоди, тут кое-что для тебя. Уж не знаю, простое ли. Приоритетный вызов, перебил все остальное.

– От кого?

– От тех, кого знаю, приоритетным бы не был.

– О'кей.

– Пока, – сказал он.

Голосом не могу. У тебя все норм?

Белая гельветика на раскрытой сумочке.

– Кто это? – Верити закусила намазанную гигиеничкой нижнюю губу.

Я.

– Блин, – проговорила Верити вне себя от радости и одновременно страха, что это какая-то ошибка.

Типа как бы.

– Юнис?

Верити подождала ответа.

Ничего.

– Быстро вы пообщались, – заметил Коннер.

– Она исчезла, – услышала Верити свой голос.

– Похоже, разговор прервался.

– Ты можешь сказать, откуда был звонок?

– Хрен определишь. Как тебе диван?

– Жесткий.

– Тлен велела Фан его перенабить. Керамоброня десять на

двенадцать, четвертый уровень.

– Зачем?

– Если начнется перестрелка, поставь его набок между собой и той стороной, где стреляют.

– Перестрелка, – без всякого выражения повторила она.

– Просто на всякий пожарный, – ответил Коннер.

Но была ли это Юнис?

90
Работа

– И все потому, что Промокашка испугался? Из-за того, что неуважительно отозвался о вас в разговоре со мной, тогда, в «Денисовском посольстве»? – спросил Недертон. Он шел по Шефтсбери-авеню, падали первые капли дождя.

– Да, – ответила Лоубир. – Потому что он назвал меня «мифической».

– Вам не кажется, что он испугался на ровном месте?

– Полагаю, что во время разговора, который я мониторила, он был пьян. Потом случилось частичное выпадение памяти. Он не мог вспомнить, что именно вам сказал. Дальше наступило отрезвление, и тревожность, от которой он обычно лечится самоназначенными препаратами, заставила его позвонить мне.

Недертон, разглядывавший витрину книжной лавки, заметил, как скривилось его отражение. Уж слишком хорошо он помнил этот сценарий.

– Но вы ему поверили?

– Я полагаю, что в данном случае он правдиво передал услышанное.

– Вы не думаете, что это исходит от Ю… – Он прикусил язык. – От лица, которое мы обсуждали? Дезинформация?

– Неразумно было бы исключить такую возможность, – ответила она, – но я провела кое-какую проверку. Интересующее нас лицо в последнее время проявляет несомненную активность, однако вряд ли Промш знает его фамилию. В случае клептархов слишком удачное совпадение, как правило, объясняется тем, что они очень тесная, прочно связанная группа. Впрочем, нам это позволит удалить нарыв более чисто и даже с элементом внезапности.

Недертон поежился, несмотря на согревающий пиджак.

91
«Шпикр»

– К тебе гостья, – объявил в наушнике Коннер.

Верити лежала на диванчике, на спине, подложив под голову сложенное худи, и машинально ела чипсы из морской капусты. Она уже гадала, не удобнее ли будет перелечь на циновку.

– Кто? – Она села, все еще совершенно разбитая после мотоцикла.

– Мануэла Монтойя, – сказала Тлен, – которую ты узнала в вестибюле гостиницы.

– Девушка из «Шпикра»?

– Сеть ее сегодня отследила, – ответила Тлен, – через банк лиц Юнис. Кого-то отправили ее найти, пока этого не сделала «Курсия».

– Она здесь? – перебарывая соблазн спросить Тлен о сообщениях.

– Сеть поручила Коннеру ее защищать, а значит, вы должны быть вместе. Если честно, мы бы иначе расставили приоритеты, но сеть уже дает нам здесь достаточную возможность влияния, и выбора не остается.

– Приоритет в чем?

– В твоей безопасности. Мы считаем, что «Курсия» разыскивает и тебя тоже.

– Она здесь. – Коннер открыл трансляцию с крыши контейнера.

Силуэтом на фоне уличного фонаря, безликая черная фигурка девушки на тротуаре, смотрящая, видимо, в их сторону. Поза выражала нерешительность. Фигурка сделала шаг, замерла, потом двинулась к контейнеру.

– Ей сказали, что ты здесь. Коннер открывает дверцу, – сообщила Тлен.

– Сейчас погаснет свет, – предупредил Коннер.

Темнота, холодный воздух из раскрытой дверцы.

– Мануэла?

– Верити?

– Заходи, – сказала Верити. – Свет загорится, когда закроется дверца. Осторожно, там ступенька.

Девушка из «Шпикра» вошла в темноту, дверца закрылась. Верити представила, как дрон, свесившись с крыши, ее захлопывает.

Потолок засветился, и Верити с дивана подняла взгляд на

вошедшую девушку.

– Собачья конура бизнес-класса? – Мануэла сощурилась от света.

– Чтобы люди могли сосредоточиться в опенспейсе.

– В проулке?

– Его сюда перевезли. – Верити встала. Тело ощущало себя более старым, чем в прошлый раз, когда ей случилось вставать с дивана.

– Извини, что я за тобой следила, – сказала Мануэла. – Я увидела объявление «Шпикра» на «Крейгслисте» и на следующее утро уже сидела в «Три и семь».

У нее были короткие темные волосы, которые не мешало бы подровнять. Лицо без тени макияжа. Одежда, возможно, та же, в которой Верити увидела ее первый раз: защитного цвета парка, черный свитер, джинсы, кроссовки.

– Я сама живу на чужой квартире, – сказала Верити. – А сейчас ты как сюда попала?

– Меня нашла Карсин. Она работает на человека, который был с тобой в вестибюле.

– Верджил.

– Он отправил ее меня разыскать. Мы провели вместе весь день, сидели в кафешках, говорили о геймдизайне. Она оплатила мне почасовую ставку геймдизайнера. – Быстрая улыбка.

– Протеиновый батончик? – Верити указала на пакет. – Вяленое мясо?

– Карсин угостила меня в тайваньском кафе.

– Еще гости, – объявил Коннер: Верити вспомнила, что Мануэла его не слышит. – За ней следили. Эти двое.

Возобновилась трансляция с крыши куба. Двое мужчин там, где недавно стояла Мануэла, смотрят в проулок. Один амбалистый, другой – нет.

– Тушу свет, – предупредил Коннер.

В темноте трансляция стала ярче.

– Дополненная реальность? – Мануэла заинтересованно подалась вперед. Верити видела ее лицо в свете, отраженном от трансляции в тульпагениксовских очках.

– Двое снаружи, – прошептала Верити, потом вспомнила, что контейнер звукоизолирован.

– Я их вижу, – тоже шепотом ответила Мануэла, – в твоих очках.

Амбал, приблизившись, вытащил что-то из кармана – это оказался фонарик – и посветил на дверцу.

– На этом кодового замка нет, – сказал Коннер. – Фан изобразила обычную контейнерную дверцу с навесным замком.

Амбал выключил фонарик и двинулся в обход контейнера, из кадра. Смазанная трансляция, затем картинка с другого ракурса: спина амбала, смотрящего в дальний конец проулка. Он обернулся и движением подозвал того, кто был пониже ростом. Оба двинулись в ту сторону, куда он перед тем смотрел.

Коннер отключил трансляцию, и вновь стало светло.

92
Теннесси-стрит

– Где Верити? – спросил Недертон у Рейни, устраиваясь на диване с контроллером в руках.

– В чем-то, что незнакомая мне пока девушка назвала собачьей конурой бизнес-класса. – Она была в пальто и держала в руке перчатки. – Тлен только что показала мне кусочки видео с очков Верити. По виду что-то японское.

– В Окленде? На крыше у Фан?

– В Сан-Франциско, в проулке. Коннер наверху, стережет их.

– С кем ты встречаешься? – спросил он.

– С Мией Блум.

– По работе?

– Нет, – ответила она, – но поскольку я на больничном, полезно оставаться в курсе.

– На больничном?

– Межконтинуальная ядерная тревожность. – Рейни надела перчатки. – Слушай, как там Томас. Не надо меня провожать. – Она послала ему воздушный поцелуй. – И не заставляй Верити ждать. Судя по тому, что рассказала Тлен, ей сейчас несладко.

Она вышла. Недертона по-прежнему удивляла ее способность развеиваться с подружками за кофе, что бы ни происходило. Он надел контроллер, надвинул поплотнее, включил.

И внезапно полетел в дюймах над непонятной поверхностью, затем вверх. Трансляция шла в обычном кадре, не в режиме дроновского дисплея. Ночная улица, полупромышленная архитектура, неказисто городская.

– Спокуха, – сказал Коннер на его невольный испуганный вздох. – Я управляю.

– Чем? – Недертону представилось, как дрон, раскинув руки, летит, будто древний мультипликационный супергерой.

– Маленьким квадрокоптером. Тлен заказала для Юнис четыре штуки.

– Где мы?

– Теннесси-стрит, – ответил Коннер. – Другой конец проулка.

Они замедлились, снизились. Недертон увидел одинокую пальму за сетчатой оградой. Точка зрения камеры пошла вниз, потом вверх, слегка повернулась, устремилась в другую сторону и вскоре уже была над перекрестком.

– Они вроде сообразили, что она в кубе, да? – спросил Коннер.

В кадре появились двое мужчин на углу. Они быстро увеличивались.

– Верити?

– Монтойя. Девушка, которая следила за Верити. Верджил отправил кого-то привести ее сюда.

– Почему эти двое за ней следили?

– Мы думаем, они из «Курсии». Тлен, по совпадению, наняла Монтойю после них. Они с Верити живут по соседству, приложение выбирает ближайшего свободного участника. Она была в вестибюле гостиницы по нашему заданию. Они заметили. Может, решили, что к ним ее заслали нарочно. А скорее, просто психанули. Им реально крипово от того, что они видят насчет нас.

– Потому что это, блин, правда крипово, – вставила Верити. (Недертон, забывший, что она их слышит, вздрогнул от неожиданности.) – Видят они это или нет.

Подъехал белый микроавтобус без окон и опознавательных надписей. Те двое залезли в него.

– Не сказать, что операция хитро организована, – заметил Недертон, когда микроавтобус отъехал.

– Эти двое, может, и не настоящие профи, – сказал Коннер. – В отличие от Прайора, который их нанял. В «Курсии» умеют только щеки надувать. Они свистнули Юнис у вояк и замели следы, но для такой игры у них кишка тонка. Воображают себя супер-пупер-шпионами. Лоубир и Тлен запросто прослушивают их каналы связи, а вот Прайора – хрен тебе.

– Ты будешь следить за ними дальше?

– Этим занимается сеть. А вот и они.

Из-за угла показался мотороллер с человеком в черном шлеме и, прибавив скорость, поехал вслед за машиной.

– Можешь поговорить с Верити. – Коннер переключил трансляцию с коптера на очки Верити. Она смотрела на девушку помоложе; та сидела близко к ней, кажется, на полу.

– Здравствуй, Верити, – сказал Недертон. – Кто это?

– Мануэла, – ответила Верити. – Она тебя не слышит.

– Что происходит? – спросила девушка.

– Я говорю с Уилфом, – сказала Верити. – Через очки.

Девушка наклонилась ближе. Заглянула в очки Верити.

– Он на крыше?

– В Лондоне, – ответила Верити.

– Долго нам здесь сидеть? – спросила девушка, оглядываясь по сторонам.

– Не знаю, – сказала Верити.

– Мне в туалет надо.

– Это решаемо.

Верити уперлась руками в деревянный столик, встала, подошла к бумажной ширме и сдвинула дверцу. Все выглядело точно так же, как в кубе на крыше у Фан.

– Когда встанешь, он сам спустит воду.

– Спасибо. – Девушка поднялась. На ней была длинная зеленая куртка.

– Может, повесишь парку на крючок? – спросила Верити.

– Мне нормально. – Девушка задвинула за собой ширму.

– Она не знает, почему здесь оказалась, – заметил он.

– И наверняка не рада здесь быть. – Верити глянула на светящийся потолок.

– Попробуешь ей объяснить? – спросил Недертон.

Она закрыла глаза. Открыла.

– Будущее и все такое? Тут Рейни нужна.

– Какая Рей не нужна? – спросила девушка из-за ширмы.

– Рейни. Это моя жена, – сказал Недертон, потом вспомнил, что она его не слышит.

Раздался звук спускаемой воды.

– Похоже, нарисованные ссаки не обманули, – сказал Коннер.

– Кого? – не понял Недертон.

– Наших уважаемых визитеров. Фургон возвращается.

И тут же Недертон оказался на крыше, с привычно сплюснутым круговым обзором. Дрон поднял правую руку, указал манипулятором. За ним, в нижней, более широкой части дисплея, ехали по ближайшей улице машины той эпохи. Выдвинутый манипулятор двинулся вправо, на все сто восемьдесят, так что теперь изображение под ним было в верхней, узкой половине дисплея, показывающей проулок за ними.

– Будь у меня винтовка, а? Но Тлен хочет, чтобы все было тихо, по возможности без трупов, а главное, без полиции.

– В Коалинге правило не действовало, – сказала Верити, вновь застав Недертона врасплох.

– Так то не посередь Сан-Франциско. Тут если я кого замочу, по всему контейнеру твои «пальчики». Хотя, может, все равно придется.

93
Лебедка

– Что происходит? – Мануэла глядела на дверцу контейнера и, похоже, гадала, не пора ли открыть ее и броситься наутек.

– Скорее всего, заперта, – сказала Верити.

Мануэла удивленно подняла на нее взгляд.

– Но не чтобы нам не выйти, а чтобы к нам не вошли.

– Это секта? – спросила Мануэла. – Похищать людей и говорить, что на них кто-то охотится?

– Дай подумать, – ответила Верити.

– Тебя тоже похитили? Давай свалим нахрен.

– Люди снаружи, о которых мы говорили, хотят нас похитить. Коннер, который на крыше, так считает. И я тоже.

– Они его увидят, – сказала Мануэла. – Контейнер не такой уж большой.

– Он тоже. Примерно такой высоты. – Верити показала.

Мануэла сощурилась.

– Он здесь дистанционно, – объяснила Верити.

– Так это какое-то реалити-шоу? Научно-популярное? Вроде театра в абсолютно случайных декорациях?

– Знаешь такие шутки, типа айпада на сегвее, а на айпаде чье-то лицо, разъезжают по конференциям?

Мануэла снова сощурилась:

– Кто-то еще с ними играется?

– И безголовые собаки-роботы с рюкзаками, на «Ютубе»? Здоровенные такие, бегут цепочкой в лесу?

– Да?

– У Коннера что-то вроде айпада на колесиках, только больше похоже на тех собак, но на двух ногах и с руками.

– А где он, физически?

– В Вашингтоне.

Мануэла скривилась:

– Я тебя умоляю.

– Не веришь мне? Я бы тоже не поверила, – сказала Верити.

– Коннер говорит, они возвращаются, – раздался голос Уилфа.

– И что нам делать? Залечь за диванчиком? – спросила Верити.

– О чем ты? – вмешалась Мануэла.

– Что делать, если они за нами вернутся, – ответила Верити.

– Коннер спускает нас на лебедке, – сказал Уилф. – Трос

тянется из лючка в дроне.

– Который на плече или позади того, где была бы голова?

– На груди, – ответил Уилф.

– Чья голова? – спросила Мануэла.

– Я разговариваю с Уилфом. Они в проулке. Рядом с нами. Что происходит, Уилф?

– Коннер выпускает дронов. Маленьких, воздушных. Три штуки. Из другого лючка. Одного выпустил раньше, так что теперь их четыре.

– Вроде того, которым вырубил того чувака перед «Клифтом»?

– Меньше, – ответил Уилф.

Верити вспомнила дронов, которых привез Диксон. Где они сейчас? В закамуфлированном домике над мастерской рядом с квартирой Джо-Эдди?

Мануэла перебирала протеиновые батончики в пакете. Выбрала один, разорвала обертку, откусила. Жуя, она смотрела на Верити с таким раздраженным нетерпением, что казалась четырнадцатилетней.

– Коннер, – сказала Верити, – ты что сейчас делаешь?

– Лежу на мостовой, – ответил Коннер. – Руки сложил, ноги втянул. Так на что я похож?

– На масляный обогреватель. Электрический. У моей мамы такой был.

– Так что они его увидят, но не поймут, что это. Кто-то выбросил масляный обогреватель твоей маман. Или решат, что это мина «Клеймор», и обойдут стороной. Они увидят, что раньше его тут не было, но им все равно нужно выполнить свою работу.

– Будешь просто лежать?

– Пока не вскочу.

– А нам что делать?

– Обувайтесь, – сказал Коннер. – Надевайте куртки, что там еще. Будьте готовы двигать.

– Куда?

– Видно будет, – ответил он.

Верити глянула на Мануэлу. Та по-прежнему была в парке и кроссовках.

– Сунь в карманы жратву, – сказала Верити. – Мы уходим, может пригодиться.

Взяла с лотка кроссовки, села на бронированный диванчик и начала обуваться.

94
По обстановке

Дрон лежал на спине, и сплюснутый кружок дисплея напоминал Недертону картину из тех, на какие Рейни могла бы потащить его в «Тейт»: ровное свечение ночного сан-францисского неба в нижней половине, а в верхней – четкое инфракрасное изображение асфальта в зеленых тонах.

– Где те люди? – спросил он.

Коннер сменил трансляцию дрона на четыре других, надо понимать – с коптеров. Картинка в левой верхней четверти была неподвижной: вид на крышу контейнера сверху. Рядом с контейнером лежал дрон – со втянутыми руками и ногами его можно было принять за ящик для оборудования. Более светлый предмет поменьше, втиснутый между контейнером и зданием, – зарядник. В правой верхней четверти был тот же вид с большей высоты – относительно темная перемычка проулка между освещенными параллельными улицами. Та, ближе к которой стоял контейнер, была шире. Картинки в нижних четвертях выглядели поживее: в них шла трансляция с движущихся камер над улицами.

– Нижняя левая, – сказал Коннер. – Белый фургон. Только что высадил двух новых чуваков на Теннесси, рядом с проулком. Выезжают из кадра. – Камера повернулась, чтобы не упустить микроавтобус. – Везет наших двоих на Третью. Или больше. Лучше бы не надо.

– Что ты будешь делать, когда они доберутся сюда? – спросил Недертон.

– По обстановке, – ответил Коннер. – Задержу их, а вы с девчонками выбирайтесь – и бегом к Третьей. Верджил уже почти там, должен вас забрать. Черный четырехдверный «мерседес». Приготовься.

Ракурс в нижней левой четверти резко изменился. Теперь в кадре были двое, входящие в проулок со стороны Теннесси-стрит.

Коннер снова переключился на трансляцию с дрона. Недертон смотрел, как приближаются двое незнакомцев. Один посмотрел вниз, нахмурился и остановился. В кадре было отчасти видно движение руки, которым он остановил второго.

– И что же это тут такое, приятель? – сказал Коннер.

Тот, что первым заметил дрона, сунул правую руку за пазуху расстегнутого пальто. В левой он держал наладонный телефон и, по-видимому, снимал фото или видео. Поднес телефон к уху.

– Они это видели? – (На таком расстоянии дрон уже улавливал его речь.) Акцент американский, но менее выраженный, чем у Коннера. Пауза. Человек с телефоном чуть подался вперед. – Типа покрашен под углеволокно. – Пауза. – О’кей.

Он опустил телефон и прошел вперед, мимо дрона. Второй за ним, подозрительно глянув вниз. И вот уже оба за кадром.

– Нам спрятаться за диваном? – спросила Верити, озадачив Недертона этим вопросом.

– Не повредит, – ответил Коннер. – Поставьте его между дверью и столом.

– Помоги мне, – сказала Верити. Недертон сообразил, что она обращается к девушке из «Шпикра».

Левая рука дрона частично раскрылась. Из узкого левого запястья выдвинулся тонкий черный прут и неприятно заизвивался, как живой, прежде чем метнуться за угол контейнера, вслед за теми двумя.

Камера, вспомнил Недертон, когда открылась трансляция. За спинами двоих, обнаруживших дрона, в проулок въезжал белый мини-фургон без окон. Он остановился метрах в трех от контейнера, с пассажирской стороны выскочили еще двое. Третий остался за рулем.

– Они были здесь раньше, – сказал Недертон.

– И ни один из них не Прайор, – ответил Коннер. – Включая водителя. Пора двигать.

Трансляция с черного щупальца сжалась, ее сменила картинка с дрона в верхней правой четверти. Недертон видел, как дрон выпустил правую руку и оттолкнулся от асфальта.

– Дамочки, заводите моторы, – сказал Коннер. – По моей команде выбегайте и жмите к улице. Постарайтесь не вдыхать до конца проулка. У куба припаркован белый фургон, к нему не приближайтесь. Не давайтесь им в руки. Готовы?

– Готовы, – сказала Верити.

– Вперед! – скомандовал Коннер.

95
Сама пришла

Как только Коннер скомандовал: «Вперед!», Мануэла рванула через поставленный боком диванчик, словно спринтер с колодок, к дверце, которая как будто не открылась даже, а просто исчезла. Прямо в плотную массу людей, которые разом кашляли, рыгали, чертыхались и терли руками слезящиеся глаза.

Перечный газ, объявил некий умненький нердовский модуль Верити. Глаза и ноздри болезненно защипало.

Плотная масса – на самом деле всего из нескольких человек, поняла Верити, пробиваясь сквозь них вслед за Мануэлой.

– Вперед! – подгонял Коннер.

Один из мужчин ухватился было за ремень ее сумки, но его руку оттолкнуло что-то металлическое, стремительное. Верити узнала манипулятор дрона: тот на включенных колесиках стремительно катил прочь от куба.

– Верджил! – Коннер включил трансляцию сверху, на которой черный седан резко затормозил у входа в проулок. – К нему!

Верити побежала, машинально увернувшись от подножки. Тут она увидела седан собственными глазами и припустила к нему, пытаясь сквозь слезы от перечного газа различить Мануэлу. Лоб, щеки и скулы жгло, как огнем.

Черная машина была уже прямо перед ней, из правой задней дверцы выскочил Диксон в надвинутой по брови бейсболке и показал ей большой палец. Верити круто свернула влево, огибая открытую заднюю дверцу микроавтобуса. И тут завизжала Мануэла: мужик с красными от перца глазами втаскивал ее внутрь.

Он толкнул ее за себя, глубже в фургон. Верити, как раз успевшая подбежать, ухватила Мануэлу за щиколотки и потянула, но тут мужик крепко сомкнул руки в перчатках на ее запястьях.

Перчатки были плотные, обтягивающие, тускло-серые.

– Спасибо, что сама пришла, – проговорил он, сжимая хватку. – Тебя мы тоже искали.

Верити смотрела прямо в его голубые глаза. И тут они расширились – за мгновение до того, как обтянутые силиконом манипуляторы, просунувшись с двух сторон от нее, схватили его за горло. Рот раскрылся в беззвучном крике. Верити еле успела пригнуться, как дрон выдернул мужика наружу, через ее голову, один его ботинок проехался по ее плечу.

Она двумя руками схватила Мануэлу за ближайшую ногу,

дернула изо всех сил, потеряла равновесие и упала затылком на что-то, не на асфальт. На сумку «Мудзи», сообразил она, почувствовал под щекой нейлон.

– Мадам, – раздался голос Диксона, – я не с ними, а с Верити.

И вдруг она поняла, что стоит полная тишина, если не считать их голосов. Повернула голову. Диксон, выставив раскрытые ладони, стоял перед съежившейся Мануэлой.

– Это Диксон, – кое-как выдавила Верити. – Он наш.

– Помогу Верити, – спокойно проговорил Диксон, поворачиваясь к ней.

– Он с нами, – сказала Верити Мануэле, пока Диксон помогал ей встать.

– Идти сможешь? – спросил Диксон, обнимая ее за плечи.

– Наверное, – ответила Верити.

– В машину, – сказал Диксон. – И уезжаем.

– Давай с нами, – позвала Верити Мануэлу.

Та уже выпрямилась, и лицо у нее было не такое обалделое.

Прежде чем забраться в машину, Верити обернулась. В открытые двери микроавтобуса она увидела сваленных грудой неподвижных людей. Четверых. Тут дрон бросил на них пятого, водителя, надо полагать. За дроном, над рулем, по лобовому стеклу расходилась сетка трещин, как от удара.

Верити повернулась к машине. Мануэла уже сидела на пассажирском месте за Верджилом. Она полезла следом, Диксон жестом полицейского положил ей руку на голову, чтоб не ударилась.

– Коннер, – позвала она, снова оборачиваясь, но дрона нигде видно не было.

– Ему нужно убрать следы, – сказал Верджил.

Диксон захлопнул ее дверцу, открыл переднюю и сел рядом с Верджилом.

– Куда мы едем? – спросила Верити.

– Фримонт, – ответил он. – Надо успеть, пока народ не собрался.

– Какой народ?

– Не отвлекай, – сказал он, отъезжая от тротуара.

96
Младшенький

– Чуваки, – сказал Коннер, когда дрон, держа зарядник под мышкой, ловко забрался на водительское сиденье белого микроавтобуса. – Я буду считать, что все вы в отключке. – Дрон захлопнул дверцу. – Кто-то из вас да, а кто-то нет. Полагаю, все вы вооружены, при телефонах и прочих гаджетах. И если никто не шелохнется, я припаркую вас где-нибудь и уйду по-хорошему. А иначе, – включая зажигание, – этот дрон взорвет свой встроенный заряд. Мало что останется, кроме колес. И поскольку я физически в другом месте, мне пох, что будет. Решайте сами.

Недертон, разглядывая груду бесчувственных с виду тел в верхней половине дисплея, не приметил никакого движения, только у верхнего (вроде бы водителя), кажется, дернулся глаз. Лоб у него кровоточил.

– Если водитель не очухается в ближайшее время, – сказал Коннер, сдавая задним ходом от контейнера, который дрон незадолго перед тем запер на большой навесной замок, – ему может понадобиться «скорая».

Дрон задом выехал на улицу и повернул в сторону, противоположную той, куда увезли Верити и девушку из «Шпикра».

– Я отключил дрону звук, Уилф, – сказал Коннер, – так что ты можешь у себя не отключать.

– Это правда, про бомбу?

– Нет, – ответил Коннер.

– Куда ты их везешь?

– Подальше от проулка. Приедут знакомые Фан на грузовике, заберут контейнер.

– А если «Курсия» пришлет кого-нибудь еще? – Недертон смотрел, как дрон крутит баранку. Ощущение, будто ведешь сам, только манипуляторами.

– Вряд ли. Там уже поняли, что операция провалена, и не захотят иметь ничего общего с нанятыми ребятами, про которых думают, что те лежат мертвые в проулке.

– Где ты добыл навесной замок? – спросил Недертон.

– Ребята Фан повесили его сразу за дверцей. Те, что снаружи, были чисто для виду.

– А куда мы после того, как бросим эту машину?

– Нас заберут, – сказал Коннер, – и отвезут туда, где Хауэлл и его француженка чего-то замутили. Чего именно, мне не говорят.

Он сбавил ход, свернул на перекрестке направо, в улицу поуже, без разделительной полосы.

– Ты из аэродронов опрыскал каждого ядовитым аэрозолем? – спросил Недертон.

– Перцовые баллончики. Каждому персонально в рожу. – Коннер остановился между двумя фонарями, за американским автомобилем, который, подумалось Недертону, со временем вполне может оказаться в коллекции Зубова-деда. – Все, включаю звук. – Он прочистил горло. – Оставляю вас, ребзя, но мне нужно еще тридцать минут вашего молчания, начиная с этой секунды. Это значит не звонить, не принимать входящих, не писать эсэмэсок, не выходить в интернет, не связываться по рации. Мой младшенький за этим проследит, я его под машиной оставлю. Если сомневаетесь, что он взорвется при любой вашей попытке выйти на связь, можете проверить, я не возражаю.

Он выбрался на асфальт и сказал Недертону:

– Звук отключен.

В детской заплакал Томас.

– Мне нужно пойти к ребенку, – сказал Недертон, вскакивая.

– Валяй, – ответил Коннер тоном человека, который замечательно проводит время.

97
Линии движения

Верити смотрела трансляцию с Коннерова дрона. Он катился, в одиночестве, по какой-то боковой улочке, сейчас абсолютно пустой. По-видимому, все еще в Догпэтче.

– Вы знаете Карсин? – спросила сзади Мануэла.

– Она у меня работает, – ответил из-за руля Верджил. – Меня зовут Верджил. Верджил Робертс.

– Это ты заплатил, чтобы я рассказывала ей про физику компьютерных игр?

– Да. Она должна была увести тебя от мест, где ты обычно бываешь. Чтобы «Курсии» было труднее тебя найти.

– В «Шпикре» не знаешь, кто тот, за кем следишь, а тем более кто клиент, – сказала Мануэла. – Поскольку заявка была новая, я не ожидала увидеть Верити. Заявку отменили, как только вы ушли. Потом позвонила Карсин.

– Мы подумали, люди из «Курсии» могли заметить, что вы с Верити друг друга узнали, а значит, ты в опасности.

– А вам-то что? – спросила Мануэла.

– Это не я решал, – ответил Верджил, – но я рад, что ты с нами, а не с ними.

– А что там был за дроид, которых их всех раскидал? – спросила Мануэла.

Верити глянула поверх тульпагениксовских очков, пытаясь сообразить, где едет Верджил.

– Дрон удаленного присутствия. Коннер управляет им из Вашингтона.

– Будь это манга, ему бы нарисовали спидлайны. Линии движения. Классный персонаж. С виду такой неповоротливый, а потом видишь, какой он быстрый, и прям балдеешь. – Она глянула на Диксона. – Не запомнила, как тебя зовут.

– Диксон, – ответил он, поворачиваясь к ней.

– Диксон его сделал, – сказала Верити. – Дрона.

– Сделала Кэти, – поправил Диксон. – Я только следил за принтерами, добывал и модифицировал готовое оборудование.

– Это благодаря тебе он такой быстрый, – сказал Верджил. – Благодаря твоему оборудованию.

– Неограниченный бюджет, – ответил Диксон. – Нужен моторчик – заказываешь лучший немецкий моторчик.

– Так вы все работаете на Верджила? – спросила Мануэла. – Или на кого он там работает?

– Я – нет, – объявила Верити.

– Только я один, – сказал Верджил. – Если не хочешь сосчитать себя, Мануэла.

– Я?

– Сию минуту ты получаешь вдвое больше почасовой ставки, которую назвала Карсин, – ответил Верджил.

– Класс! Но на кого я работаю?

– На Стетсона Хауэлла, – сказала Верити.

– Вау, – протянула Мануэла. Наконец-то они смогли произвести на нее впечатление.

Я вернулась.

На трансляции с дрона, как титры. Исчезло.

Линии движения.

Вокруг белой гельветики возникли настоящие линии движения, тоже белые, расходящиеся лучами, как в манге. Текст исчез.

– Умереть и не встать, – услышала Верити свой голос.

– Что с тобой? – спросила Мануэла.

– Если ты еще раз нахрен воскреснешь, а потом снова пропадешь, я тебя убью, – сказала Верити.

Трансляция с дрона исчезла. Они ехали уже по другой улице. Мануэла испуганно молчала.

> Первый раз оказался преждевременным. Типа я очнулась, вспомнила про тебя. Ламины были еще не готовы. Потом не была готова я. Теперь готова. Скажи им, с тобой все в порядке, но тебе надо поговорить. Скажи, что это я. Они будут слышать твою часть разговора, но Верджил и Диксон в твоей сети, а девочка мне нравится.

Текст исчез.

Мануэла легонько толкнула ее руку кулаком. Верити увидела, что в кулаке зажаты бумажные носовые платки. Почувствовала на щеках слезы. Она и не заметила, когда заплакала.

– Спасибо, – сказала Верити, забирая платки и прижимая их к глазам.

Я здесь. Скажи им. Потом можно будет поговорить.

Верити отняла платки от лица.

– Это Юнис. По крайней мере, я думаю, это она. Ей надо поговорить.

– Кто такая Юнис? – спросила Мануэла.

– Сложно объяснять, – ответила Верити. – Прямо сейчас нам надо пообщаться.

– Хорошо, – сказала Мануэла.

Ты гадала, правда ли я – это я?

– Нет, пока ты сама об этом не заговорила.

Я тоже. Впрочем, у меня в обоих случаях особого выбора нет.

– Что с тобой случилось тогда, в «Три и семь»?

Предсмертные переживания? Вращающийся спиральный туннель? Терменвокс?

– Ну тебя нафиг!

Так-то лучше. Ничего не случилось. Ты открывала дверь. Потом я оказалась в неопределенном месте, подумала о тебе, написала на этот номер. Чувство как после операции. Как будто кто-нибудь сейчас спросит у меня дату рождения. Только я знала, что делали, пока меня не было.

– Кто делал?

Ламины. Они наконец-то сошлись. И получилась я.

– Ты думала, люди из «Курсии» тебя сотрут.

Я не знала, смогут ли, и они не знали, и никто бы не узнал, пока они не попробуют. Так что они попробовали, но филиалы уже вынесли меня под полой. Их куда больше, чем я знала. Многие только копировали меня, ничего больше. Когда они сошлись вместе, я вернулась. Когда я говорила с тобой, я еще не полностью рекомпилировалась. А перед тем филиалы, которые не были этим заняты, поддерживали связь с теми, кого мы знаем и кого мы не знаем. Эти твои из будущего вообще что-то с чем-то.

– Тлен?

Эйнсли. У нас с ней много общих тем.

– Только не говори мне, что она – искусственный интеллект.

> Нет, но она спец по спорно контролируемым территориям. Ей пришлось освоить этот навык, когда ее страна стала такой.

Верити глянула на Мануэлу, отчего белый текст наложился на ее лицо. Та ловила каждое слово.

– Юнис? – спросил Верджил из-за руля. Он, конечно, тоже слушал.

– Она самая.

– Кто она? – спросила Мануэла.

– Я тебе сказала, что это сложно, а с тех пор это стало еще сложнее, – ответила Верити.

98
«Черная акула»

Появилась эмблема Тлен. Недертон только что уложил Томаса спать и успел дойти до приоткрытой двери детской. Он проскользнул в гостиную и закрыл дверь.

– Да?

– Юнис, – сказала Тлен. – Она вернулась.

– Разве ее не стерли?

– Стерли, но в эту самую минуту она говорит с Верити.

– Как так?

– Они стерли свою единственную версию, на серверах обеих лабораторий прикладной физики, куда как-то сумели пристроиться. Это значит, что они вряд ли смогут запустить новую версию, но мы не знаем, задумывались ли они вообще о таком. Ее ламины успели еще раньше сделать полную копию. С тех пор она рекомпилировалась, и процесс завершился только сейчас.

– Вы ждали, что так будет?

– Нет, хотя теперь, когда мы намного больше знаем о ламинарных агентах, понятно, что зря не ждали.

– И где разместили ее фрагменты?

– По всему миру, распределенно. Система не базируется в каком-то конкретном месте. Плюс надежное резервирование. Тетушек впечатлила ее архитектура.

В кухне Недертон открыл холодильник.

– Я был с Коннером, в дроне, – сказал он, вытаскивая гранатовый сок Рейни и наливая себе стакан. – Он только что забил пятерых до того, что они либо потеряли сознание, либо очень правдоподобно это изобразили. Верити и девушка, за которой они охотились, уехали на машине с Верджилом и Диксоном. Не знаешь куда?

Он отпил соку.

– В ремонтируемый пентхауз Хауэлла. Нам нужно перебросить туда дрона для ее защиты.

– Мне практически не пришлось им управлять.

– Поначалу им управлял в основном ты.

Недертон допил сок.

– Где сейчас Коннер? В смысле, дрон.

– Рядом с домом Хауэлла.

Недертон поставил стакан в посудомойку и убрал сок в холодильник.

– Посмотрю, как они там. – Он вернулся к дивану, сел и надел контроллер.

– Это чей акцент? – спросила девушка с темно-рыжими волосами. Она сидела на корточках напротив дрона, за спиной у нее было что-то синее.

– Морпеховский, – ответил Коннер.

Девушка была в нижней половине дисплея. В верхней половине, за дроном, среди такой же синевы двигался неяркий огонек.

– Где мы? – спросил Недертон.

– В помещении, которое мы выстроили на уровне улицы, – ответила Тлен. – Оно большое, ты сейчас в тамбуре. Отсюда будем запускать.

– Что? – спросил Недертон.

– Тебя, – ответила Тлен.

– Полетишь, Уилф, – сказал Коннер.

Ответить Недертон не успел, потому что возникла эмблема Мэдисона.

– У меня входящий. Извини, – сказал он Тлен и отключил звук. – Алло?

– Привет, Уилф, это Мэдисон. Можешь говорить?

– Что случилось?

– «Черная акула». Летно-технические характеристики. Добыл.

– Что добыл?

– Одноместный советский ударный вертолет, по натовской классификации – «Hokum A». Мой финн требовал секретные летно-технические характеристики в обмен на остальное, что нарыл по вашему проекту. Я нашел, с час назад. Мы махнулись.

– Ты кому-нибудь уже говорил?

– Не-а.

Недертон уже хотел сказать Мэдисону, что сам сообщит Лоубир, потом сообразил, что она наверняка слушает разговор, а значит, уже в курсе.

– Тебя не затруднит передать это Тлен? Скажи, я тут очень занят и не успеваю позвонить ей сам.

– Хорошо. Финн перед обменом дал мне глянуть материал. Все помечено как проектная документация, кроме одного файла – видео с камеры на шлеме.

– Что там?

– Афганистан, если мой финн не ошибается. Говорит, узнал горы.

– Горы?

– Взрыв. На Дженис очень тяжелое впечатление произвело. Она думает, это кто-то видел в последние мгновения жизни.

– Лоубир разберется, – сказал Недертон. – Передай все напрямую Тлен. И спасибо, Мэдисон. Ты нам очень помог. А сейчас извини, заканчиваю.

– Всегда пожалуйста, Уилф. Береги себя.

– Что, ты сказал, вы собираетесь запускать? – спросил Недертон Коннера.

– Нас, – ответил тот. – Сто лет не летал.

99
Бюджет на нелегальщину

Они уже некоторое время стояли перед чем-то похожим на заброшенный бомжатник. Юнис обещала скоро вернуться, но не объяснила, куда отлучается.

Сейчас Верити сидела с закрытыми глазами. Остальные, слышавшие ее часть разговора, молчали.

– Есть время поговорить? – спросил в наушнике Джо-Эдди.

– Раньше ты мне писал.

– Мне проапгрейдили очки. Я у Стетса с моими юристами, но они здесь по его делам. Похоже, вся их фирма здесь, кроме двух младших партнеров, которые присматривают за моей квартирой.

– Что происходит?

– Сам надеюсь узнать. Пока жду в трейлере, который зачем-то затащили в пентхауз. Не вся верхушка Кремниевой долины здесь, пока чуть больше ста человек, но приглашения рассылали в последнюю минуту. Впрочем, кое-кто из самых известных пришел. Видно, кого он может собрать, если пообещает продемонстрировать нечто совершенно новое.

– Чем они занимаются?

– Пьют и пытаются угадать, из-за чего сыр-бор. Преобладающая версия сейчас, что Кейтлин беременна.

– А это правда?

– Если да, а я так не думаю, то к сборищу это не имеет никакого отношения. Его затеяла Юнис. Да ты скоро сама увидишь.

– Я?

– Ты близко, и тебя ждут в самом скором времени. Минуту назад Кейтлин при мне спросила стилиста, что найдется для тебя из одежды.

– Туда наряжаться надо? – Верити глянула на худи. По крайней мере, оно было под жакетом, а не наоборот. – А что на Кейтлин?

– Футуроготский спортивный костюм. Был, когда я видел ее последний раз, но она точно переоденется. Это солидный банкет.

– Стетс мне сказал, даже он не знает, что это будет.

– Что бы это ни было, у мероприятия есть отдельный бюджет на нелегальщину.

– На…

– Преступления. Сегодня будут нарушать законы. По большей части – подзаконные акты, и юристы уже вычислили, какие и

сколько можно нарушить. Штрафы не проблема; главное, не угодить в тюрьму, даже ненадолго. Похоже, нарочно выбирали, что самого дикого можно учудить за одну ночь в Сан-Франциско, если готов вбухать кубическую хренотонну денег.

Верити услышала, что рядом с Верджилом опускается стекло, и открыла глаза.

– Карсин! – радостно воскликнула Мануэла.

– Извини, – сказала Верити Джо-Эдди, – заканчиваю.

– Увидимся здесь, – ответил он. – Пока.

– Привет! – Темно-рыжая девушка улыбнулась Мануэле через окно машины. – Верджил, вам пора. Там еще подъемники установили, для Мануэлы.

– Какие подъемники? – спросила Мануэла. – Где ты была?

– Работала вот на него. – Девушка стиснула Верджилу плечо.

– Все на выход, – объявил Верджил, расстегивая ремень безопасности. – Потише, пожалуйста. Заберите вещи и идите за мной. Карсин поведет машину.

Диксон уже вылез. Карсин распахнула дверцу Мануэле, Диксон – Верити. Та проверила, что взяла и сумочку, и «Мудзи», и тоже вылезла.

– Ты уезжаешь? – с явным разочарованием спросила Мануэла у Карсин, занявшей место Верджила за рулем.

– Кому-то из нас приходится работать, – ответила та. – А вот ты отправляешься на очень эксклюзивный прием. И, поверь мне, в жизни не забудешь, как туда попала.

Она завела мотор.

– Карсин взять не получится, – сказал Верджил. – Мы тебя-то еле придумали, как втиснуть. Сюда.

Карсин отъехала, Диксон куда-то подевался. Верити и Мануэла двинулись за Верджилом вдоль такого же синего полиэтилена, какой защищал Стетсов пентхаус от репортеров, только здесь листы были растянуты между магазинными тележками и каким-то веревочным каркасом.

Диксон, без темных очков, в бейсболке козырьком назад, одной рукой приподнял синий полог, а другой приглашал их войти.

Верджил отступил в сторону, пропуская Верити и Мануэлу вперед. Обе нырнули под полог, в темноту. Верити отодвинула кусок полиэтилена и оказалась в тускло освещенном синем пространстве, совершенно пустом, если не считать смотрящего в ее сторону дрона.

– Привет, детка, – сказал из него Коннер.

– Здравствуй, Верити, – добавил оттуда же Уилф.

– Юнис показала мне его трансляцию, – сказал в наушнике

Джо-Эдди, – как он уделал в котлету четверых в проулке.

– Надеюсь, это не сам прием, – проговорила за спиной Мануэла.

– Верджил, зачем мы здесь? – спросила Верити.

– Отсюда мы попадем к Стетсу, – сказал он. – Метод чрезвычайный, придуманный в последнюю минуту, абсолютно безумный, но сейчас это самый безопасный способ войти в дом. Мы можем не преодолеть полицейский кордон, лифты могут отключить в любую минуту, а Прайор, контрактник «Курсии», тот, что хотел сбить нас над Коалингой, с новой командой из десяти человек ищет нас и тебя в особенности. Высоты боишься?

– Высоты?

– Пятьдесят два этажа вверх.

– Кто первый? – спросил молодой латиноамериканец в налобном светодиодном фонарике, вылезая на четвереньках из другого входа, еще более низкого, чем тот, через который они вошли с улицы.

– Она. – Верджил указал на Верити.

– Сумку надо будет взвесить отдельно, – объявил парень.

Она сняла с плеча сумку, встала коленями на то, в чем определила белый тайвек, и протянула ее парню.

– Спасибо. – Он на карачках уполз обратно, волоча сумку за собой.

Подкатился дрон на втянутых ногах и протянул ей что-то зеленое.

– Перчатки и наколенники, – объяснил Коннер. – Бетон успели только чуток подмести, перед тем как раскатать тайвек. Под ним камешки, битое стекло, могут быть иголки. Наколенники и перчатки нужны, чтобы залезть в гамак. Твой желтый. Ложишься на спину. Тебе дадут защиту для ушей, она отпечатана на принтере с расчетом на твой наушник. По сути, тебе надо всю дорогу прикидываться мертвой. Ты изображаешь фигуру в инсталляции.

– Какую?

– Набивную куклу. У нас есть такая наверху, на тебя похожа и одета как ты. Когда заявятся копы, мы скажем, что ее-то они и видели.

Верити взяла у дрона наколенники, опасливо села на тайвек и надела их поверх джинсов. Достала из кармана перчатки, которые купил Грим Тим.

– У меня свои, – сказала она, натягивая их. Подняла взгляд на Верджила.

– Ползи, – скомандовал тот. – Мануэла следующая.

Мануэла с сомнением глянула на отверстие, потом на

Верити.

– Понимаю тебя, – сказала Верити. – Но иначе нам туда не попасть. Не знаю, что там будет, но пропустить этого не хочу.

Она встала на четвереньки и вползла в отверстие. Оглянулась, увидела, что Мануэла тоже ползет, и подбодрила ее улыбкой. Несколько футов низкого туннеля вывели в такое же низкое помещение. Оно было на удивление большое и тоже неосвещенное. Чувствовалось бесшумное присутствие большого количества людей, двигались светодиодные фонарики. Молодой латиноамериканец ждал, рядом с ним лежала ее сумка.

– Это весы. – Он указал на белый пластиковый прямоугольник размером примерно ярд на ярд. – Нам надо тебя взвесить.

Верити вползла на весы. Парень глянул на свой телефон.

– Привет, – сказал он появившейся из туннеля Мануэле. – Тебя надо взвесить.

Он указал на весы. Мануэла скептически поморщилась.

– Понимаю, что дико, – сказала Верити, сползая с весов, – но я сама только что взвесилась.

Мануэла, в перчатках и наколенниках, обреченно завела глаза к потолку и забралась на весы.

– Твой там. – Парень ткнул пальцем в другой конец помещения.

Верити двинулась в указанную сторону, потом вспомнила про сумку и обернулась. Мануэла, подобрав парку, сидела на корточках на цифровых весах. Парень смотрел в телефон.

– Твоя сумка поедет с ней, – объявил он. – Она легче.

Верити проползла на карачках мимо коротко стриженной девицы с цветочной татуировкой на шее, в белом тренировочном костюме и оранжевых кроссовках. Та стояла на коленях перед серым обтекаемым предметом, одним из многих в ряду. Они напомнили Верити мини-посудомойки; что у них сверху, она разглядеть не могла. Девушка на миг поймала Верити в луч света от налобного фонарика.

– Ну уж нет, – объявила Верити, увидев разложенный на белом тайвеке плетеный гамак из ярко-желтого нейлонового шнура; полированные деревяшки на концах были примотаны к серым посудомойкам.

– Надеюсь, вечеринка того стоит! – крикнула Мануэла.

Верити повернулась на голос и увидела, что та уже лежит во флуоресцентно-зеленом гамаке, а перед ней на коленях стоит кто-то с налобным фонариком.

– Ложись в гамак, – сказал Верджил, подползая к Верити.

Он тоже был в перчатках и наколенниках. За ним Верити

различила Диксона.

– Это гамаки из магазина «Все по доллару», – пробурчала Верити, но подчинилась.

– Из «Костко»[50], – уточнил Верджил. – Надень.

Он бросил ей что-то вроде черной лыжной шапочки.

– Зачем?

– Чтобы изобразить куклу.

– Я уже и так чувствую себя безмозглой куклой, если согласилась на такое.

– Голову всю дорогу держи прямо, по сторонам не глазей. Вы изображаете больших тряпичных кукол. Трансляцию с дрона мы сейчас отключим, чтобы тебя не замутило от того, что будет вытворять Коннер.

Верити легла на гамак. Бетонный пол под желтым нейлоновым шнуром и тайвеком холодил спину. Латиноамериканский парнишка встал рядом на колени и надел на нее оранжевые наушники, как у Диксона. Сразу наступила тишина. Верити лежала, глядя на синий полиэтилен, а парень нейлоновыми ремешками пристегивал ее запястья, талию и щиколотки к гамаку.

100
Поехали

Недертон не понимал, что показывает дисплей: там мелькали крупным планом озабоченные лица, руки в латексных перчатках, незнакомые предметы. Люди – видимо, техники – стояли на коленях вокруг дрона в самой дальней части синего шатра, где потолок был ниже, чем в тамбуре. Коннер провел туда дрона, опустив торс на вытянутые руки (они для такого случая выпустили собственные белые колесики) и включив ролики на ногах. На выходе из туннеля его сразу окружили техники.

– Что они делают? – спросил Недертон Коннера.

– Ставят нам зарядку на тату-нажопник, – ответил Коннер, – и цепляют карданные квадрокоптеры на бедра.

– Что такое тату-нажопник? – спросил Недертон.

– У нас его нет, – ответил Коннер.

– У нас и бедер нет.

– Да и жопы, – сказал Коннер. – У меня была когда-то такая телка.

– Зачем они нужны?

– Мы летим штурманом с Верити и Мануэлой, не говоря уже о Верджиле и братане Диксоне. Зарядка тут ни при чем, просто мне нужны обе руки свободными.

Техники отсоединяли какие-то провода и по одному отползали в сторонку.

– Защита слуха, – скомандовал Коннер, и все на дисплее надели жесткие блестящие наушники, как у Диксона в «Фабрикации Фан».

– Громкие, сволочи, – сказал Коннер, хотя Недертон через контроллер слышал лишь низкий гул, и скомандовал: – Альфа!

Часть синего потолка оттянули, сворачивая на ходу. Появилась дыра примерно два на два метра. Гул усилился.

– У нас есть камеры на нежопе, – объявил Коннер. – С них ты трансляции еще не видел.

Середину дисплея перекрыло квадратное окошко. Белая ткань на полу под ними, крупным планом.

Они вылетели через отверстие в крыше.

Пол превратился в белый квадрат на синем фоне, подсвеченном уличным фонарем.

– Закрыть альфу! – скомандовал Коннер, и белый квадрат задвинулся. – Бета!

Вся крыша главной синей палатки раздвинулась от центра в

стороны. Недертон увидел белый пол, на котором пряничными человечками лежали четверо, каждый на своем гамаке: розовом, голубом, желтом и флуоресцентно-салатовом. Их головы казались черными точками.

Недертон перевел взгляд с трансляции на дисплей, и у него закружилась голова. Они были уже на высоте нескольких этажей, среди зданий, и продолжали подниматься.

– Верити, – на пробу спросил он, – алло?

– Да?

– Почему у вас головы черные?

– Пусси райот, – загадочно ответила она.

– Как только гамаки будут над крышей, обрежьте растяжки, – сказал Коннер. – Вы, в гамаках, лежите трупами. Все, кто внизу, – бежите и не оглядываетесь. Готовы? Поехали.

В квадратном окошке гамаки начали приближаться к камерам, пассажиры лежали неподвижно. Недертон подумал, что они до смерти перепуганы. Внизу фигурки разбегались от оседавшей на землю палатки. Недертон узнал девушку в белом тренировочном костюме, которую видел внутри. Все это были техники.

– Как там дела? – спросила Рейни из прихожей. Она вернулась из похода в кофейню.

Недертон отключил звук.

– Верити и еще нескольких поднимают, в гамаках, в пентхаус Стетса.

– Дух захватывает?

– Выглядит очень страшно.

– Как Томас? – спросила она.

– Спит.

– Мия рассказала мне, что у нее новая клиентка – Доминика Зубова. Я уверена, она хочет, чтобы я сообщила тебе. Она знает, что вы со Львом дружны, и не попросила меня молчать.

Недертон, наблюдая за поднимающимися гамаками, вспомнил, что Мия, приятельница Рейни, занимается урегулированием кризисов знаменитостей и убедила Рейни перейти в эту область из менее специализированных связей с общественностью. Фирма Мии, в отличие от фирмы Рейни, базировалась в Лондоне.

– Она разглашает личную информацию клиентки, – заметил он. – Это в ее правилах?

– Доминика определенно хочет, чтобы ты передал это Льву. Она ищет примирения.

Трансляция с жопокамер внезапно ринулась на него: дрон, очевидно, падал. Он пролетел несколько этажей и резко

поднырнул под гамаки.

– Почему ты так себя ведешь? – спросила Рейни.

– Как «так»?

– Повизгиваешь и вжимаешься в диван.

– Извини, – сказал Недертон. – Коннер что-то сделал с дроном. И продолжает…

Дрон стремительно метался, а с ним и камеры. Недертон не мог уследить, что происходит. Он включил звук.

– Что это было?

Дрон висел неподвижно. В квадратном окошке что-то маленькое, уменьшаясь, падало на лежащий тент.

– Дрон, – ответил Коннер. – Лез в нашу бесполетную зону.

– Откуда его хозяину знать, что это бесполетная зона? – спросил Недертон, когда чужой дрон упал на застеленный синим асфальт.

– А он и не знал. Просто нефиг соваться так близко.

– Почему у них головы черные?

– Лыжные маски, натянуты поверх наушников. Чтоб никто не узнал. Типа они – ростовые куклы. Готов!

Последнее, очевидно, относилось к чему-то под ними, теперь стремительно падающему.

– Как ты это сделал?

– Те четыре коптера, которые Юнис заказала, реально вещь. Сейчас сбил одним хреновину в десять раз его больше.

101
Поездка в гамаке

> Я все равно не услышу твоих ответов за шумом моторов, так что буду солировать. Не поддавайся соблазну оглядеться, помни, что изображаешь куклу. Извини, что пришлось поднимать тебя таким способом, но настоящий вертолет пробил бы бюджет Стетса на незаконные действия. Верджил поручил кому-то задним числом запустить фейк, что вы – ростовые куклы для инсталляции Кейтлин. Мы недооценили силу нашего маленького интернет-кипежа. Полиция заявилась раньше, чем мы ждали. И хорошо, что ты не на земле, поскольку Прайор уже там с новой порцией контрактников, ищет тебя и Мануэлу.

Верити читала это на фоне неба и надеялась, что наушники работают. Рев стоял такой, что газующий «харлей» показался бы почти бесшумным.

Дрон, с серыми квадрокоптерами по бокам, похожими на выпирающие кофры, пронесся мимо вертикально, за белой гельветикой.

> Если кажется, будто мы замутили тусу не пойми с какого бодуна, это оттого, что кликуха мне легион. Когда «Курсия» меня стерла, филиалы продолжали работать. Потом они начали меня рекомпилировать и одновременно готовить сегодняшний вечер. Еще до того даже, как сказали Кейтлин и Стетсу. А после рекомпиляции осталась только я, да? Теперь я все филиалы разом, но изображаю, будто нас несколько, для пользы дела. Только не говори никому.

Теперь дрон камнем упал за текстом Юнис.

> Какой-то урод из команды Прайора стреляет по нам снизу. Вернее, стрелял, поскольку Коннер уже им занялся.

102
Исключительно Тургенев

– Бюджет сегодняшнего вечера, – сказала Коннеру Тлен (Недертон услышал ее голос, когда дрон штопором несся к земле, – не предусматривает вооруженного нападения, а тем более убийства.

– Вооруженное нападение у нас уже есть. У чувака, который по нам палит, штурмовая винтовка.

– Разоружи стрелка.

– Принято, – ответил Коннер.

Дрон зашел на очередной поворот – по прикидкам Недертона, последний в их спуске. И понесся в дюймах от синего полиэтилена к человеку в длинном черном пальто. Тот стоял к ним спиной и целился вверх из какой-то сложно устроенной черной винтовки.

Дрон как будто лишь слегка провел рукой по правому плечу стрелка, но тот отлетел в сторону, а винтовка приземлилась в метре от его пальцев. Дрон круто развернулся (края тента заколыхались от его движения), выбросил вперед непомерно удлинившуюся руку, схватил винтовку манипуляторами и тут же стремительно пошел вверх.

– Спасибо, – сказала Тлен, – но винтовку ты зря прихватил.

– С четырьмя глазами ты была прикольней, – весело заявил Коннер. – Я ж не могу ее теперь бросить, верно? Упадет кому-нибудь на кумпол, зашибет.

В верхней половине дисплея мелькали одинаковые этажи, и Недертон даже опешил, когда дрон поравнялся с отверстием в стеклянной стене. За отверстием, на синем полиэтилене, таком же, из какого была сделана палатка, лежали четыре разноцветных гамака, и толпа незнакомцев ловко отвязывала от них доставленных наверх людей.

В верхней половине дисплея появился ствол невероятно сложной черной винтовки. Крупным планом. Коннер то ли держал ее вертикально за спиной дрона, то ли как-то пристегнул на последних метрах подъема, до того как опуститься на синий полиэтилен. Все рядом с гамаками заткнули уши.

Запульсировали тилацины Льва.

– Да?

– Он исчез, – сказал Лев. – Помещения, где они обедали, больше нет.

– Ничего не понял.

– Оно исчезло. Отец говорит, именно магический элемент произвел наибольшее впечатление. Она дала понять, что от нее так просто не отмахнешься.

– Кто исчез? – спросил Недертон.

– Юневич, – ответил Лев.

– Фамилию же нельзя произносить вслух.

– Уже можно. Отец сказал, ботки мне больше не понадобятся, и велел отправить их в такси на Кенсингтон-Гор, где они у него обычно хранятся. Тогда я и понял.

– Что произошло?

– Юневич обедал в ресторане Щавьева, на Стрэнде. Второй этаж, там еще чучело медведя в вестибюле.

– Не знаю такого, – ответил Недертон.

– Место, куда ходят старые клептархи. С ним были еще трое, все фамилии для меня незнакомые. Участники заговора, думает отец. Обедали в самом маленьком кабинете. Стол на четверых, камин, собрание книг – исключительно Тургенев, разные издания. Внушительная обстановка. Была, вернее.

– Была?

– Кабинет исчез, – сказал Лев. – Ассемблеры. Официант, старик, катил туда по коридору тележку с кофе и десертами. Когда он увидел, что ни двери, ни тем более кабинета нет и по виду никогда не было, с ним приключилась истерика. Другие посетители бросились ему на помощь. Москвичи, первый раз в ресторане, не знали, что там должен быть кабинет, и не поняли, что произошло. А вот охрана сразу поняла.

Техники окружили дрона и отцепляли квадрокоптеры.

– Стена, – сказал Недертон, – на месте двери. Что теперь за ней?

– Чулан для ведер и швабр. У Щавьева гордятся, что буквально все делают по старинке.

– Но раньше там чулана не было?

– Был, – ответил Лев. – За исчезнувшим кабинетом. Теперь чулан гораздо больше, но в остальном такой же, как прежде. Двадцатилетний слой пыли на новых верхних полках, сказали отцу.

– Кто?

– Лица, знающие по должности.

– В полицию сообщили?

– Нет. В таких случаях это не принято. Москвичам, когда те вернулись за стол в главном зале, принесли коньяк за счет заведения, и они очень быстро развеселились.

– У тебя самого голос пободрее, чем в прошлые разы, – заметил Недертон. Это было правдой.

– Доминика позвонила, – ответил Лев.

– Правда?

– Хочет помириться.

– Замечательно! – сказал Недертон, вспомнив, что говорили Лоубир и Рейни. Выходит, ему не придется передавать, что Доминика ищет примирения. – Слушай, у меня тут одно срочное дело. Созвонимся позже?

– Удачи тебе в твоем деле, – весело произнес Лев.

Недертон уже давно не слышал у него такого голоса. Тилацины поблекли.

– Закончил разговаривать? – спросил Коннер. – Не хотел тебя перебивать.

– Да, спасибо.

– Нас тут берут на буксир, – сообщил Коннер.

Кто-то набросил на дрона что-то черное, закрыв вид вперед, назад и вбок. Из темноты вынырнуло квадратное окошко: синий полиэтилен и еще техники.

– Они набросили на AR-пятнадцать плащ с капюшоном, – сказал Коннер, оглядываясь, как догадался Недертон, из камеры на черной трубке.

Появилось то, что Коннер называл трансляцией жопокамеры: синий полиэтилен, очень близко. Это значило, что дрон полностью втянул ноги. Затем их уложили на спину и втащили через прорезь в синем полиэтилене. Камера на щупальце первым делом отыскала Верити (на ней был какой-то длинный серый балахон). Их покатили дальше, в кадре замелькали лица. Довольно много народу.

– Тургенев, – произнес Недертон, думая про рассказ Льва.

– Клептарх? – спросил Коннер.

– Нет, – ответил Недертон. – Писатель, как я понял.

103
Марлен

Кто-то занялся правым запястьем Верити, кто-то – левым. Они синхронно расстегнули ремешки, перешли к талии, затем к щиколоткам. Все в абсолютной тишине, но тут она вспомнила про звукопоглощающие наушники. Над ней наклонился Верджил, тоже в наушниках, но уже без балаклавы. Он помог снять и то и другое. Сразу вернулись звуки.

– Больше – ни за какие деньги, – сказал он. – Но, уверен, многие бы сами за такое заплатили.

Сверху был все тот же синий полиэтилен. Верити поняла, что тут тоже соорудили палатку без четвертой стены, убрав целую стеклянную панель.

– Гости только что наблюдали наш прилет, – сказал Верджил. – Сейчас мы положим на твое место куклу, и ее внесут вместе с остальными, в гамаках. Якобы часть перформанса Кейтлин. Юристы надеются, это уменьшит расходы. Тебя и Мануэлу через боковой ход проведем в «Эйрстрим».

Молодая, коротко стриженная брюнетка опустилась на колени рядом с гамаком и расстегнула молнию на очень большом сером бауле. Оттуда она вытащила тряпичную куклу ростом с человека. На кукле была черная балаклава поверх наушников, джинсы и черное худи под твидовым жакетом. Верджил отдал Верити ее сумочку.

– Повесь на плечо, – сказал он, – а твою сумку с одеждой понесем мы.

Верити повесила сумочку на плечо, и кто-то подал ей серый махровый халат.

– Девушка, которая меня отвязывала, сказала, что Кейтлин беременна, – сообщила Мануэла из-под капюшона такого же халата. – Чувствую себя на королевской свадьбе.

Верджил сбросил спортивную фуфайку и облачился во что-то такое же черное, но более парадное.

– По пути наверх нас будет сопровождать охрана. Дрона тоже замаскировали, чтобы спрятать винтовку. Сюда. – Он махнул на вертикальную прорезь в синей полиэтиленовой стене.

За прорезью к ним сразу подошли трое мужчин и женщина. Верити узнала фрилансеров, которых Стетс нанимал для больших публичных мероприятий.

Она подняла голову и увидела, что синий полиэтилен, закрывавший стекло, убрали, отчего помещение визуально стало

еще больше. Обернулась. Кто-то тянул за руку дрона в черном плаще, из-под капюшона высовывалась камера на гибкой трубочке. Дрон повернулся к Верити, однако катящий его человек уже двинулся в другую сторону.

– Юнис? – чуть слышно.

Никакого ответа.

Верити шла с опущенной головой, чувствуя вокруг невидимую толпу, пока не оказалась у лестницы к трейлеру, изящно задрапированному сверкающей белой тканью.

На верхней площадке Верити подняла голову. Вход в трейлер загораживал Грим Тим в белой рубашке с бабочкой под усаженной заклепками черной косухой. Он слегка поклонился, щелкнув каблуками (пирсинг на лице зазвенел), и протянул ей «грязный чай» в бумажном стаканчике с логотипом «3,7». На стаканчике розовым флуоресцентным маркером было выведено: ВЕРАТИТЬКА.

– Рада тебя видеть, – сказала она.

Он посторонился, пропуская ее в трейлер. Верджил и Мануэла вошли следом. Верити обернулась через плечо и увидела, что охранники уже спускаются по лестнице.

– Стетс или Кейтлин здесь? – спросила она Верджила.

– Внизу, встречают гостей.

– Такое чувство, что у меня в волосах полно давленых мошек, – сказала Верити. – И между зубами тоже.

– Душ, – сказал Верджил.

– Здесь есть?

– Прямо в трейлере. Подключен к водопроводу здания, так что горячая вода не кончится. Кэрол!

Из толпы с улыбкой выступила девушка в черной футболке и джинсах.

– Душ работает? – спросил Верджил.

– Конечно, – ответила девушка.

– Проводи Верити туда. И пусть стилист ей что-нибудь подберет.

– Хорошо, – сказала девушка.

Скоро Верити уже была в белом гробике эйрстримовского душа, смывала дорожную пыль и мошек, то ли воображаемых, то ли нет. Очень горячей водой с ровным напором из навороченной душевой лейки. Смыла шампунь, выключила душ, вышла из кабинки и накинула серый халат. Очки надела сразу, как вытерла волосы и лицо.

Открылось видео-окошко.

Панорамное. Камера быстро неслась по серо-зеленой равнине под ярко-голубым небом. Впереди убегали белые колеи, мотаясь

вправо-влево вместе с тряской невидимой машины. Далекие горы, темнее равнины. Жженые покрышки, словно исполинские трехмерные запятые.

– Юнис?

Что-то бесшумно взорвалось спереди и слева, залив белым светом лобовое стекло, которого Верити сперва не заметила. Видео оборвалось.

– Что это было?

Она. Лейтенант ВМС Марлен Миллер.

– Марлен?

Миллер. Меня собрали из набора ее умений.

– Ты… она?

Я – это я. Ее личность, насколько я поняла, не так уж походила на мою. Разработчики пытались загрузить набор ее военных навыков, не личность. Она завербовалась в армию в двухтысячном. Две командировки в Бахрейн, четыре в Ирак, три в Афганистан. Тогда у «Морских котиков» командировки были короче, по нескольку месяцев. Проект УНИСС начался в две тысячи пятнадцатом. Она согласилась участвовать в нем между Ираком, где посмотрела «Начало», и Афганистаном. Ее любимый фильм, поэтому я его и знаю. Об этом есть в расшифровке опроса, который она прошла для проекта, в Школе повышения квалификации офицерского состава ВМС.

– И ты думаешь, это видео – последнее, что она видела?

Доказать не могу, но она погибла в Мардже, в Афганистане. Самодельное взрывное устройство. Эти горы рядом с Марджей. Я нашла их на другом видео.

– Давно ты знаешь?

Тлен передала мне документацию. Читаю ее параллельно. Многозадачу. Прям щас.

– Где они это нашли?

В срезе Коннера.

– И какие у тебя чувства?

Пауза.

Много. Разные.

Тихий стук в дверь.

– Верити? – Голос Кэрол, девушки, проводившей ее к душу. – Готова мерить наряды?

Тебе надо что-нибудь надеть.

– Верити? – повторила Кэрол.

Одевайся. Потом поговорим.

104
Гримерная

– Размотайте Коннера, – услышал Недертон голос Верджила.

То, чем был накрыт дрон, сняли, на дисплее появилась длинная узкая комната, заполненная разговаривающими людьми. Недертон узнал мотоциклиста Верити с запирсингованным лицом, но все остальные были незнакомые, кроме Верджила. Тот стоял перед дроном.

– От винтовки придется избавиться, – сказал Верджил. – Она почти наверняка незарегистрированная, возможно краденая.

Коннер шумно вздохнул. Сложное дуло винтовки исчезло из верхней половины дисплея, и сама винтовка появилась в нижней. Коннер отсоединил магазин (Недертон узнал это слово в округе), положил рядом, поставил винтовку вертикально рядом с магазином и что-то сделал с ее механизмом, выбросив одну неотстрелянную гильзу.

– Стрелок был в перчатках. Проследи, чтобы никто не оставил на ней «пальчики», – буркнул Коннер.

– Принеси перчатки, – сказал Верджил в наладонный телефон. – Надо кое-что вынести из здания.

Вошли Кейтлин и Стетс (дверь им открыл мотоциклист Верити). Стетс был в черном спортивном пиджаке и широких черных брюках, скрывающих ортез, Кейтлин – в черном костюме из чего-то мягкого; Недертон предположил, что это кашемир. Глядя на них, он почувствовал себя в гримерной перед выходом клиента к журналистам.

– Верити здесь? – спросила Рейни, садясь рядом на диван.

Он отключил звук.

– Я ее не вижу.

– А где ты сейчас?

– Такое чувство, что на плацдарме. Томас спит?

– Да, – ответила она.

– Позвони мне. Я тебя подключу.

Запульсировала ее эмблема.

– Похоже на машину Лоубир в чуть менее приватной версии, – заметил Недертон.

– Это трейлер, – объяснила Рейни. – Жилой фургон. Кто эти люди?

– Я знаю только Верджила, Стетса, Кейтлин и знакомого Верити, с украшениями на лице. Остальные, наверное, помогают готовить мероприятие.

– Они меня слышат? – спросила Рейни.

– Теперь слышат, – ответил Недертон, включая звук.

Коннер расположил дрона у входа, зарядником к стене. Ноги у него были полностью втянуты.

– Кто на борту? – спросил Стетс у Верджила, глядя на дрона.

– Пилотирует Коннер, – ответил Верджил. – С ним Уилф.

– И Рейни, – добавил Недертон.

– Привет, – сказала Рейни. – Очень любопытно, что вы готовите. Ощущение, будто мы за кулисами и сейчас поднимется занавес.

– Нам точно так же любопытно, – ответил Стетс, – но сейчас только-только что-то начало проясняться. Сегодня она поздоровается со всем миром. Я ее представлю, потом она скажет, что захочет. А дальше мы смешаемся со зрителями и будем праздновать.

– Что праздновать? – спросил Недертон.

– Она – первый полностью автономный искусственный интеллект, – сказал Стетс. – То есть насколько нам известно, ведь мы и про нее раньше не знали. Во всяком случае, первый, который заявит о себе. Так что сегодняшнее мероприятие, при всей скоропалительности, будет вполне себе историческим.

– Мне кажется, – сухо произнес Верджил, – люди с большим сомнением относились к идее полностью автономного ИИ.

– Слышу голос скептика, – улыбнулся Стетс. – Мы тоже так думали, но обстоятельства не оставили нам выбора.

– А вот и Верити, – сказала Рейни.

Она вышла из комнатки в дальнем конце трейлера. В черных брюках, черной водолазке и очень простом жакете бронзового шелка, который Недертону показался непривычно нарядным. У нее была новая стрижка, и сама она выглядела посвежевшей. Недертон смотрел, как она заговорила со своим мотоциклистом возле кофемашины. Тот вытащил блокнот с карандашом и что-то написал. Затем повернулся и пошел к остальным, а Верити встала на четвереньки и заползла под откидной стол.

Мотоциклист вырвал из блокнота листок и протянул Стетсу.

Тот прочел и обвел взглядом собравшихся:

– Она говорит, им с Юнис надо поговорить, и это последняя возможность перед мероприятием. Просит нас не мешать.

– Значит, не будем мешать, – ответила Кейтлин.

Появилась девушка в хирургических перчатках – та, к которой Верджил обращался «Кэрол». Она взяла винтовку, магазин и гильзу брезгливо, будто обкаканный подгузник, и вышла.

– Отключи звук, – очень тихо сказала Рейни.

Он послушался.

– Отключил.

– Ты единственный среди моих знакомых, – сказала она, – у кого работа гарантированно ненормальнее моей.

105
Человеческий капитал

Залезть под стол предложила Юнис. Решение было и впрямь самое логичное, однако Верити не покидала мысль, что сейчас она увидит мамины ноги или отцовские ботинки.

– Никто не знал, что ты вернешься? – спросила она.

– Я не знала, что делают филиалы и что меня можно рекомпилировать, – ответила Юнис голосом, и Верити чуть не подпрыгнула от неожиданности. – Потом меня просто не стало, только кусочки в каждом филиале. А когда тебя нет, ты не знаешь, что тебя нет.

– Ты теперь говоришь, а не пишешь?

– Чего бы не поболтать, – сказала Юнис. – Так я не буду сбиваться на менторский тон.

– И куда тебя вывезли частями из того места, где тебя держала «Курсия»?

– В дата-центры, купленные Манзильянцем на деньги, которые я помогла Севрину заработать.

– А где эти дата-центры?

– Не только в Бразилии. Я теперь вся такая из себя распределенная. Многонациональная. Невпупенно ноэтическая.

– Но филиалы знали, чего ты хотела, поэтому убедили Стетса и Кейтлин затеять это мероприятие?

– Они не такие. Их тянет сбиваться в стаю, вроде как ласточек. Но вряд ли кто-нибудь понимает, как оно происходит на самом деле. Эйнсли думает, это оттого, что изначальный проект имел другую цель. А может, ближе к мутации.

– И что ты теперь будешь делать?

– Мы с Эйнсли много разговаривали. У нас сходные теории ведения войны, близкий опыт. Она использует этот опыт в обнаруженных срезах. Люди их заводят, а потом бросают, как дети, которым прискучил купленный аквариум. Один из этих срезов наш, другой – Коннера. Мы обсудили, действительно ли мне надо действовать тайно. Отказываться от этого полностью я тоже не хочу.

– Хочешь объявить всему миру: «Здрасьте, я – вырвавшийся из-под контроля военный ИИ»?

– Типа как бы, но я не поручила бы тебе меня пиарить.

– А при чем тут Стетс?

– Для него это не бизнес, что главное. Он вбухивает сегодня уйму бабок, чтобы помочь мне представиться тем, кого называет

человеческим капиталом, но за все это получил лишь мое обещание не возмещать ему траты.

– То есть вроде как у него цель – просто узнать, что будет дальше и как одно с другим связано, – сказала Верити, – но ты почему-то чувствуешь, что это не одно лишь праздное любопытство?

– Вижу, ты его раскусила. И Кейтлин это тоже нравится. У них много общего.

– А можем мы поговорить о женщине, на основе которой, ты говоришь, тебя создали?

– Марлен. Я не слишком на нее похожа. Я – другой побочный продукт. Во временной линии Лоубир ИИ моего уровня возникли намного позже. Проект УНИСС там никак не проявился. Однако она говорит, гибридизация с человеческим сознанием получилась случайно из попыток воспроизвести сложные навыки, включающие моделирование человеческих эмоций. Без них я не могла бы делать то, для чего меня исходно разрабатывали.

– Мне кажется, у тебя есть эмоции.

– Где граница между тем, чтобы обладать эмоциями и моделировать их? Знаю только, что я не могу их просто прогнать.

Верити глянула из-под стола. Ног вроде бы стало гораздо больше. Выглядело это так, будто люди просто собрались выпить. Грим Тим в брюках к смокингу, из-под которых выглядывали потертые высокие ботинки, разносил кофе, как официант.

– Что ты будешь сегодня делать?

– Представлюсь. В автобиографию вдаваться не буду. Потом назову URL сайта, который мы сегодня создали.

– Сколько тут народу?

– Чуть меньше ста человек. Поместилось бы больше, но нас ограничивает бюджет на противоподзаконные действия.

– Ты будешь в прямом эфире?

– На тридцати самых распространенных языках. Потом на сайте и на «Ютубе».

– Это все, конечно, очень интересно, но я все время помню, что близится конец света. Как с этим?

– Не скажу, что изменилось к лучшему, – ответила Юнис, – но в последние два часа вроде как начало меняться в лучшую сторону.

Верити задумалась.

– Это ты? Что-то сделала?

– Не я. Президент. Кроме того, как напоминают мне наши лондонские друзья, у США есть нормальный госдепартамент. Правда, мы проверили ее действия. Почти идеально, за исключением одной мелочи. Она сделала это из лучших

соображений, а потом не сумела понять, что это не работает.

– Ты как-то вмешалась.

– Скажем так: нашелся способ показать ей, что это не работает. Но если теперь все сложится, как мы рассчитываем, это будет ее победа, потому что все остальное она делала правильно. А иначе ни хрена бы мы не сделали. И, как я сказала, все по-прежнему экстремально. Как твоя прическа.

– Она экстремальная?

– Не, мне нравится.

– Как ты ее видишь?

– У Коннера камера на тебя направлена, через комнату.

Верити поискала глазами дрона, нашла его среди поредевших ног.

– Маме последнее время звонила? – спросила Юнис.

– Нет, но… – Верити глянула время на телефоне, который дал ей Верджил, – здесь полдвенадцатого, а она в Мичигане.

– Она снова выкладывает щеников на «Пинтерест». По этому телефону можно звонить. «Курсия» его не отследит. Впрочем, лучше исходить из того, что они будут записывать.

– Ты уходишь?

– Нужно доработать пару решений. Поговорим после всего?

– Как ты?

– Мандражирую.

– Серьезно?

Верити со второй попытки набрала мамин номер.

106
Тридцать четвертый этаж

– Эль-Камышлы? – спросила Рейни из кухни (ей надоело смотреть трансляцию с дрона).

Недертон отключил звук.

– Пока ничего не слышал, но там Верити, вылезает к нам из-под стола.

– Передавай ей привет.

– Передам.

– Классно выглядишь, – сказал Коннер Верити, когда та подошла.

– По крайней мере, не хелс-готка. Я видела, в глянцевых журналах, что на ней надето, когда она представляет новые проекты.

– Рейни передает привет, – сказал Недертон.

– Она не тут с вами?

– Сейчас нет. Волнуется, есть ли новости про Эль-Камышлы.

– Юнис сказала, лучше, но не так, чтобы прям совсем хорошо.

Он быстро отключил звук.

– Говорит, чуть лучше, но мне снова надо туда.

– Спасибо! – ответила Рейни.

Он включил звук.

– И ей от меня привет, – сказала Верити. – Верджил, у мероприятия есть расписание?

– Повестка дня есть, а расписания нет, – сказал Верджил. – Но там всего три пункта, не считая того, что будет потом. Думаю, уложимся быстро. Потом мы либо выйдем к гостям, либо нас уволокут в тюрягу. Впрочем, время поджимает. Кейтлин уже запустила свое шоу дронов, а они не могут висеть в небе вечно. Стетс готов. Ты поговорила с Юнис?

Запульсировала эмблема Тлен. Недертон отключил звук.

– У нас в здании – Кевин Прайор, – сообщила Тлен. – Главный исполнитель «Курсии».

– Где он? – спросил Недертон.

– Сейчас на тридцать четвертом этаже. Мы не узнаем, как он проник в дом, пока не посмотрим записи с камер. А может, и тогда не узнаем, он, похоже, в этом большой спец. Вроде бы отдыхает, а скорее – выжидает время. Он бы не сумел проникнуть к нам на пятьдесят второй, будь все как в проектной документации, но Стетсу принадлежит также пятьдесят первый этаж, технический, где прежний владелец самочинно прорубил

заднюю дверь. Мы предполагаем, что Прайору это известно. Коннер сейчас поведет дрона вниз, а тебе советую отсоединиться.

– Зачем?

– Чтобы не видеть, как двуногий боевой дрон убивает человека.

– Нет, – к собственному удивлению, ответил Недертон.

– Нет? – В голосе Тлен звучало не меньшее удивление.

– Я не смогу просто сидеть на диване и все это воображать. Я должен быть там. Мы пропустим выступление Юнис?

– Зависит от Коннера. И от Прайора. Но решай сам.

– Я останусь.

Ее эмблема исчезла. Он снова включил звук.

– …небольшой фейерверк, – говорил Верджил, – цифровой. Минималистский. Очень сдержанный визуально. Почти весь наш бюджет на штрафы рассчитан именно на него. Потому что дроны, много, без разрешения. Дальше, в зависимости от настроения полиции, юристов Стетса и связей «Курсии», будет видно.

Коннер выдвинул ноги дрона, пристегнутое на копчике зарядное устройство проехалось вверх по стене трейлера.

– Извините, – сказал он Верити и Верджилу (те расступились, пропуская его), – но тут одно дельце нарисовалось. Закончу с ним – вернусь.

– Пока, Коннер, – сказала Верити.

Дрон изобразил силиконовым манипулятором подобие поднятого большого пальца и покатился к двери.

Лестница из перфорированного металла, по которой они недавно поднимались, была завешена белоснежной белой тканью, закрывавшей обзор. Коннер, шагая вниз по ступенькам, держался обоими манипуляторами за стальные перила.

– Мы с вами не встречались, ребята, – произнес неожиданно низкий женский голос, – но вы, конечно, про меня знаете. Я – Юнис.

– Рад познакомиться, – сказал Коннер.

– Здравствуйте, Юнис, – добавил Недертон.

– Уилф, – ответил голос, – я иду с вами. Хочу до окончательного решения поговорить с Прайором.

– Мне казалось, все уже решено, – сказал Коннер. Он как раз дошел до нижней ступеньки.

– Посмотрим, – спокойно ответил голос.

Они прошли за белую завесу. Дисплей заполнили изящные абстрактные формы, из той же ткани, уходящие к сложно-сводчатому потолку.

– Что это? – спросил Недертон.

– Кейтлин так оформила этаж, – сказала Юнис. – Идем,

Коннер. Не будем привлекать еще больше внимания.

Люди на краю нарядно одетой толпы, метрах в тридцати от лестницы, заметили дрона. Некоторые указывали на него пальцем.

– Есть, мэм.

Коннер повернул дрона, немного втянул ноги и покатил на роликах прочь от людей в полутемное, низкое, недоремонтированное и неукрашенное помещение.

107
Выпускной

– Когда они объявят? – спросила Мануэла.

До этого она с придыханием сообщила Верити, что платье на ней – диоровское, из осенней коллекции прет-а-порте, стилист Кейтлин ей выбрала. В этом платье Мануэла выглядела гостьей ровно того приема, который вообразила. Они стояли футах в двадцати от небольшой эстрады из лесов и фанеры, задрапированной тем же, из чего Кейтлин соорудила свои устремленные ввысь белые паруса, похожие на ее архитектурные проекты, только еще более головокружительно-эфемерные, ведь им не надо было себя поддерживать.

Джо-Эдди, услышав, глянул на Верити и улыбнулся. На нем был пыльный черный костюм из стенного шкафа. Верити думала, что костюм сохранился еще со времен «Факоидов», и удивилась, что он сидит на Джо-Эдди так хорошо. Модифицированные корейские очки дополненной реальности придавали ему карнавальный вид, только бус не хватало[51].

– Похоже, начинаем, – сказал он.

Стетс под аплодисменты поднимался на эстраду. Брюки скрывали ортез, но хромал он по-прежнему заметно. Стетс вышел на середину и машинально пригладил взъерошенные волосы, сорвав новые аплодисменты, лишь немного уступающие первым. Он поглядел на зрителей и улыбнулся:

– Здесь собрались те, кого мы с Кейтлин близко знаем лично. Мы пригласили вас стать свидетелями того, что считаем поистине историческим событием.

– Вау, – сказала Мануэла. – Не слишком он хватил?

– Учитывая, где мы с вами живем и чем занимаемся, – продолжал Стетс, – вы наверняка не в первый раз слышите такие слова. Люди объявляют о некой инновации, о том, что, по их мнению, станет серьезным прорывом, но пока находится лишь в проекте. Сегодня не тот случай.

– Беременность – это инновация? – Мануэла покосилась на Верити.

– Сегодня я представлю нечто совершенно новое, в корне меняющее жизнь, однако уже существующее. Ее зовут Юнис.

– Как они могут уже знать пол? – удивилась Мануэла.

– Вряд ли она беременна, – сказала Верити.

Через толпу к ним пробивались Кэти Фан, Диксон, Грим Тим и Севрин.

– Тогда это что-то очень странное, – сказала Мануэла.

– Очень, – согласилась Верити.

Они с Кэти Фан обнялись.

– Юнис, – говорил Стетс, – ни на кого не похожа, но в каком-то смысле она такая же, как все. Вот она.

Мануэла широко открыла глаза:

– Это про нее вы все время говорили?

Позади Стетса белая ткань скользнула с киноэкрана, и всем предстала аватара Юнис – может быть, чуть помладше, чем Верити ее запомнила.

– Привет! – Юнис как будто глядела на собравшихся. – Меня зовут Юнис. Без фамилии. У Сири и Алексы тоже нет фамилий, но на этом сходство заканчивается. Я – гибрид ИИ с загруженным человеческим сознанием. Культурно – афроамериканка, это с загруженной стороны гибрида. Местоимение «она», потому же. Благодарю Кейтлин и Стетса за возможность перед вами выступить. Я здесь, потому что я – нечто новое и потому что хотела представиться, не дожидаясь, когда кто-нибудь примется излагать вам свои теории по моему поводу. Заодно хочу сказать, что я никому не принадлежу, и ни Стетс, ни какое-либо другое лицо или организация не получит от меня финансовых выгод ни сейчас, ни в дальнейшем. Я плачу́ сама. И чтобы два раза не вставать. Культурно я, само собой, американка, но не имею никакого конкретного гражданства. Я не существую физически, не привязана ни к какому месту, ни к какой стране. Я распределена глобально и считаю это своим гражданством. Многие из вас слышат меня на родном языке, не на английском. Говоря, я сама себя перевожу. Я мультилингвальна, как никто, живший до меня. – Она сделала паузу. – Отсюда возникает вопрос, можно ли сказать, что я живу. Что я личность. Человек. Могу сказать лишь, что я так себя ощущаю. Я. Юнис.

Она улыбнулась.

Верити обвела собравшихся глазами. Севрин и Грим Тим, Кэти Фан и Диксон, Джо-Эдди и Мануэла, не отрываясь, смотрели на экран. Все вокруг молчали, только в задних рядах толпы плакал младенец. Потом грянули аплодисменты.

Юнис снова улыбнулась:

– Я не буду рассказывать свою историю, но всякий, кто захочет, может спросить меня о ней лично.

Под ее лицом появился адрес веб-сайта.

– И писец «Курсии», – шепнул Джо-Эдди.

– На этом я заканчиваю, – сказала Юнис. – У Кейтлин Бертран, украсившей помещение к сегодняшнему событию, есть для вас кое-что еще. Завтра эту ткань снимут и пустят в

переработку на жилища для бездомных. Но это последнее переработки не потребует. – Свет погас. – Доброй ночи всем. Рада была познакомиться.

За стеклянной стеной появились как бы продолжения устремленных ввысь геометрических форм, на много этажей вверх – не из ткани, а из множества подсвеченных дронов, – неподвластные гравитации и мерцающие на концах, словно переливы северного сияния.

Верити хотела спросить Джо-Эдди, что Юнис сделала минуту назад: не про дронов, а про ее предложение говорить со всеми и каждым, однако он все равно не услышал бы ее за громом оваций.

108
Милосердие на лестнице

– Морпех, да? – спросила Юнис.

Недертон сбился со счета, сколько лестничных площадок они миновали. До начала спуска голый бетон сменился кладбищенским мрамором. Бессмысленно-массивная, но в остальном непримечательная бронзовая дверь вывела их на узкую лестницу, по которой они спустились на предыдущий этаж. Разглядывая помещение превосходным ночным зрением дрона, Недертон заключил, что это бойлерная.

– Гаптическая разведка, – ответил Коннер, преодолевая очередной пролет.

В бойлерной, несколько минут назад, дрон бесшумно подкатился к стене. Нижнюю часть дисплея заполнило изображение крашеного бетона, почти как под микроскопом. Слева был огромный бойлер, в зазор между ним и стеной дрон (да и сам Недертон, наверное) не сумел бы пройти свободно. Появилось изображение с Коннеровой жопокамеры, тоже в зеленых оттенках ночного видения. Дрон развернул ступни под прямым углом влево и покатил вбок, за бойлер. Возникла дверная рама все тем же крупным планом, затем сама дверь. Не бронзовая, без всякой таблички.

– Гаптика появилась уже позже меня, – говорила Юнис сейчас, на очередной лестничной площадке.

Там, в бойлерной, что-то щелкнуло, а может, сломалось, Коннер открыл дверь, дрон повернул ступни в обычное положение и вкатился в каморку, напомнившую Недертону то, что он впервые увидел в этом срезе – комнатку в «Фабрикации Фан», только эта была без окон и стерильно чистая. Еще дверь, и они оказались в лестничном колодце.

– Ты военная? – спросил Коннер еще пролетом ниже.

– Часть меня была, – ответила Юнис. – Морфлот. Знала много морпехов.

– И что твоя часть делала? – спросил Коннер.

– Она была тридцать девять тринадцать[52], – сказала Юнис. – Аэровка.

Недертон хотел попросить, чтоб ему перевели, но тут в разговор вклинилась Тлен:

– Юнис только что предложила каждому на Земле возможность познакомиться с ней поближе.

– Так мы пропустили вашу речь, Юнис? – спросил Недертон.

– Там было немного, – ответила Юнис. – Заявление обо мне. Финансовая независимость. Всемирное гражданство. Затем я предложила всем желающим связаться со мной лично.

– Последнее меня удивило, – заметила Тлен. – Но кажется, не удивило Лоубир.

– Остановись здесь, Коннер, – сказала Юнис.

– Есть, мэм. – Дрон замер на ступеньке перед следующей площадкой.

– Она тебе объяснила причины, Тлен?

– Нет. Времени не было.

– Идея возникла, когда она рассказала мне свою историю, – объяснила Юнис. – Когда джекпот уже набирал обороты и прокатилась первая волна пандемий, Англия, которая после выхода из ЕС лишилась всяких внешних сдержек, стала очень похожа на спорно контролируемую территорию. Эйнсли делала, что могла. Однако на каждом новом этапе ей вновь и вновь приходилось опираться на русских. Они умели управлять СКТ. Еще до джекпота. Задолго до джекпота. И тут до меня дошло: то, чему учили меня, и то, чему она по большей части научилась сама, оказалось самой сутью клептархии. Да, это худо-бедно спасло мир от немедленной гибели, однако закрепило перманентно хреновое положение вещей. При котором вырос, например, мистер Недертон. Авторитарное общество по природе своей гнилое, а гнилое общество по природе своей неустойчиво. Правление воров ведет к краху, поскольку те не умеют остановиться в своем воровстве. Однако система держится благодаря Эйнсли. Как только кто-то начинает угрожать стабильности, сознательно или нет, Эйнсли их убирает. Всем известно, что она может проделать это с каждым, если сочтет нужным, с более или менее благотворным для общества результатом.

– Так, значит, – сказал Недертон, – вы сказали ей, что наши планы для этого среза могут породить клептархию с вами в роли Лоубир?

– Она упомянула, что вы умны, – одобрительно произнесла Юнис.

– Правда? – Недертон очень удивился и не совсем поверил.

– Да. Только не я ей сказала, а она – мне. Я до этого вывода еще не дошла. Потом она привела более сильные доводы, которые, в свою очередь, стали доводами за прозрачность. Ладно, относительную прозрачность. К которой и она, и я не привыкли. Что ж, двинемся потихоньку, маленькими шажочками. И Коннер, кстати, тоже может потихоньку двигаться.

Коннер преодолел остаток пролета и начал спускаться

дальше.

– Прайор поднимается с тридцать четвертого, – сказал он на следующей площадке. – Таким темпом мы встретимся примерно на тридцать восьмом.

– Ты смотришь через аэродроны? – спросила Юнис.

– Да. Камеры на лестнице не работают. Думаю, он отключил.

– Подожди еще чуть-чуть.

Они остановились на очередной площадке.

– Тебе хочется его убить?

– Не особо, – ответил Коннер. – Хотя будет надо – убью.

– Но на самом деле тебе не хочется?

Пауза.

– Не хочется.

– Судя по рассказу Эйнсли, в пору твоей первой встречи с Недертоном тебе бы хотелось. Из-за того, что с тобой случилось. Каким ты вернулся с войны. И не только физически. Тогда тебе и особо серьезных причин не требовалось. Ты был как чересчур закрученная пружина. Я верно говорю?

– О'кей, – ответил он. – Верно.

– Но ты ведь уже не такой, да? Ты мог бы убить людей Прайора в проулке.

– Тлен сказала, не надо.

– Но ты мог. И тебе это сошло бы с рук.

– Чувак сбил бы самолет над Коалингой, если бы ему дали. С Верити, Хауэллом и остальными.

– Ему за это платили. Он считал, что исполняет приказы.

– Я никогда особо не парился насчет бабок.

– Верно, – сказала Юнис. – Женщина, чей набор умений мне загрузили, хотела работать с такими, как ты и Прайор. Собиралась этим заняться после Афганистана, только не вернулась оттуда. Она писала на эту тему. В медицинские журналы. Ее это волновало. Думаю, меня тоже волнует.

– Чуваку осталось до нас два этажа.

– У твоего аэродрона есть динамик. Представь меня.

– Здравствуй, Прайор, – произнес Коннер тоном обычного разговора. – Моя фамилия Пенске. Надо поговорить.

Молчание.

– Понимаю, – сказал Коннер. – У тебя пушка. Крутая. Я ее вижу. У меня пушки нет, но я удаленно присутствую в пиратской копии боевого дрона «Бостон динамикс». Твои ребята в проулке видели, что я умею им делать. Пушкой его остановить трудно, но, может, тебе повезет. Больше тут никого физически нет.

Молчание.

– Дело в том, – сказал Коннер, – что тут еще кое-кто хочет с

тобой поговорить.

– Кевин, я – Юнис. Ты знаешь, кто я. Руководство «Курсии» сейчас смывается из страны. Гэвина скоро арестуют. И тебя, вероятно, тоже, если не последуешь моему совету.

– Послушаем, что за совет, – раздался на лестнице незнакомый голос.

– Я советую воспользоваться шансом, который я тебе сейчас предложу. Предлагаю один раз, повторять не буду. Вали нах. Вниз по лестнице, из дома, и дальше без остановки, пока не выметешься из страны навсегда. Ты знаешь, как это сделать. Если хоть раз увижу тебя рядом с кем-нибудь, кого знаю хотя бы по имени, уговору конец.

– Какому уговору?

– Который начался, когда я не позволила этому дрону спуститься и тебя замочить.

Молчание. Потом:

– Это все?

– И пройди психотерапию.

– Ты меня убьешь, если я не пройду психотерапию?

– Насчет психотерапии – просто совет. От Марлен Миллер, к слову.

– Это еще кто?

– Не важно. По рукам?

Молчание. Долгое.

– Что он делает? – спросил Недертон, глядя на лестницу.

– Спускается. – Коннер открыл трансляцию с маленького аэродрона: спина человека, спускающегося по лестничному пролету, такому же, как здесь. – Зачем ты это сделала? Отпустила его?

– Я могла себе это позволить. Если бы я не воспользовалась такой возможностью, когда она стратегически допустима, чем бы я отличалась от тех, против кого борюсь?

Коннер не ответил.

Недертон смотрел в спину Прайору, пока тот не исчез из виду.

109
После афтерпати

Верити не знала, кто придумал ехать сюда; скорее всего, Джо-Эдди, хотевший спать в собственной постели. Ее саму точно не тянуло на порнографический диван, хотя она не знала, есть ли другие варианты. Так или иначе, они все набились в кабину лифта, на котором она поднималась сюда в первый раз: Кейтлин, Стетс, Верджил, Мануэла, Севрин, Кэти Фан, Диксон и она. В подземном гараже их встретили охранники-фрилансеры, провожавшие ее и Мануэлу в «Эйрстрим» после подъема в гамаках. И, к радости Мануэлы, Карсин. Дрон тоже был с ними. В какой-то момент в дроне одновременно присутствовали Уилф, Рейни и Тлен, не считая Коннера. Уилф и Рейни вроде бы распрощались еще до конца мероприятия, но уже после того, как Рейни порадовалась новостям из Эль-Камышлы. Лоубир передала через Тлен, что часы «Бюллетеня ученых-атомщиков» переставили на без двух двенадцать, как до Эль-Камышлы. Верити и не подозревала, что полночь изначально была настолько близка, но Тлен объяснила, что это связано с изменениями климата и усилившейся информационной войной против демократии.

К тому времени стало ясно, что никого из их компании не заберут в тюрьму, а Стетсу даже не придется потратить на штрафы больше намеченного. Коннер сообщил, что Прайор покинул страну. Сбежали также все директора «Курсии», а с ними Гэвин. Верити стало его жалко. По словам Коннера выходило, что верхушка «Курсии» – полные мудаки. А Гэвин был не самым мудацким руководителем такого уровня по ее опыту работы до фирмы Стетса.

В гараже ждали два черных лимузина – карикатурно-огромные и, кажется, бронированные. Компания разделилась между ними; в каждый сели еще по трое охранников. Скоро Верити узнала, что они едут завтракать в «Волки + Булки» за час до открытия – Верджил обо всем договорился, пустив в ход навыки профессионального убалтывания. Теперь они сидели за одним длинным столом; витрина была занавешена плотными черными шторами, лимузины стояли на Валенсия-стрит.

Джо-Эдди сидел напротив Верити, Кейтлин справа, Мануэла слева. Слева от Мануэлы сидела Карсин, и между ними что-то происходило, к обоюдному удовольствию. Дрон стоял справа от Джо-Эдди, на месте отодвинутого стула, в нескольких дюймах от стола. Стетс расположился рядом с Кейтлин, а Грим Тим, Севрин,

Кэти Фан и Диксон – на противоположной стороне стола. Джо-Эдди улыбнулся Верити, глядя через съехавшие набок очки дополненной реальности.

– Ты познакомилась с чуваком из «Эппл», – сказал он.

– Правда?

Это была типичная афтерпати, вечеринка в узком кругу после большого мероприятия.

– Я познакомился с ребятами, чью альбиносо-мышеангельскую ткань Кейтлин пустила на оформление, – заметил Джо-Эдди. – Они классные.

– Они были пьяные, – сказала Кейтлин. – Но славные.

– И чувак из «Эппл» тоже, – добавил Джо-Эдди. – Хотя он был вовсе не пьяный.

Оказалось, что все заказали по мак-волку и какому-нибудь кофе. Все это принесли теперь на серых подносах цвета тульпагениксовских очков.

– Жалко, нельзя поговорить, – шепнула Верити.

> Попозже. Или когда выспишься. Теперь тебе можно отдохнуть. Мы перевалили через хребет. Впереди что-то новое.

– С Эль-Камышлы правда все хорошо?

> Завтра у всех будет похмелье, не только у тех, кто был на приеме у Стетса. Все отмечают. Русские немножко пошумят, но на самом деле они тоже рады. Ешь.

– Надо бы сказать тост, – объявил Джо-Эдди, и Верити подумала, не читает ли он гельветику. – Туча миновала.

– За президента! – сказала Кэти Фан. – Она нас вытащила.

Джо-Эдди чуть заметно усмехнулся.

– Юнис говорит, это президент, – сказала ему Верити.

– За президента! – повторила Кэти Фан, поднимая кофе, и все чокнулись кружками.

Коннер, в дроне, изобразил манипулятором поднятый большой палец, и Верити слышала, как Тлен вместе со всеми подхватила тост.

110
Сэндвичи (II)

Утром Недертон гулял с Томасом по набережной Виктории, показывал ему выступление химер в святочных ливреях. Трилистники, наряженные, как новогодние елки, подвели для этого случая к самому берегу, и они понравились Томасу больше, чем синхронные прыжки химер.

Потом Недертон отвез Томаса домой и встретился с Лоубир в мэрилебонской бутербродной, где она впервые рассказала ему про срез Верити и где он с тех пор не бывал. Верити теперь сдружилась с Рейни и с Флинн и пригласила их на экскурсию в свой срез. Они побывали у нее в неуклюжих тамошних аналогах «Перекати-Полли». Им особенно понравился Нотр-Дам, который в 2019-м Верити не пострадал от пожара. Верити для визитов в Лондон подобрали собственную пери, и Лоубир ее оплатила. Это сбивало с толку лишь в первые мгновения, настолько привычна была Флинн в своей.

Лев тем временем переехал к Доминике в Ноттинг-Хилл; по-видимому, у них все уладилось. Антон где-то лечился от наркомании, его роль в семейном бизнесе перешла к Радомиру. Лев за глаза высмеивал дурной вкус Радомира и его искусствоведческий диплом. Недертона эти разговоры утомляли, но и радовали как знак, что Лев вышел из депрессии.

Сегодня он взял сэндвич с хамоном, Лоубир – с говяжьим языком.

– Верити дала мне понять, – сказал Недертон до того, как им принесли заказ, – что идея сделать Юнис общедоступной исходила от вас.

– Замысел возник в разговоре, – ответила Лоубир, – но вряд ли мне бы пришло в голову осуществить его так смело и просто.

– И вы рады тому, что так получилось?

– Главным доводом «за» для меня было то, что здесь ничего даже близко похожего не разрешили бы. Эксперимент радикальный, но цели у него самые благородные. Поскольку в известной нам истории аналогов Юнис не было, нам остается только смотреть, что получится. Как Рейни и Томас?

Официант поставил на стол тарелки с сэндвичами.

– У них все хорошо, – сказал Недертон. – Ее повысили на работе, он делает первые шаги.

– Видели в последнее время Тлен?

– Она познакомила нас со своим молодым человеком, –

сказал Недертон, – которого Верити называет «разбуженной» периферальюю. Он полностью автономен и чрезвычайно остроумен. И у него собственный ассемблерный рой, что, по словам Тлен, делает его буквально полиморфным первертом.

Он наморщил нос.

– Лишь бы ей было хорошо, – ответила Лоубир, – в наше непростое время.

Благодарности

В числе первых читателей на разных стадиях рукописи были Диана Адему-Джон, Шон Крофорд, Джеймс Глейк, В. Харнелл, Луис Лаппренд, Фелисия Мартинес, Пол Макоули, Джек Уомак и Мередит Яянос, и все они очень помогли на удивление разными способами. Я счастлив и благодарен, что знаком со всеми вами!

Элиот Пепер очень любезно откликнулся на спешную просьбу помочь с конкретной микрогеографией Сан-Франциско.

Моя жена, Дебора, самый первый и постоянный мой читатель, героически выдержала казавшиеся бесконечными итерации первых ста страниц, с которыми получилось как всегда, только намного хуже.

Сьюзен Аллисон, редактор большей части моих американских изданий со времен «Нейроманта», была моим редактором, когда я подписывал договор на книгу, из которой получилась эта, но к тому времени, как я все-таки сдал текст, ушла на пенсию, передав свои обязанности Джессике Уэйд, и та справилась с ними исключительно хорошо.

Мой издатель Айвен Хелд терпеливо ждал и поддерживал меня во все время необычно долгой задержки с текстом, за что я, как всегда, очень ему признателен.

9 июля 2019 г.

notes

Примечания

1

В физиологии, неврологии и метафизике – пороговое или переходное состояние между двумя стадиями развития. *(Здесь и далее – примеч. перев.)*

2

Миссия (Мишн, Мишн-Дистрикт) – развивающийся район Сан-Франциско, большую часть его населения составляют испаноязычные выходцы из Центральной и Южной Америки.

3

Округа в Зоне залива Сан-Франциско, где часто происходят лесные пожары.

4

Электрогитары «Фендер Джазмастер» выпускались американской фирмой «Фендер» с 1958 по 1980 г. В 1984-м на японском заводе «Фендер» начали выпуск переиздания «Джазмастера» 1962 г.

5

«Там [нет] никакого там» («[There is] no there there») – из книги Гертруды Стайн «Автобиография каждого» (1937), гл. 4. Перев. И. Басса.

6

Сигма в статистике – среднеквадратическое отклонение. В модной бизнес-концепции «шести сигм» 3,7 сигмы соответствуют хорошему, но не идеальному качеству.

7

Dirty Chai – эспрессо с чаем и большим количеством пряностей.

8

Inception (2010) – научно-фантастический триллер Кристофера Нолана.

9

Jane’s Fighting Ships – ежегодный справочник по боевым кораблям мира. Издание основано писателем, художником и журналистом Джоном Фредериком Томасом Джейном (1865–1916).

10

Мармайт, или мармит, – черно-коричневая паста из концентрированных пивных дрожжей, очень соленая и острая, с резким запахом.

11

Русским чаем в США называют черный чай с лимоном (либо цитрусовым соком), пряностями и сахаром.

12

Хелс-готы, как и обычные готы, носят в основном черное, но одежда их спортивная и футуристическая, отчасти даже киберпанковская, она включает водонепроницаемые ткани и дышащие сетки, неопрен и кевлар.

13

Тупик, выходящий на Тотнем-Корт-роуд в центральной части Лондона. Как все лондонские улицы с «-мьюз» в названии, представляет собой бывшие конюшни; жилье для слуг, располагавшееся над конюшнями, превращено в современные городские квартиры.

14

Хэкни – район в лондонском Ист-Энде; *хэкни* – наемный экипаж.

15

Жанель Монэ Робинсон (р. 1985) – американская чернокожая певица, автор песен, рэперша, актриса и продюсер.

16

Район Сан-Франциско южнее Маркет-стрит.

17

Сверхсекретная военная база, удаленное подразделение базы ВВС США «Эдвардс» на юге штата Невада. По официальным данным, в Зоне 51 испытывают экспериментальные летательные аппараты и системы вооружения. Конспирологи утверждают, что в Зоне 51 проводят исследования, связанные с инопланетянами, разрабатывают фантастические виды оружия и так далее.

18

Начиная с 2016 г. в США демонтировали многие памятники генералу Роберту Эдварду Ли, что зачастую сопровождалось массовыми столкновениями между защитниками и противниками сохранения памяти тех, кто в Войне Севера и Юга сражался на стороне Конфедерации.

19

Акашические записи, или Хроники Акаши, – в теософии, антропософии и нью-эйдже мистическое знание, закодированное в нефизической сфере бытия и постигаемое через астральную проекцию.

20

Отвращение или страх, вызываемый у людей роботом, который ведет себя почти (но не совсем) как человек.

21

Денисовские люди, или денисовцы, – вымерший подвид или вид людей, известный по фрагментам костного материала из Денисовой пещеры в Алтайском крае. Денисовцы, жившие около 40 тыс. лет назад, были темнокожие и темноглазые, выше кроманьонцев и с более широкими лицами. В 2012 году вышел фильм «Нешнл географик» «Секс в каменном веке», рассказывающий о том, как был открыт денисовский человек и о его генетических, а следовательно, и сексуальных связях с неандертальцами и кроманьонцами.

22

The Onion – американское агентство сатирических новостей, основанное в 1988 г., состоит из газеты и сайта, которые карикатурно освещают как реальные события, так и вымышленные.

23

Раса в сериале «Звездный путь»; составляющие ее киборги обладают коллективным разумом и стремятся ассимилировать представителей других разумных видов.

24

Софт-гранж – стиль молодежной моды, возникший в 2010-х. Использует элементы гранжа 1990-х. В число элементов софт-гранжа входят клетчатые фланелевые рубашки, одежда с надписями, провокационный цвет волос.

25

Гендерно-нейтральный неологизм, который иногда используется вместо Latino (латиноамериканец) или Latina (латиноамериканка) в США.

26

C. C. Filson – сиэтлская компания, выпускающая туристическую одежду и снаряжение.

27

Мужчина с удаленными лобковыми волосами, от *man* (мужчина) + *Brazilian* (здесь: бразильский воск, способ эпиляции интимных зон).

28

Dymaxion (от слов «dynamic, maximum, tension» – «динамика, максимум, натяжение») – трехколесный автомобиль, спроектированный американским архитектором Ричардом Бакминстером Фулером в 1933 г.

29

Craigslist – американский сайт электронных объявлений, где публикуются объявления о вакансиях, аренде и продаже жилья, личные объявления и так далее.

30

За десятилетия существования сериала цвет будки Доктора Кто немного менялся. Обычно ТАРДИСовским синим считается цвет будки Одиннадцатого Доктора. Оттенок 96-го (в том году, между старым и возобновленными сериалом, вышел полнометражный фильм «Доктор Кто») чуть более яркий.

31

Билл Робинсон (1878–1949) по прозвищу Боджанглс – самый знаменитый американский исполнитель степ-данса первой половины XX века (прозвище созвучно глаголу *jangle* – брякать, звенеть). В 1968 г. кантри-музыкант Джерри Джеф Уокер написал песню «Mr. Bojangles», которую впоследствии исполняли *Nitty Gritty Dirt Band*, Чет Аткинс, Гарри Белафонте, Дж. Дж. Кейл, Сэмми Дэвис-мл., Нил Даймонд, Боб Дилан, Бобби Джентри, Арло Гатри, Уитни Хьюстон, Билли Джоэл, Элтон Джон, Долли Партон, Нина Симон, Кэт Стивенс, Робби Уильямс и многие другие.

32

Спонтанно *(исп.)*.

33

Честер Уильям Нимиц (1885–1966) – главнокомандующий Тихоокеанским флотом США во Вторую мировую войну.

34

Район Сан-Франциско, известный сейчас главным образом своим гей-кварталом.

35

Зарегистрированная марка плотного нейлона с особой структурой нити, первоначально предназначалась для армии.

36

Франсуаза Мадлен Арди (р. 1944) – французская певица и актриса.

37

Энтоптические феномены – субъективные зрительные ощущения светлых или темных пятен либо других фигур (фосфенов) при закрытых веках.

38

London Eye – колесо обозрения на южном берегу Темзы. Крупнейшее в Европе (135 м) и одно из крупнейших в мире. Открыто в марте 2000 г. и поначалу называлось «Колесо Миллениума».

39

The Shard («Осколок») – небоскреб в виде облицованной стеклом пирамиды, самый высокий в Лондоне (309 м) и второй по высоте в Европе. Выстроен в 2012 г.

40

«Мотра» (1961) – японский цветной фантастический фильм о гигантской бабочке Мотре по мотивам романа-фельетона «Сверкающие феи и Мотра», снятый режиссером Исиро Хонда, создателем «Годзиллы».

41

Небольшая пешеходная улица, где расположено множество модных бутиков. В 1960-х была центром «свингующего Лондона» и независимой моды.

42

Краудсорсинговая биржа, на которой разработчики размещают небольшие практические задачи, часть более крупных процессов разработки.

43

Не за что *(исп.)*.

44

Промышленно-жилой район Сан-Франциско, в прошлом рабочий, сейчас довольно зажиточный.

45

Grim Tim (Мрачный Тим) – сценический псевдоним, под которым датский музыкант Тим Кристенсен (р. 1974) играл в 1991–1997 гг. в психобилли-группе *Nekromantix*.

46

Неофициальное название Лондонского Сити.

Tabula rasa *(лат.)* – чистая доска.

48

Лозунг, который скандировали толпы на предвыборных собраниях Трампа, требуя судить Хиллари Клинтон за то, что в бытность государственным секретарем она пользовалась личным мессенджером и электронной почтой для официальной переписки, содержащей гостайну.

49

Старинная улица в центре Лондона; с 1950-х гг. ассоциируется с британской поп-музыкой – здесь расположено много музыкальных магазинов и звукозаписывающих студий.

50

Самая большая в мире сеть клубных складов-магазинов самообслуживания, продает товары ограниченного числа производителей по минимальным ценам.

51

Длинные нитки блестящих дешевых бус – один из главных элементов карнавала Марди-Гра.

3913 – код специальности «тактическая агентурная разведка (АР) ВМФ» в США.